Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

HD WIDENER
HW RRMC 8

Digitized by Google

Изъ библіотеки
Я. І. Гурлянда
Отд Пер № 373
Р. 254
J. I. Gurljand

Jewish Cultural Reconstruction

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1885.

Digitized by Google

Δ
KSF 458 (1885/8)

60*2

Digitized by Google

Распоряженіе Управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 3-го іюля 1885 года.

Принимая во вниманіе, что издающаяся при журналѣ «Восходъ», въ видѣ приложенія, «Недѣльная Хроника Восхода», не смотря на объявленное этимъ изданіямъ въ прошедшемъ году предостереженіе, продолжаетъ дерзко порицать законы и правительственныя распоряженія, касающіяся евреевъ, и возбуждать сихъ послѣднихъ противъ существующаго порядка, внушая имъ убѣжденіе, что и правительство, и всѣ сословія русскаго народа относятся къ нимъ съ безпощадною и слѣпою жестокостью, и что такое направленіе съ особенною несдержанностью выразилось въ статьѣ, озаглавленной «Мимоходомъ», въ № 29 «Недѣльной Хроники» минувшаго года, въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ № 48 минувшаго года, въ передовой статьѣ № 24, въ передовой же статьѣ и въ заграничной хроникѣ № 25 текущаго года, а также въ статьяхъ «Роль буржуазіи» и «Теорія еврейскаго вопроса» въ № 2 журнала «Восходъ» текущаго года, Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз., св. зак. т. XIV, по прод. 1876 г., и согласно заключенію Совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Восходъ» и издаваемой при немъ, въ видѣ приложенія, «Недѣльной Хроникѣ Восхода» *второе* предостереженіе, въ лицѣ редактора-издателя купеческаго сына *Адольфа Ландау*.

Digitized by Google

Digitized by Google

НА СМЕРТЬ МОНТЕФІОРЕ.

Не какъ женихъ надъ блѣднымъ трупомъ милой,
Не какъ боецъ надъ свѣжею могилой
На полѣ битвы павшаго вождя,—
Но какъ больное, бѣдное дитя
Въ чужомъ краю, безъ ласки и привѣта,
Въ сыромъ углу, безъ воздуха и свѣта,
Склонясь надъ трупомъ матери своей—
Я плачу надъ могилою твоей.

Ты маякомъ горѣлъ надъ жизнью нашей.
Мы пили радость каплей, горе—чашей,
И каплю эту намъ ты услаждалъ
И чашу эту съ нами раздѣлялъ.
Казались дольше радости мгновенья,
Короче—годы скорби и мученья...
И сердце намъ, бывало, говоритъ:
„Заржавѣлъ мечъ и сломанъ старый щитъ;
Въ степи, подъ слоемъ праха вѣкового,
Истлѣли клочья знамени святого;
Не выйти вамъ дружиною на бой,
Не побѣдить вамъ недруговъ борьбой,

Digitized by Google

Но и не пасть вамъ жертвою безсильной,
Не пасть, пока еще во тьмѣ могильной
Такое око свѣтлое горитъ,
Такое сердце бьется и кипитъ..."

Но эти очи смерть навѣкъ закрыла,
Но это сердце смолко и застыло,—
И, съ ужасомъ въ грядущее глядя,
Какъ бѣдное, безсильное дитя
Въ чужомъ краю, безъ ласки и привѣта,
Въ сыромъ углу, безъ воздуха и свѣта,
Надъ блѣднымъ трупомъ матери своей, —
Мы плачемъ надъ могилою твоей...

С. Фругъ.

Digitized by Google

ЭЛЬ МОЛЕ РАХМИМЪ.

РАЗСКАЗЪ.

(Изъ Гомулицкаго).

I.

На дворикѣ убогаго домишки
Еврейскаго, въ прекрасный лѣтній вечеръ,
Среди толпы гостей и любопытныхъ,
Стоялъ и я, тайкомъ туда пробравшись.
(Соединять людей не въ силахъ вѣра,
Когда на вѣрѣ зиждется вражда).
И вотъ, никѣмъ въ толпѣ той незамѣченъ,
За празднествомъ я молча наблюдалъ.
Толпа была знакома близко мнѣ:
Она изъ тѣхъ евреевъ состояла,
Которыхъ мы встрѣчаемъ на базарѣ:
Тряпичники, торговцы, ломовые
И факторы—вотъ, кто пришелъ на свадьбу
Бѣднѣйшаго изъ бѣдныхъ торгашей
И дочери тряпичницы-старушки.
И точно такъ, какъ были тѣ евреи
Обыкновенны, былъ по виду простъ

Digitized by Google

И дворикъ, гдѣ справлялась свадьба Ицки:
Въ его углу, у низкаго забора,
Двѣ чахлыя акаціи росли;
На жердочкѣ забытая перина
Сушилася; изъ оконъ вырывался
Удушливый и ѣдкій запахъ блюдъ,
И нѣсколько встревоженныхъ гусей,
Проснувшись, у конюшни гоготало.
А съ высоты небеснаго шатра
Глядѣли звѣзды зоркими очами,
И слышалось дыханье ночи, полной
Таинственнымъ и царственнымъ величьемъ.
По временамъ, какъ зрѣлые колосья,
Склонялись лица смуглыя гостей,
И восковыхъ гавдалій яркій свѣтъ
На нихъ дрожалъ лучами золотыми,
Подобными сплетенному изъ молній
Мечу въ рукѣ архангела святого.
А самъ женихъ подъ старымъ балдахиномъ
Стоялъ, одѣтый въ праздничный нарядъ,
И, свѣтомъ тѣхъ гавдалій озаренный,
Казался мнѣ совсѣмъ еще ребенкомъ.
На эту всю картину я смотрѣлъ
И безучастно, и недружелюбно:
Хоть Ицекъ былъ сіяньемъ озаренъ
Торжественнымъ, хоть и стоялъ онъ гордо
Среди двора, какъ передъ алтаремъ, —
Но для меня онъ все жъ былъ только Ицкой

Digitized by Google

И видѣлъ въ немъ я бѣднякa-торговца.
И въ остальныхъ поэзіи нисколько
Не замѣчалъ я, хоть найти старался.
Казались мнѣ они людьми простыми,
Которые съ заботливостью равной
И бороды свои, и состоянье,
И вѣру праотцевъ оберегаютъ.
Хоть лицамъ ихъ мерцаніе луны
И яркій блескъ дымившихся гавдалій
Какую-то таинственность дарили,
Однако въ нихъ ничто—ни вдохновенье,
Ни торжество, ни грусть—не отражалось.
И я глядѣлъ на нихъ недружелюбно.

II.

Но пѣнье это скоро прекратилось
И замерло вдали протяжно, глухо...
И вдругъ тогда открылись съ шумомъ настежъ
И дверь и окна хаты, гдѣ невѣста,
Съ заплаканнымъ, взволнованнымъ лицомъ,
Окружена еврейками, сидѣла.
Тогда простеръ надъ нею руки канторъ
Съ свѣтящимся и вдохновеннымъ взоромъ,
Съ почтенною, сѣдою бородой.
И вспомнилъ тутъ онъ про отца невѣсты,
Котораго на праздникѣ семейномъ
Быть не могло—(давно уже онъ умеръ).

Digitized by Google

Какой тогда ужасный плачъ поднялся!
Какіе вопли, стоны раздались!
И вотъ, среди отчаянныхъ рыданій,
Ломанья рукъ и причитаній скорбныхъ,
Послышался напѣвъ „Эль Моле Рахмимъ“.
Оцѣпенѣвъ, какъ будто очарованъ,
Заслушался я дивной пѣсни этой...
Сначала въ ней какъ-бы звучали слезы:
Лилась она спокойно и печально,
Глубокую, но сдержанную скорбь
Неся къ стопамъ Всевышняго Владыки.
(Такъ взрослый сынъ одинъ лишь плакать можетъ,
Придя къ отцу на свѣжую могилу).
Но далѣе та пѣсня, озаряясь
Чудеснымъ свѣтомъ вѣры и надежды,
Могуществомъ какъ будто окрылялась
И, въ бѣшенный отъ боли, дикій вопль
Внезапно вылившись, она неслась
На древнія, священныя кладбища—
Оплакивать израильскія кости,
По всей землѣ разсыпанныя всюду;
Скорбѣть о томъ, что, какъ степной песокъ,
Могилы эти древнія безплодны,
Что сорная трава на нихъ ростетъ,
Что мелочны и слабы стали люди
И что суровъ тяжелый мракъ неволи!..

Digitized by Google

III.

О, не забыть мнѣ дивной пѣсни этой!
Рвалась она, рвалась неудержимо,
Какъ-бы ручей, когда онъ послѣ бури
Въ широкую и пѣнистую рѣку
Съ клокочущей пучиной обратится.
Живымъ огнемъ святого вдохновенья
Глаза пѣвца горѣли, по лицу
Струились капли пота крупнымъ градомъ,
И весь дрожалъ въ волненьи пылкомъ старецъ.
Всѣхъ тронула его святая пѣсня—
Всѣ плакали, подавленные скорбью
Великою. И древняя старушка,
Разбитая давно параличомъ—
Такъ даже та какъ будто оживилась,
И на ея зѣницахъ помертвѣлыхъ
Алмазами заискрилися слезы.
Когда жъ пѣвецъ про Іерусалимъ
Святой запѣлъ—(про эту мать, что ярко
Вдали своимъ сіяетъ ликомъ бѣлымъ,
Хоть скорбными, надгробными слезами
Уже давно оплакана она)—
Когда судьбы безжалостной жестокость
Напомнилъ онъ—гоненья, нищету,
Скитанія и счастье дней былыхъ—
То счастье, что загублено навѣки
И унеслось, какъ рѣзвый вѣтеръ въ полѣ,—

Digitized by Google

Въ сердцахъ толпы его святая пѣсня,
Ихъ ранъ касаясь звуками своими,
Отозвалась мучительною болью...
И въ бѣшенствѣ отчаянномъ толпа
Вдругъ безнадежнымъ воплемъ разразилась...
О! понялъ я тогда ея страданья!
И грудь моя исполнилась тоской,
И дороги мнѣ стали эти люди,
Въ сознаніи величія былого
Къ Всевышнему несущіе моленья
И жалобы на горькую судьбу...
Я понялъ ихъ и сразу полюбилъ!..
Казалось мнѣ, что выросли они
Въ моихъ глазахъ и благороднѣй стали.
И не было слѣда насмѣшки прежней
Въ моемъ умѣ: ужъ пятенъ безобразныхъ
На старомъ балдахинѣ, подъ которымъ
Стоялъ женихъ, не замѣчалъ я; Ицекъ
Смѣшонъ своимъ нарядомъ не былъ мнѣ;
Гостей-же лица не были противны...
Нѣтъ, новую, прекрасную картину
Передъ собой, какъ-бы во снѣ, я видѣлъ:
Мнѣ чудилось, что перенесся я
Въ цвѣтущую, роскошную долину
И что стою я у подошвы самой
Ливана, глядя на его вершины,
Ушедшія въ сѣдыя облака,
И будто онъ мнѣ что-то шепчетъ тихо.

Digitized by Google

Играя мрачною листвою кедровъ;
Луна своимъ сіяньемъ серебристымъ
Долину всю волшебно озаряетъ;
Пустыня жжетъ дыханьемъ раскаленнымъ,
Которое доносится къ Ливану,
Но вѣера изъ листьевъ гордыхъ пальмъ
Лицо мое прохладой освѣжаютъ...
Мнѣ чудилось, что изъ сердецъ людскихъ
И ненависть исчезла, и обманъ,
А имъ взамѣнъ пришли любовь и правда,
И съ высоты небеснаго шатра
Благословлялъ народы Іегова...

Н. Позняковъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РИЖСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Второй періодъ*.

(1798—1818).

XIV.

Тѣмъ временемъ борьба между рижскими нѣмцами и евреями разгорѣлась не на шутку. По мѣрѣ того, какъ нѣмцы чувствовали, что почва ихъ древнихъ привиллегій колеблется подъ ихъ ногами, они все болѣе придирались къ евреямъ. Такъ, напр., сіятельное лифляндское губернское правленіе очень разсердилось, что евреи дерзнули присвоить себѣ фирму «Рижско-шлокской общины», и написало по этому поводу кагалу грозное посланіе, въ которомъ между прочимъ говорится, что община не имѣетъ на то никакого права, такъ какъ, на основаніи привиллегій Риги, къ этому городу никакихъ евреевъ приписывать не дозволено, и поэтому и не можетъ существовать въ Лифляндіи рижской еврейской общины, а возможна только община шлокская; соединеніе же этихъ двухъ названій въ одно можетъ служить только поводомъ къ будущимъ недоразумѣніямъ. Вслѣдствіе того, прошеніе, поданное кагаломъ (по какому-то дѣлу) было возвращено, дабы передѣлать названіе и именовать общину принадлежащимъ ей по закону именемъ. «Не смотря на такое внушеніе (Belehrung)—говорится далѣе въ посланіи—кагалъ шлокской еврейской общины осмѣлился (hat sich unterstanden) то же прошеніе безъ всякаго измѣненія опять послать въ лифляндское губернское правленіе въ запечатанномъ конвертѣ, и поэтому оное правленіе вынуждено

---

* См. Восходъ кн. VII

Digitized by Google

предписать рижскому полицейскому управленію: призвать (vorzubescheiden) кагалъ шлокской еврейской общины и сдѣлать ему строгій выговоръ (strengen Verweis) за обнаруживаемое ослушаніе (Renitenz); воспретить ему, подъ опасеніемъ законной отвѣтственности, называть общину, представителемъ которой онъ служитъ, иначе, какъ по мѣсту ея законной приписки; возвратить ему прошеніе съ прорѣзаннымъ содержаніемъ, приказавъ оное вновь представить съ необходимыми измѣненіями несоотвѣтственнаго (ungehörig) выраженія «Рижско-шлокская еврейская община» въ теченіе трехъ дней подъ страхомъ пени въ 50 руб. ассигнаціями».

Чѣмъ кончился этотъ инциндентъ—объ этомъ я въ актахъ архива ничего не нашелъ, не смотря на тщательные мои поиски. Но судя по всему, губерное правленіе восторжествовало, не надолго однако, какъ будетъ видно ниже. Названіе, которое привело въ такое негодованіе губерное правленіе, не только было офиціально утверждено и освящено, но еще значительно расширено. Вмѣсто рижско-шлокской еврейской общины, каковое названіе найдено было «несоотвѣтственнымъ», рижскимъ евреямъ даровано было право называться рижскимъ еврейскимъ обществомъ. Но эта метаморфоза, о которой я сообщу подробно, совершилась лишь въ 1842 г., а до наступленія этого періода и и еще впослѣдствіи, рижскимъ евреямъ пришлось выстрадать довольно много.

Мелкія придирки не прекращались, что и вызывало жалобы со стороны обиженныхъ евреевъ. Вслѣдствіе одной такой жалобы на притѣсненія рижскаго магистрата, «уменьшающаго» права рижскихъ евреевъ и справедливость (der hiesigen Hebräer Rechte und Gerechtigkeit kürzen), генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи поручилъ лифляндскому гражданскому губернатору произвести дознаніе и сообщить ему о тѣхъ распоряженіяхъ, законахъ, обычаяхъ и другихъ обстоятельствахъ, которыя мѣшаютъ удовлетворенію ходатайства шлокской еврейской общины о разрѣшеніи ей имѣть постоянное мѣстожительство въ Ригѣ. Губернаторъ обратился по этому поводу за разъясненіемъ къ рижскому магистрату, который счелъ долгомъ представить подробное изложеніе. При этомъ магистратъ заявилъ, что поданная маркизу Паулуччи евреями жалоба заключаетъ въ себѣ преднамѣренное извращеніе

Digitized by Google

фактовъ, на что магистратъ позволяетъ себѣ обратить вниманіе начальства. Въ Ригѣ вовсе не существуетъ еврейской общины, которая проживала бы тамъ съ незапамятныхъ временъ, какъ выражаются просители. Это вообще не могло быть, такъ какъ испоконъ вѣковъ евреямъ рѣшительно воспрещено постоянное пребываніе здѣсь, какъ мѣстными, такъ и общими имперскими законами и Высочайше изданными постановленіями, и это запрещеніе никогда не было высшею властью отмѣнено или подвергнуто существеннымъ измѣненіямъ. Точно также эта мнимая община не въ состояніи доказать, что существующіе законы ей разрѣшили мѣстожительство въ Ригѣ, или что приказано ихъ приписать къ посаду Шлокъ; только 15 подробно поименованныхъ семействъ получили въ 1766 г. дозволеніе проживать въ Ригѣ; тѣ же, которые приписаны къ Шлоку, тамъ и имѣютъ мѣстопребываніе на основаніи постановленій, и въ Ригѣ столь же мало могутъ проживать, какъ всѣ чужіе евреи; они никогда не составляли здѣсь общины и составлять не имѣли права, но подъ разными предлогами противузаконнымъ образомъ такъ накопились здѣсь, что губернское правленіе вынуждено было изданнымъ 29-го іюля 1813 г. постановленіемъ, не предоставляя имъ никакихъ правъ, разрѣшить имъ временное пребываніе въ Ригѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ испрошенной правительствующимъ сенатомъ по этому поводу резолюціи. Проситель К. не есть здѣшній покровительствуемый еврей, но одинъ изъ тѣхъ, приписанныхъ къ Шлоку евреевъ, которые временно терпимы здѣсь въ ожиданіи означенной резолюціи, и онъ имѣлъ смѣлость въ своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи ссылаться на это противузаконное пребываніе въ Ригѣ, которое только дозволялось ему и его единовѣрцамъ, какъ бы на древнее право, и желалъ представить шлокскихъ евреевъ, какъ дѣйствительныхъ здѣшнихъ жителей, которымъ нѣтъ болѣе надобности бороться изъ-за права селиться здѣсь, но которые только жалуются на то, что имъ не предоставлено одинаково съ остальными жителями этого города пользоваться правами труда. Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе указовъ, привиллегій и пр., изъ которыхъ явствуетъ, что евреямъ постоянное пребываніе въ Ригѣ запрещено.

«Всѣ эти послѣдовательно возобновленныя и рѣшительно со-

Digitized by Google

гласныя между собою законопостановленія (такъ продолжаетъ магистратскій меморандумъ) рѣшительно противится всякому поселенію евреевъ здѣсь и достаточно доказываютъ, что правительство, знакомое съ положеніемъ этого дѣла, всегда признавало введеніе его здѣсь вреднымъ. Кромѣ того, опытъ, въ особенности за послѣднее время, повсюду доказалъ, что всякое пренебреженіе соблюденіемъ здравыхъ законовъ причиняетъ этому городу наиболѣе чувствительный вредъ и въ очень высокой степени угрожаетъ его нравственности и благосостоянію. Вредное вліяніе ежедневно накопляющихся здѣсь подъ разными предлогами, въ противность самымъ опредѣленнымъ законамъ, евреевъ чувствуется всѣми промышленными классами, отъ перваго до послѣдняго. Проживающіе собственно въ Бѣлоруссіи и тамъ приписанные евреи, которые пріѣзжаютъ сюда для продажи привозимыхъ имъ предметовъ торговли и имѣютъ право пребыванія здѣсь не болѣе шести недѣль, продолжаютъ свое пребываніе благодаря разнымъ противузаконнымъ средствамъ и производящіяся часто по этому поводу судебныя изслѣдованія показываютъ, что, вмѣсто привоза товаровъ, они заключаютъ контракты на срочныя продажи и самые товары втайнѣ покупаютъ здѣсь и здѣшніе жители низшихъ сословій помогаютъ имъ въ этихъ противузаконныхъ дѣйствіяхъ, причемъ они лишаютъ гражданъ и купцовъ, платящихъ казнѣ налоги и лично трудящихся въ пользу роднаго города, обезпеченнаго за ними заработка и силятся разными средствами увлекать ихъ за собою, заставлять ихъ забывать свой долгъ. Вслѣдствіе новыхъ торговыхъ законовъ, оказался необходимымъ всесторонній надзоръ за торгующею публикою, и исполнить это можно не иначе, какъ посредствомъ содѣйствія присяжныхъ маклеровъ, которымъ вмѣняется въ обязанность не заключать никакихъ дѣлъ иначе, какъ только узаконеннымъ способомъ. Евреи-же, которые постоянно стараются разыгрывать на биржѣ роль маклеровъ, хотя это имъ строжайше воспрещено, пользуются всякимъ случаемъ для совершенія противузаконныхъ сдѣлокъ и служатъ тѣмъ изъ торгующей публики, которые хотятъ обходить постановленія, постоянными подстрекателями и помощниками. Точно такъ-же они являются конкуррентами гражданъ и ремесленниковъ, уплачивающихъ городскіе и казенные налоги и кромѣ того, благодаря нашимъ установленіямъ, лично

Digitized by Google

посвящающихъ свои труды пользѣ своихъ согражданъ въ большинствѣ профессіональныхъ работъ,—и отнимаютъ у нихъ средства къ жизни, обезпеченныя закономъ, не принося публикѣ никакой пользы своею личностью, не представляя гарантіи за то, что имъ ввѣряется. Низшіе классы, какъ это доказано ежедневными судебными слѣдствіями, постоянно подвергаются обману отъ ихъ мелкой торговли и запрашиванья, въ особенности же вслѣдствіе того, что евреи убѣждаютъ этихъ людей черезъ ихъ посредство продавать свое ничтожное имущество, причемъ обманываютъ ихъ не только относительно дѣйствительной стоимости, но также присвоиваютъ себѣ самые предметы, причемъ пользуются тою выгодою, что противъ нихъ нельзя дѣйствовать путемъ экзекуціи, потому что они, при всѣхъ своихъ безчестныхъ поступкахъ, обыкновенно или ничего не имѣютъ, или ловко умѣютъ скрывать свое имущество. Наконецъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что, какъ достаточно доказано актами уголовнаго суда, при всѣхъ слѣдствіяхъ, производимыхъ по дѣламъ контрабандной торговли, евреи повсюду играютъ выдающуюся роль и являются такими помощниками, при содѣйствіи которыхъ вообще совершаются противузаконныя дѣйствія, такъ какъ, они, благодаря своимъ многочисленнымъ связямъ заграницею и въ Литвѣ, употребляютъ всѣ средства, чтобы расширить эту противузаконную торговлю, которая главнымъ образомъ и служитъ тайною причиною ихъ нынѣшняго большаго накопленія въ Ригѣ. Нельзя также скрывать, что эти продѣлки евреевъ, разсчитанныя на самое дерзкое нарушеніе государственныхъ законовъ, находятся въ связи съ необезпеченностью личнаго имущества гражданъ, ибо по мѣрѣ того какъ продолжается противузаконное пребываніе евреевъ въ Ригѣ, число которыхъ все увеличивается, учащаются кражи и невозможность отыскать краденое, что въ особенности въ послѣдніе годы сильно тревожитъ всѣхъ жителей».

Я нарочно привелъ подробную выписку изъ необыкновенно длинной меморіи рижскаго магистрата, являющейся тяжеловѣснымъ обвинительнымъ актомъ, чтобы показать степень раздраженія этой почтенной корпораціи противъ ненавистныхъ имъ евреевъ. Если вѣрить авторамъ меморіи, то еврейство такое зло,

Digitized by Google

которое необходимо вырвать съ корнемъ. Изгнаніе евреевъ изъ Риги—вотъ ихъ цѣль. Но къ счастью, доза яда, которую хотѣли дать еврейству, оказалась такою громадною, что не причинила паціенту никакого вреда. Авторы ядовитой меморіи рижскаго магистрата, увлекшись излишнимъ усердіемъ, позабыли извѣстное правило—«pas trop de zêle!» и пересолили. Евреевъ такъ чернили, выставляли такими злодѣями, писали съ нихъ такой безобразный, отвратительный портретъ, что невольно возникали сомнѣнія относительно сходства, и невольно читавшіе этотъ направленный противъ цѣлой народности обвинительный актъ спрашивали себя въ недумѣніи: Неужели возможно, чтобы цѣлый народъ состоялъ изъ однихъ негодяевъ? Что-то неправдоподобно!

Авторы пересолили и поэтому не достигли «благой» цѣли, которую они имѣли въ виду. Количество яда было слишкомъ чудовищное и—паціентъ былъ спасенъ.

Никогда еще, быть можетъ, эгоизмъ не выступалъ въ такой циничесской формѣ. Онъ не старается нисколько прикрыть себя. Евреи—негодяи, потому что являются конкуррентами. Они стали намъ поперегъ дороги, необходимо ихъ изгнать, уничтожить, такъ какъ посредствомъ конкурренціи покушаются на наши карманы, на наше матеріальное благосостояніе. Долой евреевъ! вопіютъ купцы и ремесленники, и вотъ составляется обвинительный актъ, въ которомъ не жалѣютъ красокъ. Сквозь каждую строку, сквозь каждое слово просвѣчиваетъ—Brodneid. Они намъ вредятъ—вонъ евреевъ!

Нечего указывать на вопіющія противорѣчія, встрѣчаемыя въ этомъ курьезномъ документѣ, составленномъ въ началѣ этого столѣтія, но копіи котораго можно встрѣчать на каждомъ шагу и теперь. Евреи обираютъ всѣхъ и сами—нищіе! Ихъ даже нельзя привлекать къ отвѣтственности, потому что у нихъ нѣтъ никакого имущества. Еврей голъ какъ соколъ, бѣдствуетъ, нищенствуетъ, а между тѣмъ онъ грабитъ казну и частныхъ лицъ, обираетъ купцовъ и мѣщанъ, отнимаетъ кусокъ хлѣба у ремесленника, захватываетъ въ свои жадныя руки всю торговлю, высасываетъ лучшіе соки у толпы! Странное противорѣчіе! Куда дѣваются всѣ эти награбленныя богатства? Что дѣлаетъ пьявка

Digitized by Google

съ кровью, которую она высасываетъ у рижскихъ нѣмцевъ безъ различія сословій? По-истинѣ неразрѣшимая проблема!

XV.

Этотъ торгашескій духъ, впрочемъ, высказывался во всемъ, и рижскіе ремесленники, нисколько не стѣсняясь, заявляли, что они враждебно относятся къ евреямъ, потому что тѣ также хотятъ жить. Ремесленные старшины протестовали противъ примѣненія къ рижскимъ евреямъ правилъ положенія о евреяхъ, отъ 29 декабря, предоставлявшихъ этимъ злополучнымъ паріямъ человѣчества хотя бы нѣсколько человѣческихъ правъ. Гордый браминъ былъ возмущенъ до глубины души такою дерзостью презрѣннаго парія.

— Но я долженъ также жить!—вопіетъ парій.

— Я не вижу въ томъ никакой надобности!—отвѣчаетъ браминъ.

И вотъ старшины малой рижской гильдіи (т. е. ремесленнаго цеха) протестовали противъ положеній, даровавшихъ евреямъ нѣкоторыя микроскопическія права. Они при этомъ ссылались на ремесленный уставъ 1818 г., регулирующій отношенія христіанскихъ цеховъ. Тамъ, правда, говорится, что и не-цеховые ремесленники имѣютъ право своимъ трудомъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и заниматься своимъ ремесломъ—но безъ всякихъ подмастерьевъ и помощниковъ. Но эта льгота будто относится только къ христіанамъ. Еврейское положеніе 1822 г. распространяетъ эту льготу также на рижскихъ покровительствуемыхъ евреевъ и терпимыхъ здѣсь шлокскихъ евреевъ, но упускаетъ, при этомъ изъ виду, что право снискивать себѣ существованіе своимъ ремесломъ предоставляется ремесленнымъ уставомъ только такимъ лицамъ, которыя имѣютъ здѣсь право жительства, а къ этой категоріи шлокскихъ евреевъ причислять нельзя. Поэтому и прочее, и прочее.

Воспрещать, не дозволять, высылать, не признавать, изгонять и т. п. глаголы разнаго рода спрягаются всѣми; всѣ просьбы и ходатайства, меморіи и петиціи направлены въ этомъ духѣ. Проживать евреямъ въ Ригѣ еще можно, но жить нельзя. Лишь только

Digitized by Google

онъ берется за что нибудь, дабы кормить себя и свое семейство (этотъ илотъ дерзаетъ обзавестись семействомъ! Почему имъ не запрещаютъ вовсе сочетаться бракомъ или почему, по крайней мѣрѣ, не ограничиваютъ числа браковъ, какъ было въ началѣ этого столѣтія въ Франкфуртѣ на Майнѣ и другихъ городахъ и государствахъ Германіи),—едва онъ дѣлаетъ это, какъ является обиженный и кричитъ: Stop Jude! ты отнимаешь у меня хлѣбъ! Этого я не потерплю!..

Жалобы старшинъ ремесленниковъ, однако, найдены были подлежащею властью неосновательными и поэтому эгоистическое требованіе —заставить евреевъ сложить руки и умереть съ голода не было уважено, и ходатайство это, какъ не подлежащее удовлетворенію, отклонено.

Но не смотря на такое заступничество властей, права, которыми пользовались еврейскіе ремесленники въ Ригѣ, хотя бы и кореные, были довольно микроскопическія. Такъ, напр., въ ремесленномъ уставѣ, въ четвертой главѣ, спеціально трактующей о евреяхъ, въ § 22 сказано слѣдующее: «Такъ какъ по обнародованному высшею властью еврейскому положенію для Лифляндской губерніи (отъ 29 декабря 1829 г.) шлокскимъ евреямъ разрѣшено постоянное пребываніе въ Ригѣ и имъ дозволено, какъ ремесленникамъ, жить трудами своихъ рукъ, и обучать своихъ дѣтей также ремеслу, то евреямъ дозволено, какъ нецеховымъ, заниматься такими работами, которыя разрѣшены нецеховымъ ремесленникамъ вообще, но съ слѣдующими ограниченіями: 1) имѣютъ они право проживать только въ форштадтахъ, исключая того случая, когда ремесленнику-еврею жительство въ городѣ разрѣшено губернскою властью въ видѣ исключенія; 2) они могутъ заниматься своимъ ремесломъ только одни, безъ какой либо помощи одного изъ своихъ единовѣрцевъ, тѣмъ паче христіанина; 3) не пользуются правомъ имѣть какой либо ремесленный знакъ, вывѣску или доску съ наименованіемъ своего ремесла; за нарушеніе этихъ постановленій они подвергаются строжайшей отвѣтственности передъ судомъ; еврейскіе же ремесленники другихъ губерній и городовъ отнюдь не могутъ здѣсь заниматься своимъ ремесломъ и подлежатъ высылкѣ».

Но нельзя сказать, чтобъ и сами рижскіе евреи отличались терпимостью, въ особенности въ отношеніи къ своимъ польскимъ и литов-

Digitized by Google

скимъ единовѣрцамъ. Казалось бы, что люди, подвергавшіеся такимъ гоненіямъ и униженіямъ изъ-за своей національности и религіи, должны были сдѣлаться болѣе талерантными, такъ какъ имъ лучше, чѣмъ кому либо другому, извѣстно, какими печальными послѣдствіями сопровождаются религіозная нетерпимость и племенная исключительность. Въ особенности можно было ожидать, что покревительствуемые и просто терпимые евреи въ Ригѣ отнесутся сочувственно къ своимъ польскимъ и литовскимъ собратамъ, временно пріѣзжавшимъ въ Ригу для торговыхъ цѣлей, и постараются облегчить ихъ положеніе, которое, какъ читатели могли убѣдиться изъ всего предшествовавшаго, было куда еще хуже и безотраднѣе. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ противоположное. Рижскіе евреи не только не относились сочувственно къ горькой участи своихъ литовскихъ и польскихъ единовѣрцевъ (изъ среды которыхъ они, однако, избирали себѣ законоучителей, раввиновъ, рѣзниковъ, моэловъ, кантороъ и синагогальныхъ служителей), но, напротивъ, нерѣдко поступали въ отношеніи къ нимъ столь же безпощадно сурово, какъ дѣйствовали противъ нихъ самихъ коренные нѣмцы. Рижскіе покровительствуемые и терпимые евреи смотрѣли съ презрѣніемъ съ высоты своего нѣмецкаго платья на литовскихъ и польскихъ евреевъ въ длиннополыхъ балахонахъ. Первые были завиты и бриты; послѣдніе носили длинные пейсы и всклокоченныя бороды; первые говорили на сносномъ нѣмецкомъ языкѣ; послѣдніе—на отвратительномъ еврейскомъ жаргонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, были основательныя причины для покровительствуемыхъ и терпимыхъ евреевъ города Риги чваниться, считать себя высшею расою.

Но покровительствуемые и терпимые евреи не ограничивались молчаливымъ и величественнымъ презрѣніемъ относительно литовскихъ и польскихъ единовѣрцевъ; они нерѣдко старались даже насолить имъ и иногда отъ словъ переходили къ дѣлу. Такъ, напр., случилось, что рижскій кагалъ самъ ходатайствовалъ о выселеніи означенныхъ своихъ единовѣрцевъ изъ Риги, обнаруживая ихъ не всегда законные происки для того, чтобы продлить срокъ своего пребыванія. Я нашелъ между прочимъ одно весьма курьезное прошеніе кагала, направленное противъ женщинъ, и считаю не лишнимъ привести его здѣсь. Вотъ этотъ любопытный документъ, изъ котораго видно, что фиктивные браки (о которыхъ въ послѣдніе годы

Digitized by Google

такъ много говорили по поводу анархическаго движенія) вовсе не продуктъ новѣйшей формаціи, а практиковались еще гораздо раньше, правда, не для политико-революціонныхъ происковъ, а ради другихъ гораздо болѣе невинныхъ, гораздо менѣе опасныхъ цѣлей, именно торгово-промышленныхъ.

«Въ нашей общинѣ,—говорится въ меморіи кагала,—существовалъ до сихъ поръ порядокъ, что браки членовъ здѣшней общины заключались не иначе, какъ съ удостовѣренія кагала раввину, если эти браки должны были считаться законными и формальными. При выдачѣ этихъ свидѣтельствъ на совершеніе брачнаго обряда всегда обращается вниманіе на то, чтобы при задуманномъ бракѣ достигалась цѣль его (?) и чтобы не было при этомъ никакихъ законныхъ препятствій. Случается, однако, часто, что чужія женщины (fremde Weiber, какъ весьма непочтительно выражается кагалъ), для того только, чтобы пріобрѣсть право жительства въ Ригѣ и заниматься здѣсь безпрепятственно барышничествомъ и творить другія безчинства (andere Unfug treiben), сочетаются бракомъ со здѣшними бѣдными евреями, часто живущими милостынями; если же мы съ своей стороны отказываемъ въ нашемъ согласіи на подобные союзы, съ дѣйствительнымъ бракомъ ничего общаго не имѣющіе, а имѣющіе въ виду лишь безчинство и беззаконіе (такъ какъ мы не можемъ допустить, чтобы подобныя чужія женщины посредствомъ такихъ браковъ получали права жительства въ Ригѣ), то личности эти отправляются въ ближайшее иногородное мѣсто, гдѣ находятся евреи, вѣнчаются тамъ и возвращаются въ Ригу супругами, достигнувъ такимъ образомъ своей цѣли. Подобные, не болѣе какъ фиктивные, браки (conventionelle Ehen) сопровождаются необозримымъ (unabsehbar) вредомъ для общества, вредятъ хорошей репутаціи здѣшней общины, умножающейся, такимъ образомъ, нищими и бродягами, совершающими безчинства; а у насъ нѣтъ никакихъ средствъ противодѣйствовать этому злу. Поэтому мы почтительнѣйше просимъ сіятельное императорское лифляндское губернское правленіе милостивѣйше постановить, что, какъ только кагалъ укажетъ императорскому рижскому полицейскому управленію на такихъ женщинъ, которыя втайнѣ или въ другихъ мѣстахъ вѣнчались со здѣшними евреями—означенная власть должна высылать изъ Риги

Digitized by Google

безъ всякихъ разсужденій подобныхъ женщинъ, не принадлежащихъ къ общинѣ и становящихся бременемъ для государства и общины».

Нельзя сказать, чтобы кагалъ рижско-шлокской еврейской общины отличался особенною вѣжливостью въ отношеніи къ женщинамъ, и хотя требованіе его, повидимому, мотивировано основательными доводами, тѣмъ не менѣе правдивость ихъ внушаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Опасеніе торгашеской конкурренціи играло тутъ главную роль. Польскія и литовскія еврейскія женщины отличаются своею необыкновенною дѣловою поворотливостью и чрезвычайнымъ практически-торговымъ умомъ. Онѣ, большею частью, проходили горькую жизненную школу, откуда выносили ранній опытъ жизни. Такъ какъ ихъ рано выдавали за отроковъ, которые не знали никакой другой дороги жизни, какъ только сидѣть въ ешиботѣ и заниматься изученіемъ схоластики и казуистики талмудическихъ тезисовъ, то женщина невольно дѣлалась главою дома, кормилицей мужа и дѣтей. Литовская и польская женщина занималась торговлею, промышленностью, торговала въ лавкахъ, ѣздила на ярмарки, подписывала векселя, управляла заводами, воспитывала дѣтей, выдавала замужъ дочерей, женила сыновей, устраивала фабрики, словомъ—была душою всего маленькаго микрокосмоса, двигателемъ крошечной семейной республики, которою она управляла съ неограниченною деспотическою властью, въ то время, какъ мужъ продолжалъ сидѣть въ ешиботѣ, рѣшать замысловатыя проблемы, задаваемыя разными мудрецами, и все углублялся въ нѣдра талмудической философіи и нерѣдко терялъ руководящую нить Аріадны въ этомъ лабиринтѣ. Мужъ въ польско-литовской семьѣ игралъ, большею частью, за весьма рѣдкими исключеніями, ничтожную роль; женщина была все; всѣ знали только ее; имя мужа совсѣмъ забывалось, и вся семья называлась по матери; этимъ и объясняются многія имена еврейскихъ семействъ на Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и Польшѣ. Такъ, вы встрѣтите сплошь да рядомъ Хайкиныхъ, Соркиныхъ, Фрадкиныхъ, Минкиныхъ, Ханкиныхъ, Ривкиныхъ Фрумкиныхъ и т. п. фамильныя названія, корнемъ которыхъ служитъ женское имя.

Этой необыкновенной сметливости польско-литовской еврейской

Digitized by Google

женщины побоялся кагалъ шлоко-еврейской общины, такъ какъ онъ сознавалъ, что шлокскій или рижскій еврей не чета польской или литовской еврейкѣ. И вотъ, несчастную оклеветали передъ властью, выдумали цѣлую легенду о фиктивныхъ бракахъ.

XVI.

Извѣстный выкрестъ Брафманъ, въ своемъ пресловутомъ сочиненіи «Книга Кагала», выставляетъ кагалъ какою то таинственною, всемогущею организаціей, орудующею всѣмъ еврействомъ, какою-то инквизиціонною инстанціей, передъ которою дрожатъ всѣ евреи, которой всѣ они безропотно подчиняются, даже тогда, когда рѣчь идетъ о самыхъ противузаконныхъ поступкахъ. Кагалъ будто есть какое-то связывающее евреевъ звено, какая-то страшная подпольная сила, вступающая въ бой даже съ государствомъ и его учрежденіями.

Но кагалъ, въ томъ числѣ и рижскій, единственно нынѣ существующій, было учрежденіе, вызванное въ жизнь самимъ правительствомъ для управленія дѣлами еврейскихъ общинъ и для сбора податей. Рижскій кагалъ состоитъ изъ пяти лицъ, пекущихся о благѣ ввѣренной ихъ попеченіямъ общины. Въ засѣданіяхъ этого кагала участвуетъ всегда какой либо изъ представителей городской власти, обыкновенно младшій полиціймейстеръ, что во всякомъ случаѣ можетъ служить гарантіею, что ничего противузаконнаго не происходитъ. Я нашелъ въ архивѣ множество документальныхъ доказательствъ того, что евреи не слушались кагала и даже вовсе не признавали его юрисдикціи. 11-го сентября 1829 г., нѣкто Яковъ-Гиршъ Ливенъ письменно заявилъ кагалу, что онъ ему не дастъ никакихъ объясненій, которыхъ отъ него потребовали, такъ какъ частныя, денежныя и тому подобныя дѣла кагала не касаются. Пусть истецъ жалуется суду, а кагалъ не есть какая нибудь судебная инстанція. И кагалъ молча проглотилъ эту пилюлю. Вообще имѣются многіе примѣры, что евреи отрицали власть кагала и не признавали его компетентности внѣ общинныхъ и синагогальныхъ сферъ.

Кагалу въ Ригѣ былъ подчиненъ надзоръ за миквою и доходами съ нея.

Digitized by Google

Кагалъ играетъ также роль посредника въ супружескихъ дѣлахъ, но приговоры его нисколько не обязательны, и они ограничиваются большею частью отеческимъ внушеніемъ. Такъ, напр., г-жа Р. жаловалась кагалу на своего мужа, дурно обращавшагося съ нею. Кагалъ, разобравъ дѣло, нашелъ, что мужъ дѣйствительно виновенъ и внушилъ ему обходиться со своею женою ласково и снисходительно. Послушался ли строптивый мужъ этого совѣта—я не знаю, такъ какъ въ составленномъ по этому дѣлу протоколѣ подобнаго эпилога къ семейной драмѣ нѣтъ. Другая женщина также жаловалась кагалу на своего супруга. Кагалъ, по тщательномъ изслѣдованіи спорнаго вопроса, постановилъ такую же резолюцію какая приведена выше, но весьма мудро присовокупилъ еще слѣдующее: «если же жена вторично будетъ жаловаться, то мужъ обязанъ выселить изъ своей квартиры свою мать. Если и это средство не подѣйствуетъ, тогда онъ обязанъ дать своей женѣ разводъ и оставить дѣтей при себѣ. Срокъ дается до Пасхи сего года. Но, имѣя въ виду большую бѣдность этой четы, кагалъ постановилъ—сдѣлать мужу денежный авансъ, дабы онъ могъ нанять тотчасъ же для своей матери (игравшей роль яблока раздора) особенную квартиру; несчастной же жертвѣ злой тещи выдать денежное вспомоществованіе».

Вся эта судебная процедура имѣетъ нѣсколько идиллическій характеръ и нисколько не напоминаетъ страшнаго мрачнаго кагала, созданнаго пылкою фантазіею ненавидящаго своихъ прежнихъ единовѣрцевъ ренегата.

Но кагалу приходилось разбирать и очень скабрезныя дѣла, отъ которыхъ почтенные члены его, вѣроятно, не мало краснѣли. Я нашелъ протоколъ о такомъ дѣлѣ, разбиравшемся въ началѣ этого столѣтія. Къ сожалѣнію, я не могу выписать этотъ документъ in extenso, такъ какъ въ немъ есть выраженія совсѣмъ не удобныя для печати. Нѣкто Ш. жаловался кагалу на свою жену и просилъ, чтобы ее заставили развестись съ нимъ, такъ какъ дальнѣйшая совмѣстная жизнь съ нею невозможна. Изъ приведенныхъ несчастнымъ супругомъ семи пунктовъ обвиненія, я по весьма основательнымъ причинамъ могу только привести три: 3-й пунктъ (и то лишь на половину)... «кромѣ того, она беретъ въ займы у христіанъ кастрюли и горшки и готовитъ

Digitized by Google

въ нихъ кушанье»; 5-й пунктъ: «истребляетъ она мои вещи, когда приходитъ вечеромъ домой, и иногда угрожаетъ даже разбить окна, такъ что сосѣди уже нѣсколько разъ хотѣли послать за стражею, чтобы арестовать ее за ея кокетливое (?!) поведеніе, и я предохранилъ ее отъ ареста, для отвращенія отъ ней позора»; 6-й пунктъ: «она утверждаетъ, что вышла замужъ за меня, уродливаго старика (alten hässlichen Kerl) лишь для вида, чтобы развестись и потомъ жить въ Ригѣ какъ порядочная женщина, и она требуетъ, чтобы я послѣ развода ей назначилъ опредѣленное содержаніе для ожидаемаго ребенка, котораго я не могу признать своимъ..... Если бы мнѣ пришлось жить еще долѣе съ подобною женщиною, то я былъ бы самый несчастный изъ всѣхъ смертныхъ. Поэтому я прошу о наивозможно лучшемъ рѣшеніи».

Судя по всему, посредничество кагала на первый разъ не увѣнчалось успѣхомъ, потому что вскорѣ несчастный супругъ подалъ кагалу новое слезливое прошеніе: «Онъ всего женатъ четыре мѣсяца, а чувствуетъ себя несказанно несчастнымъ. Жена измѣняетъ ему и въ добавокъ бьетъ его; она ему заявила, что если кагалъ вынудитъ ее жить съ нимъ, то она сдѣлаетъ ему жизнь на столько горькою, что вгонитъ его не только въ чахотку, но даже въ гробъ. Можетъ ли быть бо́льшая злость?» восклицаетъ несчастный супругъ.

При этомъ протоколѣ приложено слѣдующее письмо рижской Мессалины къ кагалу: «Господа члены кагала. Такъ какъ я желаю развестись со своимъ мужемъ, то по собственной волѣ и желая отдѣлаться отъ него, обязываюсь: во первыхъ, объ ожидаемомъ ребенкѣ ему нечего заботиться; во вторыхъ, расходы по разводу я сама заплачу; въ третьихъ, дамъ я ему перину, подушку и одѣяло, равно и столъ; потому что мы оба будемъ несчастны, если бы намъ пришлось жить долѣе вмѣстѣ».

Кагалъ порѣшилъ дѣло, и нѣжные супруги были разлучены. Вообще кагалъ игралъ роль третейскаго суда, къ которому евреи охотно прибѣгали. Подобныхъ примѣровъ я находилъ великое множество. Обѣ стороны заявляютъ, что онѣ подчиняются его приговору безапелляціонно, въ чемъ и подписываются, и никогда никакихъ дальнѣйшихъ жалобъ не было. Въ общихъ судахъ рижскіе евреи неохотно судились, по весьма понятнымъ причинамъ.

Digitized by Google

Иногда встрѣчаются между этими документами весьма курьезные. Такъ, напр., нѣкто I. изъ Вильно *сознался*, что въ 1817 г. онъ изготовилъ 150 хлѣбовъ, и въ 1818 г. даже 200 хлѣбовъ въ булочной Рика. Въ чемъ состоитъ вина этого дѣянія, о которомъ даже составленъ протоколъ—я понять не могу. То же самое можно сказать о распоряженіи, изданномъ кагаломъ и опубликованномъ въ синагогѣ, чтобы никакой ремесленникъ во время праздниковъ и въ субботу не бралъ къ себѣ еврейскихъ солдатъ для угощенія. Это распоряженіе поражаетъ своею странностью, такъ какъ угощеніе еврейскихъ солдатъ во время праздниковъ считалось всякимъ благочестивымъ евреемъ какъ бы долгомъ.

Вотъ еще нѣкоторыя выписки изъ еврейской лѣтописи города Риги:

«30-го декабря 1834. Во время бытности въ Ригѣ нашего всемилостивѣйшаго Государя, члены кагала удостоились чести быть представленными и поднести Его Величеству стихотворенія на бархатной вышитой золотомъ подушкѣ, что вмѣстѣ съ другими расходами 21-го ноября составило 57 р. 85 коп. Синагога была иллюминована, что стоило 6 руб. 9 коп.».

XVII.

Изданными въ концѣ прошлаго столѣтія постановленіями рижскому кагалу были предоставлены извѣстныя права юрисдикціи въ отношеніи къ членамъ общины. Такъ, напр., въ силу распоряженія ландфохтгерихта отъ 6-го іюля 1798 г. каждый еврей, приглашенный кагаломъ явиться въ его засѣданіе, въ случаѣ возникновенія между единовѣрцами споровъ или по какимъ либо другимъ причинамъ, обязанъ повиноваться. Если же онъ не явится и не представитъ въ оправданіе своей неявки уважительныхъ мотивовъ, то старшинамъ общины предоставлено право въ первый разъ сдѣлать ослушнику серьезное внушеніе (eine ernste Zurechtweisung); во второй разъ—наложить на него денежный штрафъ въ пользу синагоги, но штрафъ этотъ долженъ соотвѣтствовать обстоятельствамъ и положенію даннаго лица и ни въ какомъ случаѣ не превышать суммы одного талера. Если же какой нибудь членъ общины не явится и на третій вызовъ ея, то его слѣ-

Digitized by Google

дуетъ представить ландфохтгерихту для наказанія. Но старшинамъ общины не дозволено разрѣшать спорныя дѣла и процессы; его обязанность заключается лишь въ побужденіи сторонъ къ миролюбивому соглашенію. Если же это не удастся, тогда дѣло подлежитъ обыкновенному суду.

Высочайше утвержденнымъ докладомъ отъ 11 февраля 1805 г. кагалу строжайше воспрещено налагать на членовъ общины какіе либо налоги. Вообще функціи кагала были строго ограничены, и за всякое отступленіе строго взыскивалось. Такъ какъ возникали жалобы на злоупотребленіе нѣкоторыми членами кагала предоставленной имъ власти, то составлена была спеціальная коммисія, избранная общиною изъ среды покровительствуемыхъ и терпимыхъ въ Ригѣ евреевъ, которая должна была выработать опредѣленныя инструкціи для кагала. Проектъ этотъ былъ выработанъ и представленъ на усмотрѣніе магистрата и губернскаго правленія, которыми онъ и былъ одобренъ и впослѣдствіи утвержденъ высшею мѣстною властью. За дѣйствіями кагала зорко слѣдили, какъ это видно изъ слѣдующаго случая.

Въ тридцатыхъ годахъ назначена была коммисія для ревизіи отчетности дѣйствій временно назначеннаго во время холерной эпидеміи 1831 г. кагала. Такъ какъ коммисія эта долго не представляла своего доклада, то полицейское управленіе, по внушенію высшихъ властей, потребовало отъ функціонирующаго въ данный моментъ кагала объясненія этого замедленія. Кагалъ отвѣтилъ, что вина падаетъ всецѣло на членовъ ревизіонной коммисіи, не исполняющихъ своихъ обязанностей и большинство которой безграмотно! Виновата же главнымъ образомъ сама община, избравшая такихъ людей въ ревизіонную коммисію; поэтому слѣдуетъ привлечь къ отвѣтственности членовъ временнаго правленія, а кагалъ проситъ уволить его отъ функцій, ставшихъ ему не по силамъ.

Тѣмъ временемъ ревизіонная коммисія подала знакъ жизни и обратились къ сіятельному губернскому правленію съ слѣдующимъ разъясненіемъ. Избранные во время эпидеміи холеры, въ моментъ всеобщей смуты и во время отсутствія лучшей части общины временные члены кагала были большею частью люди необразованные, даже безграмотные и бѣдные, которые ни тогда,

Digitized by Google

ни теперь, въ случаѣ какой нибудь непредвидѣнной крайности, влекущей за собою отвѣтственность, непредставляли собою какой либо гарантіи. Если еврейская община была слишкомъ снисходительна при выборѣ такихъ лицъ, то она сама виновата во всемъ вредѣ, причиненномъ ей невѣжествомъ, неопытностью и т. д. этого временнаго кагала. Тотчасъ по прекращеніи эпидеміи и по возстановленіи порядка и спокойствія должны были избрать дѣйствительный кагалъ, а временно-функціонировавшій по возможности скорѣе отрѣшить отъ должности. Но это не было сдѣлано по неизвѣстнымъ причинамъ и вышереченные невѣжи оставались на своихъ мѣстахъ, хотя правительственнымъ приказомъ отъ 4-го апрѣля 1816 г. опредѣлено было: внушить еврейской общинѣ избрать въ члены кагала только такихъ лицъ, которыхъ нельзя упрекнуть ни въ чемъ и которые извѣстны какъ честные и вѣрные люди, дабы общинѣ нечего было опасаться растраты казенныхъ податей, сборъ которыхъ поручается кагалу. Вредныя послѣдствія снисходительности избирателей не заставили долго ждать себя. Избранный временный кагалъ и не думалъ вести правильное счетоводство; найденъ хаосъ замѣтокъ (ein Wirrwarr von Annotationen), переносовъ и смѣшеніе въ одной книгѣ самыхъ разнородныхъ предметовъ подъ одною и тою же рубрикою, словомъ-такая путаница въ книгахъ и оправдательныхъ документахъ, что мы даже не были въ состояніи составить балансъ. Получать же справки отъ членовъ кагала оказалось невозможнымъ. Оправдательные документы наполняли собою цѣлый ящикъ, безъ всякаго порядка, безъ начала и конца. Благодаря этимъ обстоятельствамъ и не смотря на всѣ наши усилія, мы не были въ состояніи получить хоть какое нибудь понятіе о дѣлѣ. Поэтому мы полагаемъ, что членовъ временнаго кагала слѣдуетъ привлечь къ отвѣтственности».

Въ другомъ заявленіи ревизіонная коммисія заявляетъ, что трудъ ея не подвигается впередъ по той причинѣ, что она на каждомъ шагу встрѣчаетъ затрудненія и что нынѣшній кагалъ отказываетъ ей даже въ письменныхъ принадлежностяхъ и въ платѣ писцу, такъ что они вынуждены производить эти расходы изъ собственныхъ своихъ средствъ: «Мы даже вынуждены сами ходить за лицами, отъ которыхъ намъ желательно получать какія

Digitized by Google

либо справки. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ, занимаясь этимъ неблагодарнымъ трудомъ, мы пренебрегаемъ собственнымъ своимъ благосостояніемъ. При недостаткѣ дѣльныхъ людей, единственный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія заключается въ томъ, чтобы весь кагалъ въ полномъ составѣ (in corpore) обязанъ былъ присутствовать на нашихъ засѣданіяхъ и не только помогать намъ своимъ знаніемъ дѣла, но и совмѣстно исполнять приказаніе правительства».

Вообще исторія этой ревизіонной коммисіи назидательна. Дѣятельность коммисіи продолжалась болѣе семи лѣтъ. Борьба партій была въ полномъ разгарѣ; ортодоксы отчаянно боролись съ прогрессистами; не было недостатка въ взаимныхъ обвиненіяхъ и инсинуаціяхъ разнаго рода. Кагалъ жаловался на коммисію и коммисія на кагалъ; съ обѣихъ сторонъ не щадили крѣпкихъ словъ, и раздраженіе все росло. Понятно, что интересы общины отъ этого нисколько не выигрывали, а нѣмецкія власти съ отвращеніемъ смотрѣли на эту курьезную дуэль, такъ какъ обѣ въ ней участвовавшія стороны были имъ одинаковы антипатичны. Вообще—единодушіе составляетъ элементъ, рѣдко встрѣчаемый въ средѣ еврейскихъ общинъ, и этимъ отчасти и объясняется печальная участь ихъ. Раздорамъ и спорамъ нѣтъ конца, и вмѣсто того, чтобы сплотиться, соединиться, дабы общими силами отстаивать священное наслѣдство, завѣщанное имъ ихъ великимъ, славнымъ прошлымъ, они раздробляютъ свои силы на защиту мелкихъ эгоистическихъ интересовъ.

Исторія рижскихъ евреевъ представляетъ тому наглядный примѣръ. Мелкимъ спорамъ и ссорамъ не было конца, и противники ихъ радостно пользовались такимъ разладомъ. Въ особенности изобилуетъ курьезами исторія означенной ревизіонной коммисіи, на долю которой выпала задача разсмотрѣнія дѣятельности такъ называемаго «холернаго кагала». Такъ, напр., означенная коммисія обратилась къ «императорскому полицейскому управленію» со слѣдующимъ заявленіемъ, поражающимъ своею наивностью: «Членъ ревизіонной коммисіи М. Г. опять не явился на вчерашнее засѣданіе но почтительнѣйше прислалъ аттестацію, выданную его зятемъ, докторомъ медицины В., удостовѣряющую, что онъ (Г.) не въ состояніи заниматься какимъ нибудь дѣломъ,

Digitized by Google

сопряженнымъ съ какимъ либо напряженіемъ его умственныхъ способностей, сидячею работою или волненіемъ (Gemüthsaffect). Что касается формы этого медицинскаго удостовѣренія, то мы почтительнѣйше предоставляемъ усмотрѣнію императорскаго полицейскаго управленія, на сколько удостовѣреніе это слѣдуетъ считать законнымъ. Касательно же того, что заявленіе это имѣетъ въ виду совершенно освободить Г. отъ участія въ трудахъ коммисіи, то мы считаемъ нужнымъ почтительнѣйше заявить, то приведенные имъ мотивы совершенно неосновательны. Отъ М. Г. вовсе не требуется усиленныхъ работъ, такъ какъ у насъ имѣется для этого писарь. Также ему нѣтъ надобности продолжительно сидѣть: есть промежутки, когда онъ въ сосѣдней комнатѣ можетъ сколько ему угодно стоять и дѣлать движеніе (ambuliren). Для волненій—быть можетъ, самое вѣское обстоятельство—онъ не можетъ находить предлоговъ ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ самого себя. Важность дѣла требуетъ спокойствія и порядка, которые нами строго охраняются. Если же, не смотря на все это, М. Г. будетъ очень горячиться и волноваться, то это, съ одной стороны, не будетъ по нашей винѣ, а съ другой—мы бы въ такихъ случаяхъ покорнѣйше просили полицейской помощи для отвращенія всѣхъ вредныхъ послѣдствій для дѣла и здоровья М. Г. Такъ какъ его участіе въ нашихъ засѣданіяхъ крайне необходимо, потому что въ одномъ вчерашнемъ засѣданіи возникло нѣсколько вопросовъ, по которымъ слѣдовало обратиться къ нему за разъясненіемъ, то мы обо всемъ этомъ доносимъ императорскому полицейскому управленію съ почтительнѣйшею просьбою удостоить насъ указаніями, какъ дѣйствовать въ подобномъ случаѣ».

Но судя по всему, и полиція оказалась безсильною для обузданія строптиваго члена ревизіонной коммисіи, продолжавшаго блистать на засѣданіяхъ своимъ отсутствіемъ. Около года спустя, лифляндское губернское правленіе вынуждено было вмѣшаться и дать полиціи слѣдующее энергическое наставленіе: «Кагалъ шлокской общины донесъ, что дѣла коммисіи, учрежденной для ревизіи дѣйствій временнаго въ періодъ холеры функціонировавшаго кагала замедлилось вслѣдствіе найденныхъ большихъ безпорядковъ въ книгахъ, упорнаго отказа (Renitenz) ревизора

Digitized by Google

М. Г. участвовать въ засѣданіяхъ коммисіи и наконецъ отказа кагальнаго писаря К. выдать находящіеся у него книги и оправдательные документы. Поэтому лифляндское губернское правленіе предлагаетъ рижскому полицейскому управленію заявить кагалу рижской общины, что ему дается крайній шестинедѣльный срокъ для представленія ревизованныхъ уже книгъ временнаго кагала; далѣе, примѣнить къ кагальному писарю К. и ревизору М. Г., въ случаѣ надобности, полицейскія принудительныя средства, а именно, перваго заставить немедленно выдать ревизіонной коммисіи всѣ находящіеся у него книги и оправдательные документы за время исполненія имъ должности, равно же представлять всѣ необходимыя свѣдѣнія наиточнѣйшимъ образомъ, насколько они ему вообще извѣстны; что касается же послѣдняго, то приказать ему безпрекословно и аккуратно участвовать въ засѣданіяхъ ревизіонной коммисіи».

Но этимъ курьозный инцидентъ не былъ еще оконченъ. Ревизіонная коммисія все-таки продолжала бездѣйствовать, какъ это видно изъ новаго предписанія губернскаго правленія. Члены ревизіонной коммисіи заявили, что не могутъ приступить къ дѣлу, такъ какъ у нихъ нѣтъ инструкцій, которыя кагалъ долженъ былъ бы выработать. По этому поводу губернское правленіе поручило полиціи предписать коммисіи немедленно изслѣдовать на основаніи общаго положенія, необходимы ли и законны ли были произведенные временнымъ кагаломъ расходы. Что же касается инструкцій (составленіе которыхъ потребовало бы много времени), то онѣ могутъ служить руководствомъ впослѣдствіи.

Распоряженіе это довольно странно. Одно изъ двухъ: или инструкціи были необходимы ревизіонной коммисіи для выполненія возложеннаго на нее труда—тогда какъ же она могла приступить къ дѣлу; или онѣ не были нужны—въ такомъ случаѣ къ чему весь этотъ шумъ? Но вообще, кажется, относились уже черезчуръ строго къ дѣйствіямъ такъ называемаго «холернаго кагала». Если принять во вниманіе панику, которую вызвала появившаяся въ первый разъ страшная эпидемія, дезорганизовавшая временно весь соціальный и государственный бытъ во всѣхъ тѣхъ странахъ, по которымъ проходилъ этотъ бичъ человѣчества, то можно было бы,

Digitized by Google

кажется, быть болѣе снисходительнымъ къ случайно избраннымъ представителямъ, такъ какъ лучшіе люди разбѣжались. Чего же можно было требовать отъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ людей при охватившемъ всѣ человѣчество паническомъ страхѣ?

XVIII.

Въ заключеніе этого втораго очерка лѣтописи рижскихъ евреевъ и прежде чѣмъ приступить къ описанію борьбы за равноправность (что составитъ содержаніе третьяго и послѣдняго очерка), я считаю нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя данныя изъ общинной жизни рижскихъ евреевъ, характеризующія тогдашніе нравы и бросающія довольно яркій свѣтъ на нѣкоторыя интимныя стороны жизни евреевъ города Риги болѣе полвѣка тому назадъ.

Въ 1817 г. (за первое полугодіе) 247 приписанныхъ къ посаду Шлокъ евреевъ заплатили подушной подати 988 руб. ассигн., а штрафныхъ денегъ за несвоевременную уплату 31 р. 49¼ коп. асс. за три мѣсяца, считая по 1% въ мѣсяцъ. Кромѣ того, за содержаніе путей сообщеній (Heerstrussenunterhalt) по 25 к. съ души, всего 61 руб. 75 к., за вторую половину этого года старшины шлокской еврейской общины заплатили подушнаго налога за 247 душъ по 4 руб. съ души, всего 988 рублей банковыхъ ассигнацій и 4 мѣдныхъ копѣйки. За сухопутныя сообщенія по 25 к.—61 р. 50 к., а за водяныя по 5 к.—12 р. 30 к.

До 1818 г. между евреями не было купцовъ, записанныхъ въ гильдію. Лишь въ 1818 г. пять евреевъ записались въ гильдейскіе купцы, и каждый изъ нихъ заплатилъ налога на капиталъ по 380 руб. банк. ассигн. въ годъ.

Въ 1832 г. казенные налоги, уплачиваемые общиною, простирались до 1,978 р. 95 коп. сереб.

Не безъинтересно привести здѣсь произведенные кагаломъ нѣкоторые экстраординарные расходы въ этомъ же году: раввину подарокъ на Пуримъ 2 руб. на Пасху ему же тѣ же злополучные два рубля. Рядомъ съ этимъ красуется слѣдующая статья: квартальному надзирателю къ новому году 4 руб.; его помощнику 2 руб. Такое предпочтеніе квартальнаго надзирателя рав-

Digitized by Google

вину объясняется тѣмъ, что послѣдній квартальный былъ иногда, въ особенности въ тѣ времена (а быть можетъ, и теперь еще), болѣе нужное и важное лицо, чѣмъ первый раввинъ. Приставу къ новому году 6 р.; околодочному—50 к.; его превосходительству губернатору—100 р. б. ассигн. (28 руб. сер.); хазену на Пуримъ—1 р., на Пасху—3 руб., на Шевуотъ—1 р., шамесу то же самое. Затѣмъ денежныя приношенія раввину увеличивались: на Шевуотъ ему уже дали 3 руб., на Пасху его сравняли съ квартальнымъ и выдали 4 р., а на Пуримъ—2 р. Время взяло свое. Въ слѣдующемъ году приставу уже дали къ новому году 8 р., квартальному все еще 4 руб., за то околодочному прибавили четвертакъ. Что касается раввина, то приношенія ему въ праздничные дни оставались in statu quo.

Вообще нельзя сказать, чтобы положеніе раввиновъ въ Ригѣ было завидно. Въ матеріальномъ отношеніи они были поставлены довольно мизерно, потому что еврейская община въ Ригѣ была и малочисленна и бѣдна. На основаніи § 52 Высочайше утвержденнаго доклада 1815 г., опредѣлено, что въ виду того, что функція раввина—почетная должность, строго воспрещается установить какой нибудь налогъ въ пользу его содержанія, и ему возбранено требовать себѣ особаго вознагражденія, какого бы рода оно ни было. Раввины должны довольствоваться жалованьемъ, которое община имъ назначитъ.

Относительно рѣзниковъ генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи издалъ, 17 ноября 1817 г., постановленіе, въ силу котораго разрѣшается пребывающимъ въ Ригѣ евреямъ опредѣлять только двухъ рѣзниковъ, такъ какъ въ еврейскомъ положеніи рѣшительно сказано, что рѣзникамъ въ Ригѣ не должно быть разрѣшаемо пребываніе, и лифляндское губернское правленіе отказало здѣшнему жителю Ш. въ утвержденіи его сына рѣзникомъ, такъ какъ два лица уже утверждены въ этой должности. Дѣло о третьемъ рѣзникѣ странствовало по всѣмъ инстанціямъ—изъ губернскаго правленія въ магистратъ, оттуда въ ландфохтгерихтъ, который нарядилъ слѣдствіе о томъ, дѣйствительно ли проживающіе въ Ригѣ покровительствуемые и терпимые евреи нуждаются въ третьемъ рѣзникѣ. Завязалась безконечная переписка, истреблены были груды бумаги, пролито цѣлое море чер-

Digitized by Google

нилъ, все изъ-за несчастнаго третьяго рѣзника. Муравейникъ зашевелился. Казалось бы, что̀ имъ Гекуба! какое дѣло всѣмъ этимъ высокопоставленнымъ лицамъ, благороднымъ судьямъ, до еврейскаго шохета. Но начиная съ маркиза Паулуччи и кончая послѣднимъ актуаріусомъ — всѣ заинтересовались вопросомъ о третьемъ рѣзникѣ, какъ будто рѣчь шла о государственномъ вопросѣ первостепенной важности.

Чѣмъ объяснить такое горячее участіе, принимавшееся рижскими нѣмцами въ религіозно-обрядовомъ дѣлѣ презрѣнныхъ евреевъ, до котораго, казалось, имъ не было никакого дѣла? Объясняется это, по моему мнѣнію, тѣмъ, что евреевъ вообще желали держать въ безусловной зависимости, не предоставляя имъ никакой свободы, даже въ выборѣ рѣзника. И притомъ—чувство сознанія своего авторитета! И кончилась таки исторія, что не состоялось назначеніе третьяго рѣзника. «Напрасно евреи утверждаютъ (говорится въ этой курьезной резолюціи по этому курьезному дѣлу), что по ихъ религіознымъ постановленіямъ требуется, чтобы рѣзникъ отправлялъ свои функціи въ присутствіи адъюнкта, столь же ученаго рѣзника. До сихъ поръ постановленіе это не соблюдалось, и евреи и ихъ религія отъ этого нисколько не страдали; кромѣ того, подобныя религіозныя обрядности вовсе не должны исполняться и дѣйствительно не исполняются съ такою абсолютною строгостью, и исполненіе этихъ обычаевъ не можетъ быть поставлено въ обязанность съ такою строгостью; кромѣ того, оно находится въ противорѣчіи съ распоряженіями властей и должно вредно отражаться на правѣ двухъ существующихъ уже рѣзниковъ. На этомъ основаніи и принимая во вниманіе всѣ вышеприведенные доводы, въ ходатайствѣ о третьемъ рѣзникѣ—отказать».

Поистинѣ трогательно это отеческое попеченіе о евреяхъ, эта забота объ интересахъ двухъ рѣзниковъ. Власти вступили даже на вулканическую почву талмудической эрудиціи и обнаруживали въ этомъ замѣчательныя знанія.

Но проблема о третьемъ рѣзникѣ этимъ не была еще рѣшена. Третій рѣзникъ фактически существовалъ, но, подобно нѣжной ароматичной розѣ, онъ функціонировалъ только въ продолженіи лѣтняго сезона, когда множество бѣлорусскихъ и польскихъ евреевъ прибывало въ Ригу на баркахъ и плотахъ. Евреи эти, боль-

Digitized by Google

шею частью хассиды, относились съ недовѣріемъ къ рижскимъ рѣзникамъ, носившимъ нѣмецкую одежду. Каширность мяса отъ зарѣзаннаго такимъ шохетомъ быка казалось имъ весьма сомнительною и они предпочитали имѣть своего лейбъ-шохета, который, однако, обязанъ былъ платить извѣстную дань привиллегированнымъ двумъ рѣзникамъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Распоряженіе это издано было ландфохтгерихтомъ, высказавшимъ этимъ свою заботливость и о хассидической сектѣ бѣлорусскихъ и литовскихъ евреевъ.

Нельзя не обратить вниманіе также на слѣдующее курьезное постановленіе, а именно, что должность кассира общины могла быть занимаемы только человѣкомъ женатымъ. Постановленіе это ничѣмъ не мотивировано. Почему женатый кассиръ внушалъ еврейской общинѣ въ Ригѣ въ началѣ этого столѣтія больше довѣрія, чѣмъ холостой? Пусть рѣшатъ этотъ вопросъ современные кассиры.

Такъ какъ рѣчь ужъ зашла о курьезахъ, то нельзя не упомянуть о слѣдующемъ: уставъ еврейской общины въ Ригѣ не долженъ былъ быть напечатанъ (для избѣжанія расходовъ), а писанный экземпляръ имѣлъ быть вывѣшенъ въ зданіи кагала и кто желалъ—могъ получить копію за опредѣленную плату. Что тутъ не экономическія соображенія играли роль—это ясно.

Раввинъ еврейской общины получалъ жалованье 16 рублей въ мѣсяцъ; кромѣ того, квартиру съ отопленіемъ. Но эта сумма показалась слишкомъ значительною, и рѣшили сократить ее въ виду двухъ вѣскихъ обстоятельствъ: во первыхъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ особенности послѣ опустошавшей край холеры, касса общины, вслѣдствіе весьма значительныхъ расходовъ по случаю эпидемій, была пуста; во вторыхъ, прежде былъ обычай, что раввинъ участвовалъ въ засѣданіяхъ кагала, что каждый разъ давало дохода для «краснаго стола» (т. е. кагальнаго стола, покрытаго краснымъ сукномъ) полтинникъ, такъ какъ тяжущіеся и являвшіеся къ раввину, какъ посреднику, платили за это дань, которая поступала въ пользу кассы кагала; это составляло въ сложности отъ 60 до 70 руб., сумма весьма значительная въ то время, въ особенности при общей бѣдности. Въ новѣйшее же время раввинъ разбиралъ тяжбы у себя дома, такъ что «красный

Digitized by Google

столъ» лишился опредѣленнаго дохода. Вслѣдствіе этого рѣшено было сократить содержаніе раввина на половину, т. е., вмѣсто прежнихъ 16 руб. въ мѣсяцъ, платить ему только 8.

Какъ относился раввинъ къ такому сокращенію—не трудно понять. Хотя въ то время всѣ жизненные припасы были втрое дешевле, чѣмъ теперь, но врядъ-ли какой нибудь современный раввинъ удовольствовался бы тройнымъ и даже удесятереннымъ содержаніемъ своего тогдашняго рижскаго коллеги. Но злополучному рижскому раввину не только сократили мизерное жалованье, но вскорѣ и совсѣмъ перестали платить. Согласно § 25 коробочнаго налога, расходы на содержаніе священнослужителей и вообще на религіозные предметы должны быть производимы не изъ коробочныхъ суммъ, а изъ добровольныхъ пожертвованій, изъ кружечнаго сбора въ синагогахъ и денежныхъ штрафовъ въ дѣлахъ духовнаго судопроизводства. Лифляндское губернское правленіе предписало полиціи выслушать мнѣніе кагала относительно необходимости и возможности сокращенія общинныхъ расходовъ, производимыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, въ особенности узнать отъ кагала, какъ добыть необходимыя для содержанія раввина суммы изъ другихъ источниковъ. Но, повидимому, такихъ ресурсовъ не находили, такъ что злополучный раввинъ вынужденъ былъ обратиться къ кагалу съ просьбою ссудить его 106 р. 50 к., такъ какъ пока будутъ искать для него источниковъ, онъ можетъ умереть съ голода. Этотъ резонный доводъ былъ принятъ во вниманіе, а раввинъ обязался возвратить ссуду, какъ только найдутъ рессурсы.

Но это кладоискательство продолжалось слишкомъ долго, такъ что и 106 р. 50 к. изсякли. Это можно заключить изъ того, что раввинъ обратился съ жалобою къ генералъ-губернатору, который предписалъ губернскому правленію сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе; губернское правленіе послало кагалу приказаніе заплатить раввину, а кагалъ отвѣтилъ, что онъ, къ своему крайнему сожалѣнію, не можетъ выполнить данное ему сіятельнымъ губернскимъ правленіемъ приказаніе, такъ какъ уплата раввину жалованья изъ коробочнаго сбора запрещена, а что касается другихъ источниковъ, то они такъ ничтожны, что только курамъ на смѣхъ. Добровольныхъ приношеній поступаетъ едва 20 руб., потому

Digitized by Google

что члены здѣшней общины почти всѣ нищіе и не только не могутъ участвовать въ какихъ либо пожертвованіяхъ, но, напротивъ, сами нуждаются въ поддержкѣ. Въ кружкахъ при синагогахъ не можетъ быть никакихъ денегъ (исключая особенныхъ случаевъ и то лишь весьма незначительными суммами), по той причинѣ, что евреямъ по субботамъ и праздничнымъ днямъ запрещено имѣть при себѣ деньги. Что же касается штрафовъ въ духовныхъ судебныхъ дѣлахъ, то отъ нихъ никогда еще никакого дохода не было, потому что духовное судопроизводство въ большинствѣ случаевъ составляетъ нѣчто въ родѣ третейскаго суда и не облечено юридическимъ авторитетомъ. Прежде раввинъ пользовался правомъ предавать ослушниковъ анаѳемѣ (mit dem Bann belegen), нынѣ же это правительственнымъ постановленіемъ строжайше воспрещено. По этому кагалъ проситъ предоставить ему право обложенія всѣхъ пребывающихъ въ Ригѣ евреевъ, не исключая и пріѣзжихъ, 20 копѣечнымъ налогомъ.

Изъ этихъ примѣровъ достаточно видно, какими ограниченными правами пользовался кагалъ и какъ нелѣпо приписывать ему какое-то могущество, выставлять его какимъ-то страшнымъ, таинственнымъ учрежденіемъ, обладающимъ ничѣмъ неограниченною диктаторскою властью, предъ которою трепещутъ всѣ евреи, которой будто всѣ они подчиняются безропотно.

Непосредственный надзоръ за дѣйствіями рижскаго кагала принадлежалъ прежде рижскому магистрату, нынѣ же онъ предоставленъ рижской городской управѣ. Рѣшеніе и утвержденіе еврейскихъ дѣлъ относится къ обязанностямъ лифляндскаго губернскаго правленія.

Р.

Digitized by Google

НА ВОДАХЪ.

XIX. *

Съ чувствомъ непритворнаго сожалѣнія оставилъ я Маріенбадъ. Это чувство, кажется, господствовало во всѣхъ группахъ пацiентовъ, массами покидавшихъ привлекательный чешскій «курортъ», гдѣ они обрѣли исцѣленіе. Шумная толпа разныхъ знакомыхъ, родственниковъ, друзей, пріѣхавшихъ съ букетами живыхъ цвѣтовъ, придавала вокзалу какой-то праздничный видъ. Рукопожатія, лобзанія, напутственные совѣты и пожеланія раздавались поминутно, пока третій звонокъ не положилъ конца этимъ сердечнымъ изліяніямъ. Раздался послѣдній звонокъ; поѣздъ двинулся, и мы скоро потеряли изъ виду вокзалъ, городъ и его живописныя окрестности. Цвѣты и букеты—составляющіе на водахъ необходимую принадлежность проводовъ—были разбросаны по всѣмъ вагонамъ, служа какъ бы единственнымъ напоминаніемъ о мѣстности, гдѣ каждый изъ насъ провелъ немало хорошихъ часовъ, о которыхъ не разъ вспомнитъ съ удовольствіемъ.

Быстро промелькнули попутные города. Неизбѣжный Эгеръ, котораго не миновать, какъ смертный часъ, остался позади и мы вскорѣ очутились въ пограничномъ городѣ, отдѣляющемъ Австрію отъ Саксоніи. Обрядъ таможеннаго осмотра прошелъ живо, такъ живо, что, какъ говорится на Руси, «стриженая дѣвка косы не успѣетъ заплесть»—и все было готово. Мы перешли изъ области кепи и черно-желтаго знамени въ царство каски и одноглаваго орла съ хищнымъ клювомъ. Вездѣ и во

* См. «Восходъ» за январь—май 1885 г.

Digitized by Google

всемъ замѣтна военная выправка, подтягиваніе, которое идетъ все crescendo, пока не достигнетъ своей высшей точки въ Берлинѣ, этомъ образцовомъ разсадникѣ всяческой дисциплины.

Чѣмъ дальше подвигаешься въ глубь страны, тѣмъ присутствіе дисциплины, трудолюбія и порядка дѣлается замѣтнѣе. Поля обработаны такъ, что издали напоминаютъ шахматную доску. Нѣтъ свободной пяди земли; на каждомъ шагу виднѣется результатъ человѣческаго труда. Разстоянія между селами все съуживаются, такъ что по временамъ кажется, какъ будто проѣзжаешь по одному большому имѣнію. Сравнивая эту поразительную тѣсноту жилыхъ помѣщеній сельскаго люда съ привольемъ русской деревни, отдѣленной отъ сосѣдняго села десятикомъ верстъ, начинаешь постигать причину непрекращаемой эмиграціи нѣмецкаго крестьянства въ Америку, этого страстнаго желанія пахаря пробраться туда, гдѣ человѣкъ можетъ разгуляться вволю. Пресловутый нѣмецкій «Drang nach Osten» не есть продуктъ отвлеченнаго мышленія кабинетнаго прожектера, а чисто-гамлетовскій вопросъ для людей, которыхъ родная земля не въ состояніи прокормить. Обѣщаніе, нѣкогда данное Богомъ патріарху Аврааму, что его потомство размножится паче песку морскаго, очевидно, коснулось и потомковъ Арминія. Тевтонское чадородіе можетъ съ большимъ успѣхомъ поспорить съ плодовитостью сыновъ избраннаго народа...

По мѣрѣ приближенія поѣзда къ Баваріи, мѣстность становится живописнѣе, этнографическія различія между саксонцемъ и баварцемъ—разительнѣе. За исключеніемъ такихъ крупныхъ центровъ, какъ, напримѣръ, Дрезденъ или Лейпцигъ, та часть Саксоніи, которую мнѣ приходилось видѣть, мало чѣмъ отличается даже отъ Австріи. Баварія—совсѣмъ другое дѣло. Самая крупная единица въ группѣ южно-нѣмецкихъ королевствъ, Баварія съумѣла отстоять, до извѣстной степени, свою политическую самобытность, далеко не такъ послушно преклоняется передъ берлинской указкой и, какъ видно, не намѣрена поступиться своими индивидуальными особенностями, въ угоду грозному желѣзному канцлеру, диктаторски распоряжающемуся судьбами Германіи. Глухой ропотъ неудовольствія, иногда раз-

Digitized by Google

дающійся въ руководящихъ сферахъ Мюнхена, принимается къ свѣдѣнію въ Варцинѣ, Вильгельмовой улицѣ и другихъ резиденціяхъ князя Бисмарка. Съ баварцами приходится зачастую объясняться инымъ способомъ, нежели принято съ другими народностями, входящими въ составъ Германской имперіи, потому что они обладаютъ хорошею арміею, дающею право «смѣть свое сужденіе имѣть». При такихъ условіяхъ, грозный окрикъ: «Quos ego!» —представляется не всегда удобнымъ...

Каждому серьезному туристу вмѣняется въ непремѣнную обязанность посѣтить три замѣчательныхъ города, которыми Баварія не менѣе гордится, чѣмъ своимъ удивительнымъ пивомъ. Это— Мюнхенъ, Байрейтъ и Нюрнбергъ. Мюнхенъ, украшенный ближайшими предками нынѣшняго короля такимъ обиліемъ скульптурныхъ произведеній, какими врядъ-ли обладаетъ другая европейская столица, имѣетъ исключительный интересъ для цеховыхъ художниковъ. Байрейтъ—эта Мекка, куда періодически стекаются поклонники Рихарда Вагнера, для совершенія разныхъ посмертныхъ чествованій памяти знаменитаго творца «музыки будущаго», — можетъ заинтересовать только приверженца вагнеровской музыки. Нюрнбергъ, въ которомъ сосредоточены всѣ сокровища умственнаго роста германскаго народа, со временъ Тацита до нашихъ дней, представляетъ въ высокой степени поучительное зрѣлище для всякаго мыслящаго человѣка. Не будучи, къ сожалѣнію, ни зодчимъ, ни знатокомъ музыки, тѣмъ болѣе вагнеровской,—которую, къ стыду своему, очень мало понимаю,—я направилъ стопы свои въ древній историческій Нюрнбергъ, болѣе Байрейта доступный моему пониманію.

Не могу при этомъ не отмѣтить одного поразительнаго факта, характеризующаго, можно сказать, самоотверженное обезъяничаніе нѣкоторыхъ россіянъ. Незадолго до моего отъѣзда изъ Маріенбада, происходило въ Байрейтѣ великое торжество—постановка послѣдней оперы Вагнера: «Parsifal». Караваны поклонниковъ усопшаго композитора потянулись въ Байрейтъ, чуть-ли не со всѣхъ концовъ Германіи. Понятно, что «куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней.» За нѣмецкими поклонниками Вагнера, глубокими знатоками музыки, потяну-

Digitized by Google

лись и наши земляки, мирно жившіе въ Маріенбадѣ, что называется, ни уха, ни рыла не смыслящіе въ музыкѣ вообще, тѣмъ болѣе въ вагнеровской, не знающіе, что такое: діэзъ и бемоль, не могущіе отличить «Камаринской» отъ ораторіи Мендельсона, польки отъ симфоніи Бетховена, казачка отъ ноктюрна Шопена. Поѣхали гурьбой, тратили большія деньги, терпѣли разныя неудобства. Спрашивается: для чего? А для того, чтобы послѣ сказать, при случаѣ:

— А, вѣдь, «Parsifal» Вагнера того... темная вода во облацѣхъ... Ничего не понялъ-съ...

— Зачѣмъ же вы поѣхали?

— Какъ-то неловко было. Помилуйте, всѣ ѣдутъ-съ, ну и мы двинулись. Знаете: люди ложь и мы тожъ.

Бѣгло осмотрѣвъ университетскій городъ Вюрцбургъ, Бамбергъ, Ашаффенбургъ, я отправился, на нѣсколько дней, въ Нюрнбергъ, а оттуда во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Средневѣковое значеніе перваго города, которое онъ имѣлъ въ торговомъ отношеніи, теперь перешло ко второму, играющему въ современной экономической жизни страны родъ соединительнаго звена между германскимъ сѣверомъ и югомъ. На этихъ двухъ пунктахъ, нѣкогда бывшихъ вольныхъ городахъ, а нынѣ принадлежащихъ Баваріи и Пруссіи, я позволю себѣ остановить особое вниманіе читателя.

XX.

Врядъ-ли найдется въ Европѣ такой цѣльный, удивительно сохранившійся и постоянно реставрируемый памятникъ средневѣковаго строя, какъ Нюрнбергъ. Городъ—музей, а музей—цѣлый городъ. Вотъ приблизительно впечатлѣніе, производимое этимъ оригинальнымъ остаткомъ древне-германской жизни. Не даромъ нѣмцы выражаются о Нюрнбергѣ, что это сплошная каменная хроника былаго, eine gemauerte Chronik. Нюрнбергъ имѣетъ такое же значеніе для Германской имперіи, какое Москва—для русскихъ, Прага—для чеховъ, Краковъ—для поляковъ. Главнѣйшіе моменты исторической жизни нѣ-

Digitized by Google

мецкаго народа происходили въ этомъ городѣ, который недаромъ считается «сердцемъ Германіи».

Бывшая резиденція нѣсколькихъ десятковъ нѣмецкихъ императоровъ, которые тамъ короновались, имперскій или вольный городъ Нюрнбергъ, гдѣ жили Фридрихъ Барбаросса, Рудольфъ Габсбургскій и другіе двигатели нѣмецкой исторіи, считался самымъ богатымъ торговымъ пунктомъ своего времени. Открытіе Америки нанесло первый ударъ его торговому могуществу; 30-ти лѣтняя война докончила, а великая французская революція окончательно уничтожила его политическое значеніе. Іосифъ II былъ послѣднимъ нѣмецкимъ императоромъ, совершившимъ обычный торжественный въѣздъ въ «Бургъ». Тамъ хранились императорскія регаліи и клейноды, какъ, напримѣръ, мечъ Карла Великаго, корона, скипетръ, держава и т. д. Передъ нашествіемъ французовъ, клейноды были перевезены сначала въ Регенсбургъ, а затѣмъ въ Вѣну, гдѣ они доднесь хранятся, благодаря распаденію имперіи, вызванному наполеоновскими побѣдами.

Параллельно съ развитіемъ торговаго значенія Нюрнберга, въ средніе вѣка и процвѣтали тамъ науки, искусства и ремесла. Тамъ подвизались одновременно друзья-пріятели, краса художниковъ, Альбрехтъ Дюреръ, и знаменитый народный поэтъ, по профессіи башмачникъ, Гансъ Заксъ, прозванный «нюрнбергскимъ соловьемъ». Въ тамошнемъ университетѣ воспитывался Валленштейнъ, студенческіе подвиги котораго дали богатый матеріалъ народнымъ пѣснямъ, полнымъ чисто-мѣстнаго юмора—Nürnberger Witz. Словомъ сказать, городъ, прославленный такими симпатичными именами, какъ Альбрехтъ Дюреръ и Гансъ Заксъ, дорогъ каждому правовѣрному сыну даже современной Германіи, передѣланной по образу и по подобію грознаго властелина съ тремя волосками на голомъ черепѣ, живущаго лѣтомъ въ Варцинѣ, а зимою въ Wilhelmstrasse.

Нюрнбергъ не уподобился, въ своемъ паденіи, бывшей соперницѣ—Венеціи. Паденіе послѣдней, начавшееся съ открытія Америки, прогрессирующее съ каждымъ днемъ, исключаетъ всякую надежду на возвратъ прежняго величія, тогда какъ первый только покачнулся и опять сталъ на ноги. Пожалуй, онъ теперь гораздо богаче, чѣмъ былъ прежде, благодаря раз-

Digitized by Google

витію своей промышленности, своимъ колоссальнымъ чугунно-литейнымъ заводамъ, своимъ замѣчательнымъ производствамъ дѣтскихъ игрушекъ. Теперь онъ насчитываетъ до 105,000 жителей, изъ числа которыхъ 20 тысячъ католиковъ и 3 тысячи евреевъ. Остальные протестанты.

Еслибъ не желѣзная дорога, доставляющая ежедневно множество туристовъ, да не проходи по главнымъ улицамъ конки и омнибусы, то путникъ, попавшій въ Нюрнбергъ, не шутя подумалъ бы, что онъ очутился въ XV или XVI вѣкѣ — до того поразительна иллюзія средневѣковой обстановки, окружающей, его со всѣхъ сторонъ. Улицы, площади, дома, лавки, общественныя зданія, мосты, церкви, даже внутреннее убранство комнатъ, домашняя утварь—все какъ бы застыло въ своемъ первоначальномъ видѣ. Нѣкоторую дисгармонію составляютъ только костюмы обывателей. Пиджаки, мундиры, ватерпруфы совсѣмъ не идутъ къ этой обстановкѣ. Домики, гдѣ жили мѣстныя знаменитости—Дюреръ и Заксъ—сохранены до мельчайшихъ подробностей, точно ихъ славные хозяева не почиваютъ могильнымъ сномъ. Кабачокъ, гдѣ они бражничали, постоянно переполненъ массою потребителей, толкущихся въ низенькой, тѣсной комнаткѣ, распивая изъ огромныхъ кружекъ чудесное пиво. На полкахъ хранятся, какъ реликвіи, кружки великаго живописца и любимаго народнаго поэта-башмачника.

Краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ нѣмцы дорожатъ памятью своихъ народныхъ любимцевъ — служитъ домъ Альбрехта Дюрера. Маленькій трехэтажный домикъ знаменитаго гражданина сохраняется городомъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ при жизни своего славнаго хозяина. Расположеніе комнатъ, обстановка мастерской и рабочаго кабинета, стѣны котораго увѣшаны набросками, эскизами прекрасныхъ картинъ, обезсмертившихъ имя художника, не измѣнены ни на іоту. Посѣтителю такъ и кажется, что онъ попалъ въ мастерскую XVI вѣка, и вотъ-вотъ появится великій мастеръ, который лучше съумѣетъ объяснить смыслъ своихъ произведеній, нежели безстрастный привратникъ, которому день-деньской приходится давать стереотипныя объясненія о предметахъ, не совсѣмъ ему доступныхъ. Чтобы увѣковѣчить память Дюрера,

Digitized by Google

не удовольствовались только бронзовымъ памятникомъ, красующимся на одной изъ городскихъ площадей. Въ домѣ художника помѣщается «Stiftung», какъ и во франкфуртскомъ домѣ Гете. Члены этого общества, живущіе въ городѣ, періодически собираются тамъ, для обсужденія всѣхъ вопросовъ, относящихся къ преуспѣянію своего Stiftung. Каждый посѣтитель, внесшій 50 пфенинговъ, имѣетъ право быть членомъ общества въ теченіи года. Судя по огромному наплыву посѣтителей Нюрнберга, дѣла общества находятся въ блестящемъ положеніи, и касса его врядъ-ли можетъ пожаловаться на оскудѣніе.

Колоссальное политико-общественное движеніе, вызваннаго въ Германіи эпохой реформаціи, оставило въ Нюрнбергѣ множество капитальныхъ памятниковъ. Имперская столица, какъ извѣстно, приняла живѣйшее участіе въ этомъ движеніи. Тамъ явились самые горячіе послѣдователи Лютера. Въ 1532 году протестантскія владѣтельныя особы заключили между собою первую единовѣрческую лигу, а черезъ какія нибудь 6 лѣтъ императоръ Карлъ V заключилъ тамъ же «священный союзъ» между всѣми католическими монархами, чтобы соединенными усиліями побороть протестантство. Всѣ эти перипетіи бурной эпохи нашли свое выраженіе въ массѣ храмовъ, которыми Нюрнбергъ такъ богатъ. Самые выдающіеся храмы находятся на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки Пегница, раздѣляющей городъ на двѣ части. Это — церкви св. Зебальда на правомъ берегу, и Лоренца на лѣвомъ.

Одно простое перечисленіе всѣхъ сокровищъ искусства, которыя находятся въ этихъ двухъ историческихъ храмахъ, могло бы составить порядочную брошюру. Дивныя произведенія кисти и рѣзца, великолѣпная живопись на стеклѣ, донынѣ процвѣтающая въ Нюрнбергѣ, имѣютъ тамъ лучшихъ своихъ представителей, въ лицѣ Альбрехта Дюрера, Вольгемута, Пиркеймейра, Рубенса, Гольбейна и др. Бронзовая гробница германскаго апостола, св. Зебальда, сдѣланная Петромъ Фишеромъ, считается лучшимъ произведеніемъ нѣмецкаго средневѣковаго искусства. Изображенія на стеклѣ разныхъ святыхъ и императоровъ, приношенія коронованныхъ богомольцевъ и мѣстныхъ патриціевъ такъ многочисленны и такъ высоко художественны,

Digitized by Google

что вниманіе посѣтителя окончательно притупляется, при выходѣ изъ этихъ храмовъ, такъ что немногіе рѣшаются осматривать ту массу прелестныхъ произведеній, которыя разбросаны по остальнымъ нюрнбергскимъ церквамъ.

На другомъ концѣ площади, гдѣ воздвигнутъ монументъ Ганса Закса,—одѣтаго въ кожаный передникъ, какъ и подобаетъ башмачнику,—въ двухъ шагахъ отъ церкви св. Духа, красуется новая синагога, оконченная въ 1872 году. Красивое зданіе синагоги, сооруженное въ мавританско-византійскомъ стилѣ, внутри богато изукрашенное цвѣтными арабесками и позолоченными орнаментами, занимаетъ одно изъ весьма видныхъ мѣстъ въ ряду нюрнбергскихъ достопримѣчательностей, перечисленіе которыхъ вамъ отбарабанитъ любой чичероне. У главнаго входа устроенъ фонтанъ, вводящій туристовъ въ заблужденіе. Струя воды журчитъ изъ скалы, что̀ даетъ поводъ подумать, что архитекторомъ руководила мысль изобразить скалу, изъ которой потекла вода, послѣ того какъ Моисей ударилъ по ней своимъ жезломъ. Такое близкое сосѣдство синагоги съ церковью, находящейся какъ разъ насупротивъ, черезъ улицу довольно узкую, я впе́рвые видѣлъ. Этотъ фактъ говоритъ довольно краснорѣчиво въ пользу толерантности нюрнбергскихъ гражданъ. Мѣстная еврейская община считается одною изъ самыхъ древнихъ въ Германіи. Къ сожалѣнію, по краткости моего пребыванія тамъ, я не имѣлъ случая познакомиться съ лучшими ея представителями.

Ратуша и «Бургъ» — безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ историческій городъ въ Германіи, какъ Кремль въ древне-русскихъ столицахъ—составляетъ предметъ особеннаго изученія для посѣтителей Нюрнберга. Мрачный видъ ратуши недаромъ производилъ во время оно такой трепетъ въ горожанахъ. Рядомъ съ парадными залами для пріемовъ, она славилась своими таинственными подземельями, темницами, пыточными комнатами, гдѣ происходилъ судъ не скорый и далеко не милостивый. Страхъ передъ ужасами инквизиціоннаго судопроизводства, происходившаго въ ратушѣ, былъ такъ великъ въ народѣ, что, какъ гласитъ преданіе, матери, снаряжая своихъ дѣтей въ школу, напутствовали ихъ слѣдующими совѣтами:

Digitized by Google

— Когда пройдешь мимо церкви св. Зебальда, прочти одинъ разъ: «Отче нашъ»; а когда пройдешь мимо ратуши—два раза.

Теперь, конечно, никто не читаетъ никакихъ молитвъ, обходя залы, украшенныя аллегорическими изображеніями страшнаго суда или картинами пріемовъ, выходовъ, аудіенцій, народныхъ пиршествъ по поводу окончанія 30-ти лѣтней войны, въ достаточной мѣрѣ подорвавшей торговое значеніе Нюрнберга. Дѣло ограничивается бѣглымъ, довольно равнодушнымъ осмотромъ, съ Бэдекеромъ въ рукахъ, да взносомъ установленной пошлины въ пользу ораторствующихъ привратницъ.

«Бургъ» находится на высокой, такъ называемой «Оливковой горѣ», откуда разстилается, какъ на ладони, весь городъ съ его окрестностями. Въ этотъ Кремль, устроенный Фридрихомъ Барбароссой, какъ извѣстно, совершали свои торжественные въѣзды императоры, передъ коронованіемъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ эти часовни, тронныя и пріемныя залы, нельзя не упомянуть о трехъ вещахъ, о которыхъ вамъ прожужжали уши всѣ добрые граждане стараго имперскаго города. Это—знаменитая «императорская липа» (Kaiserlinde), по преданію, посаженная женой Генриха II, Кунигундою, въ 1020 году; колодезь въ 94 метра глубины, вырытый арестантами, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и, наконецъ, пресловутая пыточная комната (Folterkammer.)

Нужно обладать воловьими нервами, чтобы выслушать до конца самодовольную декламацію чичероне въ юбкѣ, съ какимъ-то гнуснымъ сладострастіемъ объясняющей всѣ ужасы мукъ, которыя претерпѣвали жертвы средневѣковаго процесса, во время слѣдствія и суда. Кровь стынетъ въ жилахъ, когда видишь эти кресла, усѣянныя острыми гвоздями, на которыя сажали подсудимыхъ для допроса, во время котораго на ноги надѣвали широкія металлическія ботфорты, наполняемыя впослѣдствіи горящей смолой, а въ ротъ засовывали грушевидныя щипцы. При раздвиганіи шалнеровъ, ротъ и челюсти разрывались, голова, завинченная желѣзнымъ обручемъ, трескалась, глаза вылѣзали изъ орбитъ... За вздорные проступки, за которые нынѣ мировой судья оштрафуетъ четвертакомъ или полтинникомъ, вырѣзывали ремни изъ спины... Достаточно сказать,

Digitized by Google

что пресловутый «русскій кнутъ», почему-то попавшій со своей свинчаткой въ этотъ музей человѣческой жестокости, вмѣстѣ съ англійской кошкой, которой и понынѣ деруть матросовъ, представляется тамъ какой-то дѣтской забавой. Замѣчательно, какъ средневѣковое государство вторгалось во всѣ сферы частной жизни гражданъ. Есть особыя орудія для наказанія мальчишекъ, желающихъ пробраться въ сосѣдній садъ, чтобы стащить яблоки; для бабъ, ругающихся на торговой площади, для сквернослововъ вообще. Жаль, что тогда не имѣли понятія о шантажѣ и инсинуаціяхъ.

Но какъ жизнь состоитъ изъ цѣпи противорѣчій, гдѣ смѣхъ и горе перемѣшиваются между собою, такъ и въ этой Folterkammer, гдѣ собранныя орудія самыхъ утонченныхъ пытокъ вселяютъ ужасъ и омерзѣніе, вамъ показываютъ, въ концѣ осмотра, точно въ видѣ дессерта, такую курьезно-скабрезную вещь, которая вызываетъ неудержимый смѣхъ. Это такъ называемый «поясъ цѣломудрія» (Keuscheitsband), которымъ ревнивый мужъ застраховывалъ свою супружескую честь на время отлучекъ изъ дома. Только распутное воображеніе средневѣковыхъ фарисеевъ могло додуматься до подобнаго пакостнаго изобрѣтенія.

Остается сказать нѣсколько словъ о великолѣпномъ, едвали не единственномъ въ своемъ родѣ „Германскомъ Музеѣ". На фронтонѣ красуется внушительная надпись: „Germanisches Museum. Eigenthum der deutschen Nation". Это—живая лѣтопись духовнаго роста великаго культурнаго народа, отъ первыхъ зачатковъ его гражданскаго бытія до нашихъ дней. Все, что нѣмецкій народъ успѣлъ сдѣлать въ области слова, науки, искусства, техники—собрано здѣсь во-едино, въ удивительномъ систематическомъ порядкѣ. Это—наглядная исторія развитія самыхъ дробныхъ отдѣловъ любой спеціальности. Одежды, оружіе, домашняя утварь, музыкальные инструменты, металлическія издѣлія всѣхъ родовъ, урны и истлѣвшія гробницы, начиная съ временъ римскаго владычества до послѣдняго десятилѣтія нашего вѣка, живопись, скульптура, архитектура, земледѣльческія орудія, машины и такъ далѣе, до безконечности, представляются изумленному зрителю въ такомъ законченномъ видѣ, что превосходятъ самыя смѣлыя ожиданія наиболѣе требова-

Digitized by Google

тельныхъ знатоковъ. О превосходной картинной галлереѣ, блещущей такими chef d'eouvre Дюрера, какъ, напримѣръ, портретъ бургомистра Гольцштера, или Карла Великаго, или о библіотекѣ, въ которой свыше 100 тысячъ томовъ, и говорить нечего. Только народъ, достигшій высокой степени культуры, можетъ создать подобный музей, которымъ во истину имѣетъ право гордиться несравненно больше, нежели своими безчисленными монументами, воздвигнутыми въ память послѣдней франко-прусской войны.

Для ознакомленія со всѣми достопримѣчательностями Нюрнберга нужны не дни, а мѣсяцы. Къ сожалѣнію, я могъ располагать только днями, и я ихъ никогда не забуду.

XXI.

Бывшій вольный городъ, поглощенный Пруссіей послѣ побѣдоносной кампаніи 1866-го г., Франкфуртъ-на-Майнѣ мало имѣетъ общаго съ археологическимъ Нюрнбергомъ. Это городъ настоящаго, правда, цвѣтущій, богатый, красивый, но городъ XIX вѣка по преимуществу. Онъ не только не сохраняетъ остатковъ этарины, а напротивъ, съ весьма замѣтнымъ рвеніемъ старается сгладить съ лица земли малѣйшіе слѣды, напоминающіе о средневѣковомъ режимѣ. Съ легкимъ сердцемъ декретировалъ онъ разрушеніе цѣлой улицы, хотя интересной для археолога или историка, но до крайности тѣсной и неудобной въ санитарномъ отношеніи. Пресловутое франкфуртское гетто—Judengasse—болѣе не существуетъ, оно сдѣлалось достояніемъ исторіи.

Я еще захватилъ одну сторону этой Judengasse, которая подлежала срытію, въ первыхъ числахъ октября. Противоположная сторона уже давно уничтожена, и тамъ по расширенной улицѣ проходитъ уже конно-желѣзная дорога. «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и страху не видалъ»—говорятъ моряки. Кто франкфуртской Judengasse не видалъ,—скажемъ мы,—тотъ понятія не имѣетъ о томъ, какъ жилось нашимъ предкамъ, не далѣе какъ въ началѣ этого вѣка. Какіе-то карточныя домики, припертые одинъ къ другому, узкіе, высокіе, зловонные, куда солнечный лучъ никогда не проникалъ. Переулокъ былъ такъ тѣсенъ

Digitized by Google

и узокъ, что жильцы третьяго этажа подавали своимъ визави руки черезъ улицу. Дома кишѣли жильцами, лавочки, находившіеся въ нижнихъ этажахъ — покупщиками, а переулокъ кипѣлъ какъ котелъ. На ночь этотъ каменный мѣшокъ запирался желѣзными рѣшетчатыми воротами. Никто не впускался туда и не выпускался оттуда. Стража ревниво охраняла входы и выходы, точно армія, блокировавшая непріятельскую твердыню.

Въ еврейскомъ кварталѣ находятся два историческихъ домика. Въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ свѣтъ родоначальникъ всемірныхъ архи-милліонеровъ, Ансельмъ Ротшильдъ; во второмъ — знаменитый публицистъ Барухъ, впослѣдствіи Людвигъ—Берне. Когда городъ задумалъ уничтожить этотъ историческій остатокъ средневѣковаго строя — невозможно-узкій переулокъ — чтобы провести широкую улицу, по которой ходила бы конка, поднялась страшная буря въ нѣкоторой части богатой буржуазіи. Ротшильды умоляли пощадить домъ ихъ родоначальника, имѣющій для нихъ огромное значеніе. Въ замѣнъ этой уступчивости, они предлагали городу громадную сумму денегъ для благотворительныхъ учрежденій, только чтобы позволить имъ оградить этотъ фамильный памятникъ рѣшеткою. Городъ отказалъ наотрѣзъ. Мнѣніе интеллигентныхъ членовъ, что широкая улица, названная въ честь знаменитаго писателя Берне, болѣе отвѣчаетъ потребностямъ Франкфурта, нежели безобразный остатокъ безобразной старины, восторжествовало. Возникъ процессъ, въ продолженіе котораго была снесена правая часть переулка, а лѣвая съ домами Ротшильда и Берне была оставлена до исхода процесса, затѣяннаго наслѣдниками основателя всемірнаго банкирскаго дома. Дѣло перешло въ имперскій судъ, въ Лейпцигъ. Ротшильды проиграли процессъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, и теперь, вѣроятно, уже снесена лѣвая сторона улицы, гдѣ находился спорный домъ. Врядъ-ли кто посѣтуетъ на подобный исходъ процесса, за исключеніемъ, конечно, заинтересованной стороны.

На нынѣшней «улицѣ Берне»—вчерашней Judengasse—находтяся три внушительнаго вида синагоги, по числу трехъ партій, на которыя раздѣляется франкфуртская еврейская об-

Digitized by Google

щина, вообще до крайности консервативная. Въ одномъ храмѣ, посѣщаемомъ радикалами, дѣйствуетъ органъ съ двумя хорами, мужскимъ и женскимъ, какъ принято теперь вездѣ въ Германіи. Второй, устроенный умѣреннымп либералами, имѣетъ только одинъ мужской хоръ. Въ третьемъ, ультра-консервативномъ, даже хора, кажется, не полагается. Тамъ царитъ древнее благочестіе, недалеко ушедшее отъ порядковъ нашихъ западныхъ губерній. Всѣ посѣтители, даже младенцы, покрыты молитвенными полосатыми ризами. Туда посылаютъ всѣхъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній, въ особенности иностранцевъ, которыхъ тамъ предостаточно, даже изъ Россіи и Польши.

Рядомъ со мной помѣстился юноша, очевидно, гимназистъ, покрытый шелковой ризой. Мнѣ хотѣлось узнать, скоро-ли кончится литургія, и я попросилъ его указать мнѣ, какая часть службы идетъ. Вижу у него молитвенникъ съ англійскимъ переводомъ.

— Вы понимаете по англійски?

— Еще-бы! Я—англичанинъ, родомъ изъ Бирмингэма.

— Что же вы здѣсь дѣлаете?

— Я здѣсь воспитываюсь. Многія англійскія семейства посылаютъ сюда своихъ дѣтей, здѣсь не мало мальчиковъ изъ Франціи, южной Германіи, даже Россіи. All our coreligionists receive here a perfect education...

Впослѣдствіи, когда я имѣлъ случай побывать въ мѣстной еврейской коллегіи, устроенной Ротшильдомъ противъ зоологическаго сада, то ни мало не удивился, что это образцовое воспитательное заведеніе привлекаетъ питомцевъ изъ другихъ странъ, находящихся далеко за предѣлами Германіи. Красивый, богатый торговый городъ съ 150-ти-тысячнымъ населеніемъ*, легко помирившійся съ потерей прежнихъ вольностей, живетъ изо дня въ день интересами настоящаго. Въ этомъ отношеніи онъ мало похожъ на Нюрнбергъ. Франкфуртская старина—это развѣ башня на Eschenheimer Strasse, гдѣ уныло стоитъ никѣмъ непосѣщаемое опустѣлое зданіе германскаго союза, такъ безславно окончившаго свое печальное

* Во Франкфуртѣ живетъ до 15 тысячъ евреевъ.

Digitized by Google

существованіе. Вотъ «Hôtel zum Schwanen», гдѣ въ 1871 году Бисмаркъ и покойный Жюль Фавръ подписали мирный трактатъ—дѣло другое. Это интересуетъ всѣхъ, потому что здѣсь канцлеръ подробно условился на счетъ полученія хорошаго куша—5-ти милліардной контрибуціи, правда, скоро растаявшей въ рукахъ побѣдителей. Патріоты до сихъ поръ дуются на своего идола, что далъ маху, слишкомъ мало запросивъ; слѣдовало, по ихъ мнѣнію, содрать съ богатой Франціи, по крайней мѣрѣ, вдвое—эдакъ милліардовъ десять. Она, навѣрное, уплатила-бы.

Много прекрасныхъ зданій во Франкфуртѣ, въ родѣ новой оперы, биржи, панорамы Седана, не говоря уже о роскошныхъ садахъ, какъ «Palmen Garten» или зоологическій садъ. Но не позабыты и разныя академіи, художественныя галлереи. На лучшихъ площадяхъ красуются монументы Гуттенберга, Гете, Шиллера. Изваянія Лессинга и Берне; улицы, названныя въ честь музыкальныхъ знаменитостей Германіи — доказываютъ, что населеніе торговаго города не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ умственныхъ центровъ страны. Правда, рядомъ съ монументомъ Шиллера находится гауптвахта, неизвѣстно для чего помѣщенная въ такомъ неподходящемъ сосѣдствѣ. Франкфуртъ гордится своими сынами: тевтономъ Гете и іудеемъ Берне.

Домъ Гете оставилъ во мнѣ весьма пріятное воспоминаніе о двукратномъ посѣщеніи Франкфурта. Сынъ богатаго патриція, бывшаго бюргермейстера, молодой Вольфгангъ выросъ при наличности такихъ благопріятныхъ условій, при которыхъ рѣдко приходится начинающимъ поэтамъ пробивать себѣ дорогу. Если его жизненный путь не былъ сплошь усыпанъ розами, то во всякомъ случаѣ судьба поберегла его отъ разныхъ терній, неизбѣжныхъ при вступленіи въ общественную жизнь. Въ просторномъ четырехъ-этажномъ наслѣдственномъ домѣ собрано все, что о немъ написано перомъ и кистью. Цѣлая библіотека, весьма внушительныхъ размѣровъ, свидѣтельствуетъ о массѣ книгъ, посвященныхъ безсмертнымъ твореніямъ великаго писателя. Всѣ стѣны увѣшаны картинами, портретами, гравюрами, эстампами, изображающими Гете во всѣ періоды жизни,

Digitized by Google

его царственныхъ друзей и близкихъ ему людей. Даже предметамъ его первой любви и послѣдней—женщины, въ которую поэтъ влюбился на закатѣ дней своихъ, чуть-ли не на восьмомъ десяткѣ лѣтъ—отведены подобающія мѣста въ этой картинной галлереѣ лицъ, окружавшихъ творца «Фауста». Интересна гравюра, изображающая его свиданіе съ Наполеономъ I. Геніальный полководецъ мгновенно угадалъ, что молодой человѣкъ въ расшитомъ мундирѣ и лентѣ—совсѣмъ не то, что его безсловесные, прилизанные коллеги. «Voilà un homme!»—воскликнулъ онъ съ восхищеніемъ, обратившись къ своей свитѣ, по выслушаніи объясненія Гете. Свой своего сразу узналъ.

Всякая мелочь, имѣющая малѣйшее только отношеніе къ жизни поэта, сохраняется съ какимъ-то религіознымъ благоговѣніемъ. Полка съ его школьными книгами находится на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ, какъ и тогда, когда мальчикъ Вольфгангъ зубрилъ латинскія склоненія, таблицу умноженія, краткіе очерки географіи и исторіи. На пюпитрѣ, на которомъ онъ писалъ «Эгмонта», лежитъ книга, гдѣ расписываются посѣтители, что, какъ я замѣтилъ, производитъ на послѣднихъ немалую сенсацію. Домъ не пустуетъ; кромѣ обычной прислуги, охраняющей это народное достояніе, тамъ помѣщается особый институтъ, посвященный памяти поэта. Называется онъ: «Freie Deutsche Hochstift für Wissenschaft, Künste und allgemeine Bildung». Въ числѣ портретовъ членовъ этого института я съ удовольствіемъ замѣтилъ изображеніе поэта-филантропа, еврея Л. А. Франкля.

Впечатлѣніе, произведенное на меня осмотромъ дома Гете, заслонило все остальное, видѣнное мною во Франкфуртѣ. Этого одного дома, кажется, достаточно, чтобы прекрасный городъ на Майнѣ оставилъ о себѣ самыя отрадныя воспоминанія. Вотъ у кого надо учиться уваженію своихъ духовныхъ вождей, этихъ свѣтильниковъ народнаго самосознанія, безъ которыхъ немыслимо существованіе великаго народа. Доживемъ-ли мы до той поры, чтобы и мы научились цѣнить своихъ великихъ людей, прославившихся не мечомъ, а силою духа живого? Навряд-ли.

Digitized by Google

Эти мысли волновали меня, когда я отправлялся на вокзалъ, мимо шикарныхъ магазиновъ Zeil и Kaiserstrasse, лучшихъ улицъ города. За Франкфуртомъ начинается живописная Bergstrasse, т. е. дорога, одна сторона которой покрыта густымъ лѣсомъ, а по другой непрерывно тянется цѣпь горъ. Эта волнистая мѣстность очень живописна, начиная съ Гессенъ-Дармштадта и близь лежащаго Югенгейма, откуда Bergstrasse тянется вплоть до Гейдельберга, съ его извѣстною горой, почему-то названной «Philosophicum». Чудные пейзажи, деревни, города, церкви, фабрики, вокзалы, мосты—мелькаютъ передъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ. По цѣлымъ часамъ не отходишь отъ окна вагона—все бы любовался этими красивыми видами. Вотъ Гейдельбергъ, дорогой сердцу каждаго студента, а тамъ недалеко и Брукзаль съ его центральной тюрьмой; далѣе, военный городъ Раштадтъ, мирная, хотя и скучная столица баденскаго герцогства — Карлсруэ. Отъ Карлсруэ до цѣли моей поѣздки рукой подать. Черезъ какіе нибудь два часа ѣзды, послѣ остановки въ Карлсруэ, я былъ уже въ Баденъ-Баденѣ.

XXII.

Если читатель подумаетъ, что Баденъ-Баденъ кишитъ недугующими, жаждущими исцѣленія, то онъ жестоко ошибется. Это—городъ для здоровыхъ, ищущихъ развлеченій, тяготящихся досугомъ, страдающихъ избыткомъ матеріальныхъ средствъ, которыхъ дѣвать некуда. Прелестный уголокъ, куда, въ древности, стекались римскіе патриціи для пользованія житейскими утѣхами, удовлетворяетъ самымъ изысканнымъ требованіямъ своихъ избалованныхъ лѣтнихъ посѣтителей. Въ этомъ отношеніи, онъ врядъ-ли имѣетъ соперниковъ между самыми модными «курортами» Европы—про Германію и говорить нечего. Цѣлебные источники, горячіе ключи, чудесныя ванны, получившія извѣстность еще во времена римлянъ—не болѣе, какъ предлогъ, необходимая декорація, за кулисами которой герои баденскаго сезона дѣлаютъ все возможное, чтобы скорѣе разстроить свое здоровье, нежели возстановить его,—въ чемъ, вѣроятно, они преуспѣваютъ.

Digitized by Google

Всѣ эти Карлсбады, Маріенбады и другіе, видѣнные мною «бады», въ сравненіи съ Баденъ-Баденомъ, не болѣе какъ глухіе провинціальные города. Красота этого чуднаго уголка, находящагося въ мѣстности, вообще щедро одаренной дарами природы, недаромъ служитъ приманкой не для однихъ любителей спорта, рулетки и кокотокъ. Знаменитѣйшіе поэты, писатели и художники давно облюбовали эту «жемчужину Шварцвальда», этотъ «вѣнецъ теплыхъ водъ» (Krone der Bäder), какъ нѣмцы съ понятною гордостью называютъ этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ очаровательный городъ. Государственные люди самаго крупнаго калибра проводятъ тамъ свое вакаціонное время — что придаетъ городу видъ какого-то постояннаго конгресса. За придворными особами и государственными дѣятелями, какъ принято, тянется финансовая аристократія. А гдѣ уже засіяли биржевыя планеты, гдѣ запахло жаренымъ, тамъ уже само собой очутились миріады разныхъ прожектеровъ, аферистовъ, спортсменовъ, шуллеровъ, кокотокъ и тому подобнаго люда, который не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не обчиститъ чужіе карманы, содержимое которыхъ мѣшаетъ ему спать.

Главный элементъ гостей, такъ сказать, ядро пришлаго населенія—англичане и, что покажется страннымъ, отчасти французы. Ненависть, питаемая галлами къ своимъ надменнымъ побѣдителямъ при Седанѣ, не распространяется на рейнскія провинціи вообще, а на Баденъ-Баденъ въ частности. По правдѣ сказать, характеръ южно-германскаго народа имѣетъ гораздо болѣе точекъ соприкосновенія со своими недавними врагами, нежели со своими сѣверными братьями, въ особенности пруссаками, которыхъ они сильно недолюбливаютъ. Симпатичнѣе, честнѣе, добродушнѣе шварцвальдскаго населенія трудно себѣ представить. Люди, составившіе себѣ извѣстное понятіе о германскомъ народномъ характерѣ по образчикамъ, доставляемымъ Васильевскимъ Островомъ, Ригой или даже Кенигсбергомъ, будутъ пріятно изумлены, встрѣтивши совершенно противоположное въ Пфальцѣ и Шварцвальдѣ — точно это двѣ другія расы. Француза теперь калачомъ не заманишь въ Берлинъ, а въ Баденъ-Баденъ они толпой привалили, какъ

Digitized by Google

только узнали, что холера пожаловала въ Марсель. Но и помимо проклятой азіатской гостьи, французы издавна облюбовали этотъ городъ, гдѣ они стали твердой ногой. При мнѣ хоронили одного француза, много содѣйствовавшаго украшенію Баденъ-Бадена. Городъ устроилъ ему торжественные похороны, не смотря на то, что покойный былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей рулетки...

Но главная опора горожанъ и мѣстной промышленности — все-таки англичанинъ. Упорный сынъ «Зеленаго острова» главенствуетъ на Рейнѣ. Если говорятъ объ иностранцахъ, то подразумѣвается только англичанинъ, иногда американецъ. Англійскій языкъ слышенъ всюду, на гуляньѣ, на скачкахъ, на рейнскомъ пароходѣ. Прислуга отеля, по привычкѣ, отвѣчаетъ вамъ на языкѣ Шекспира и Байрона, хотя бы вы съ ней заговорили на ея родномъ нарѣчіи. Причина этого пристрастія къ англо-саксонской расѣ заключается преимущественно въ томъ, что обладатели фунтовъ стерлинговъ не въ примѣръ щедрѣе раздаютъ Trinkgeld, нежели континентальные «Kurgäste», маракующіе по нѣмецки. Словомъ, англичане тамъ personae gratissimae.

XXIII.

Одно обстоятельство поразило меня, на первыхъ порахъ, въ Баденъ-Баденѣ. Это—полнѣйшее отсутствіе нашихъ соплеменниковъ. Я не могу себѣ вообразить уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы не ступила нога одного изъ потомковъ нашего патріарха Авраама. Куда бы судьба ни забрасывала меня, въ моихъ скитаніяхъ по бѣлу-свѣту, я напередъ былъ увѣренъ, что обрѣту тамъ непремѣнно кого нибудь изъ своихъ единовѣрцевъ. Когда я однажды очутился, волею судебъ, въ страшномъ захолустьи Олонецкой губерніи, по архангельскому тракту, гдѣ и людей-то, кажется, не было,—потому что на нѣсколько волостей было всего одно питейное заведеніе, — я и тамъ нашелъ отставнаго солдата «изъ нашихъ». Онъ тамъ какъ-то ухитрился устроить конуру-лавчонку, гдѣ кое-какъ перебивался, торгуя гвоздями, дегтемъ и... мармеладомъ. И вдругъ, въ эдакомъ прелестномъ уголкѣ, прославленномъ Ауэрбахомъ, посѣщаемомъ, если не

Digitized by Google

ошибаюсь, нѣсколькими десятками тысячъ гостей—я не увижу ни одного сына Израилева! Да этого быть не можетъ! Это было бы противно логическому ходу вещей, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», какъ говоритъ Грибоѣдовъ.

Проходитъ недѣля и я начинаю тосковать по моимъ Рудольфовцамъ, десятокъ которыхъ былъ бы для меня какъ разъ впору. Дѣло въ томъ, что приближалась первая годовщина смерти моего отца. Безъ наличности десятка взрослыхъ единовѣрцевъ немыслимо ни отслужить панихиду, ни прочесть заупокойную молитву. Ну, думаю, придется поѣхать для этого въ Страсбургъ, Мецъ или Кольмаръ. Разъ встрѣчаю возлѣ казино, или по тамошнему: «Conversationshaus», благообразнаго старичка съ орденской ленточкой въ петличкѣ, своею внѣшностью напоминающаго духовную особу. Обращаюсь къ знакомымъ съ разспросами. Тѣ говорятъ, что это, дѣйствительно, духовная особа изъ Карлсруэ, должно быть, пасторъ или раввинъ. Была не была—я прямо къ нему.

— Entschuldigen Sie, Herr Doctor... началъ было я запинаясь...

— Oberrath,—ласково, но внушительно поправилъ онъ меня.

Я кое-какъ изъяснилъ ему мою просьбу, еще выслушалъ двѣ-три поправки, когда, по забывчивости, величалъ его просто «Herr Doctor». Въ концѣ концовъ, я таки узналъ, что онъ, дѣйствительно, Oberlandes Rabbiner, Oberrath, кавалеръ разныхъ орденовъ, причемъ обѣщалъ устроить мнѣ все дѣло, въ лучшемъ видѣ. Онъ оказался милѣйшимъ старикомъ чисто-нѣмецкаго склада и мы съ нимъ скоро познакомились.

— Видите-ли,—сказалъ онъ мнѣ,—здѣсь нѣтъ настоящаго храма, потому что въ городѣ проживаетъ всего горсть нашихъ. На лѣто мы нанимаемъ здѣсь, въ гостиницѣ Baldreit, залу для богослуженія, для пріѣзжихъ гостей. Служка недавно умеръ и его обязанности исполняетъ старуха-вдова. Приходите туда въ пятницу вечеромъ; я вамъ все устрою.

Въ этомъ Gebetsaal съ росписными цвѣтными стеклами собралось немногимъ болѣе десятка мужчинъ и столько же женщинъ. Мужчины сидятъ по одну сторону, дамы по другую, какъ въ протестантскихъ киркахъ. Подслѣповатая старушка,

Digitized by Google

вдова служки, исполняла свои обязанности не хуже покойнаго мужа. О хорѣ, понятно, не могло быть и рѣчи. Молодой человѣкъ служитъ обѣдню, читаетъ пятикнижіе, словомъ, справляетъ всѣ требы, къ вящшему удовольствію собравшейся публики, наполовину состоявшей изъ французскихъ раввиновъ. Остальная часть—свѣтскіе Kurgäste, въ числѣ которыхъ былъ мой землякъ, д-ръ М. Розенбергъ, состоящій приватъ-доцентомъ въ карлсруэскомъ политехникумѣ. Молодой ученый читаетъ тамъ теорію изящныхъ искусствъ. Русскій еврей, принадлежащій, по рожденію, къ семейству милліонеровъ, посвятившій себя ученой дѣятельности и вдобавокъ попавшій въ сонмъ профессорской корпораціи иностраннаго высшаго учебнаго заведенія—такое рѣдкое явленіе, по крайней мѣрѣ для меня, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить этотъ фактъ въ своихъ путевыхъ наброскахъ. На повѣрку, однако, оказывается, что это не единственный примѣръ толерантнаго отношенія германскихъ университетовъ къ нашимъ землякамъ, даже со стороны такихъ выдающихся университетовъ, какъ, напримѣръ, берлинскій и гейдельбергскій, гдѣ читаютъ гг. Бернштейнъ, Шапиро и другіе.

Да вѣдь это не вяжется съ розсказнями о силѣ антисемитическаго движенія, по словамъ нашихъ газетъ, охватившаго Германію,—скажетъ читатель. Дѣйствительно не вяжется. Сколько разъ я ни старался заводить разговоры о германскомъ антисемитизмѣ, мои нѣмецкіе собесѣдники всегда пожимали плечами, говоря, что все это вздоръ, одна газетная брехня, что у нихъ никакого антисемитизма, въ русскомъ смыслѣ, нѣтъ и не можетъ быть, а вотъ настоящій-то «антисемитизмъ» у васъ въ Россіи,—говорили они. Первый вопросъ, который ими обыкновенно предлагался, когда узнавали, что я изъ Россіи, былъ всегда приблизительно слѣдующій:

— Wie steht es jetzt bei Ihnen mit dem Antisemitismus? Geht es immer los?

Извольте послѣ этого разобраться: кто правду говоритъ, а кто лжетъ?

П. Левенсонъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА *

*(Окончаніе *.*

V.

Противорѣчивые упреки; клеветы; евреи и военная служба.

Слѣдуетъ-ли теперь въ подробности разсматривать разные другіе упреки, обращенные противъ евреевъ? Это былъ бы трудъ столь же тяжелый, сколько неблагодарный. Противники евреевъ не останавливаются ни передъ какою нелѣпостью, ни передъ какою несообразностью, у нихъ всякое лыко идетъ въ строку. То на евреевъ возводятся ни на чемъ не основанныя обвиненія, повторяются избитыя, заѣзженныя фразы, не основанныя на фактахъ, не подкрѣпленныя опытомъ [1]. То высказываются противорѣчивыя, взаимно опровергающія другъ друга нареканія. То, наконецъ, появляются такія очевидныя клеветы или такія чудовищныя преувеличенія, что онѣ могутъ ввести въ заблужденіе развѣ лишь лицъ очень недалекихъ и неспособныхъ къ

---

* См. «Восходъ», кн. VII.

[1] „Даже на трибунѣ раздаются такія нареканія противъ евреевъ", — воскликнулъ въ Рейхстагѣ депутатъ Гэнель. („Die Judenfrage", 1880, стр. 17). А депутатъ Рихтеръ сказалъ: „Наиболѣе достойна порицанія — эта привычка высказывать обвиненія, не основанныя ни на какихъ фактахъ, обвиненія огульныя, въ родѣ того, напримѣръ, что извѣстные пороки встрѣчаются чаще среди евреевъ, чѣмъ среди христіанъ. Вы толкуете о еврейской печати Недавно еще здѣсь, говоря о „Познанской Газетѣ", ее обозвали еврейскимъ органомъ. А между тѣмъ, господа, ни издатель, ни кто-либо изъ сотрудниковъ этой газеты, не принадлежалъ къ еврейскому племени". (Левенфельдъ, стр. 96 и 99).

Digitized by Google

разсужденію. Трудно представить себѣ такую нелѣпость, которая не была бы высказана по поводу евреевъ. Достаточно прочесть хотя бы Шудта, Эйзенменгера или даже „Стража противъ евреевъ", появившагося въ 1763-мъ году изъ-подъ пера одного испанскаго патера [1]. Вездѣ евреи изображены нахалами, измѣнниками, ихъ называютъ паршивыми собаками, сволочью, выставляютъ суевѣрными, завистливыми, ненавидящими христіанскую религію, суетливыми, тщеславными, лживыми, сварливыми; увѣряютъ, будто одни изъ нихъ родятся съ хвостами, будто у другихъ бываютъ мѣсячныя очищенія, какъ у женщинъ, будто третьи лишены способности плевать. Всѣ они будто бы нечистоплотны, вонючи, у всѣхъ скверно пахнетъ изо рта [2]. И при этомъ авторъ ссылается на различные авторитеты. Онъ ничего не выдумываетъ, онъ только повторяетъ то, что всѣ говорятъ и думаютъ вокругъ него, что сотни другихъ говорили до него и будутъ повторять послѣ него. Это просто какой-то бредъ, какія-то галлюцинаціи. Встрѣчаются такіе люди, у которыхъ ненависть къ евреямъ принимаетъ какой-то болѣзненный характеръ.

Одна изъ причинъ, почему публика даетъ большую или меньшую вѣру всѣмъ этимъ нелѣпостямъ, заключается въ томъ, что многіе во-

---

[1] „Revue des études juives", V, стр. 289, VI, стр. 112 и слѣд.

[2] Сравни по этому поводу брошюру: „Должны-ли эльзасскіе евреи пользоваться всѣми гражданскими правами?" 1790, стр. 91. Относительно будто бы вонючаго дыханія римскихъ евреевъ, въ эпоху Марціала и Амміана, ср. Іоэль „Blicke in die Religionsgeschichte zu Anfang des zweiten christlichen Jahrhunderts", часть 2-я, Бреславль, стр. 130 и слѣд., гдѣ доказывается, что эта глупая легенда основана на орфографической ошибкѣ („foetens" или „fetens", какъ писали въ средніе вѣка, вмѣсто „petens"). Въ средніе вѣка ходила по рукамъ рукопись, озаглавленная: „Сказаніе о томъ, какое зло каждое изъ двѣнадцати израильскихъ колѣнъ причинило Христу и какое оно за то нынѣ терпитъ наказаніе". Колѣно Рувимово схватило Іисуса, почему нынѣ все, до чего оно не прикоснется, вянетъ. Колѣно Симеонова водрузило крестъ, и потому у всѣхъ потомковъ его на рукахъ и на ногахъ кровоточивыя раны. Колѣно Даново воскликнуло: „Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ", и потому ежемѣсячно на тѣлѣ потомковъ этого колѣна обнаруживаются зловонныя язвы". Шудтъ въ 1714-мъ году, не побоялся серьезно повторить эти глупые разсказы. (Шудтъ, „Jüdische Denkwürdigkeiten, кн. VI, стр. 345),

Digitized by Google

ображаютъ себѣ, будто у евреевъ постоянно происходитъ что-то таинственное. Ихъ литература, духовная и свѣтская, ихъ религіозные обряды окружены нѣкоторою таинственностью. У многихъ до сихъ поръ еще сохранились средневѣковыя воззрѣнія, по которымъ евреи, и въ особенности евреи-врачи, считались колдунами, когда евреи являлись астрологами, математиками, волхвами, когда еврейскіе ученые считались чернокнижниками, еврейскіе обряды — кудесничествомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые изъ предразсудковъ, распространенныхъ относительно евреевъ (напримѣръ столь распространенный предразсудокъ объ употребленіи ими христіанской крови для приготовленія пасхальныхъ опрѣсноковъ) являются отчасти результатомъ издавна укоренившейся привычки видѣть повсюду у евреевъ какую-то преступную таинственность [1]). Эта привычка, впрочемъ, очень удобна тѣмъ, что она избавляетъ отъ необходимости доискиваться истины. Евреи не могутъ ни сказать, ни напечатать единаго слова безъ того, чтобы въ немъ не увидѣли бы задній смыслъ, какія-то уловки и увертки. Существуютъ различныя еврейскія общества, дѣйствующія совершенно открыто, всякая резолюція которыхъ немедленно же дѣлается достояніемъ гласности съ помощью тысячи печатныхъ экземпляровъ, — а тѣмъ не менѣе къ нимъ продолжаютъ относиться, какъ къ тайнымъ обществамъ, по поводу ихъ распространяются тысячи нелѣпостей, повторяемыхъ даже серьезными писателями, причемъ никому даже и въ голову не прійдетъ ознакомиться съ ихъ уставами или съ протоколами ихъ засѣданій, а всѣ продолжаютъ твердить, что всякое еврейское общество злоумышляетъ противъ христіанъ, мечтаетъ чуть-ли не о завоеваніи міра, что, словомъ, всѣ они носятся съ самыми ужасающими проектами.

Можно было написать цѣлую главу, и притомъ весьма интересную, лишь сопоставивъ и противупоставивъ другъ другу всѣ упреки, кото-

---

[1] Сравни Оортъ „Der Ursprung der Blutbeschuldigung gegen die Juden", Лейденъ и Лейпцигъ, 1883.

Digitized by Google

рые дѣлаются евреямъ. Въ результатѣ получится цѣлый ворохъ противорѣчій. Для однихъ всѣ евреи—вопіющія бездарности, для другихъ—они уже черезъ-чуръ умны; то они слишкомъ образованны, то они желаютъ пребывать въ мракѣ невѣжества; то низшія, среднія и высшія учебныя заведенія переполнены евреями, то они, — смотря по минутнымъ требованіямъ полемики,—лѣнивы, то черезъ-чурь дѣятельны; то скупы, то расточительны, то низкопоклонны, то надменны. Самыя невинныя свойства ихъ характера обращаются въ смѣшную сторону: такъ благотворительность ихъ выставляется тщеславіемъ, трезвость ихъ—скупостью. За примѣрами ходить далеко нечего.

Такъ, напримѣръ, Бруно Бауэръ утверждаетъ, будто евреи рѣшительно ни къ чему неспособны [1]. „Они выродились, ихъ породы нельзя улучшить“,—твердили аббату Грегуару [2]. А съ другой стороны кричали: „Евреи все захватываютъ, они завладѣютъ всею землею (такъ вопили въ Эльзасѣ); всѣ капиталы уже и теперь находятся въ ихъ рукахъ“. Въ Нанси, въ эпоху революціи „одни увѣряли, будто евреи скупили весь хлѣбъ, другіе—будто они покупаютъ самые лучшіе дома въ городѣ, который вскорѣ цѣликомъ перейдетъ въ собственность евреевъ“. Одинъ изъ нансійскихъ гражданъ сказалъ даже мѣстному епископу: „Еслибы намъ пришлось лишиться васъ, то мы не замедлили бы увидѣть на вашемъ мѣстѣ еврея“ [3]. Этотъ суевѣрный страхъ передъ евреемъ не даетъ покоя и нѣмецкимъ антисемитамъ; онъ не разъ проявлялся во время преній Рейхстага въ 1880-мъ году, о чемъ рѣчь была уже выше. Семьдесятъ нѣмцевъ трепещутъ при видѣ однаго еврея. [4].

---

[1] Бруно Бауэръ, „Die Judenfrage“. Брауншвейгъ, 1843, стр. 9 и 10. Дюрингъ развиваетъ ту же тему.

[2] Аббатъ Грегуаръ, „Motion en faveur des Juifs“, стр. 17.

[3]) Рѣчь Де-ла-Фора, епископа Нансійскаго, въ Національномъ Собраніи 23-го декабря 1789 г., въ „Монитерѣ“.

[4] Ср. также Фрейндъ „Zur Judenfrage in Deutschland“. Берлинъ 1843, стр. 40: „Предлогомъ для неравноправности ихъ выставляютъ ихъ необразованность“... „Debatten des rheinischen Landtages über die Emancipation der Ju-

Digitized by Google

Евреи недостаточно образованы, и въ виду этой недостаточности образованія противъ нихъ слѣдуетъ принимать исключительныя мѣры [1]. Одинъ ораторъ даже привелъ, въ видѣ доказательства низкаго уровня ихъ образованія, одинъ изъ ихъ религіозныхъ обычаевъ, очень схожій съ тѣми, которые встрѣчаются во всѣхъ религіяхъ, и закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ восклицаніемъ: „И какого проку можетъ ожидать государство отъ такихъ людей! [2]. Но прислушаемся и къ противуположному мнѣнію: „Евреи — говорилъ въ 1880-мъ году въ германскомъ парламентѣ Вирховъ, — могутъ дѣлать все, что хотятъ, вполнѣ оставаясь на почвѣ законности,—имъ все равно не избѣжать упрековъ. Позвольте мнѣ привести вамъ, въ подтвержденіе только что сказанныхъ мною словъ, небольшую цитату изъ брошюры, которую издалъ въ Германіи одинъ очень хорошо извѣстный вамъ человѣкъ и который стоитъ здѣсь (въ Германіи) во главѣ антисемитическаго движенія. Авторъ, коснувшись, между прочимъ, увеличивающагося постоянно числа учениковъ-евреевъ въ высшихъ школахъ, говоритъ: „Подобное стремленіе къ усовершенствованію и къ образованію само по себѣ было бы весьма похвально, еслибъ оно не возлагало на насъ обязанности бороться за наше собственное существованіе. Если евреи будутъ продолжать подвигаться впередъ въ этомъ направленіи они насъ вскорѣ значительно обгонятъ“. Но если отецъ посылаетъ дѣтей своихъ въ школу и даетъ имъ образованіе, и если дѣти эти становятся впослѣдствіи въ общественной іерархіи выше тѣхъ, которые ничему не научились, то нельзя же не признать, что это благородный способъ борьбы. Дѣйствительно я не знаю, какой бы можно было бы избрать лучшій путь прогресса. Не представляется ли этотъ способъ

---

den“, Берлинъ 1843 г., стр. 38: „Еврейское племя одарено умственными способностями, оно хитро, проницательно, разсудительно“.

[1] Липсъ, „Ueber die künftige Stellung der Juden“, Эрлангенъ. 1819, стр. 60: „Мы не даемъ равноправности евреямъ, потому что они необразованы, и мы лишаемъ ихъ образованія, потому что они неравноправны“.

[2] Засѣданіе прусскаго сейма 15-го іюня 1847 года, въ „Vollständige Verhandlungen“, Берлинъ, 1847, стр. 226.

Digitized by Google

наиболѣе возвышеннымъ, похвальнымъ и не допускающимъ никакихъ возраженій? Упрекать евреевъ въ образованности ихъ и дѣлать изъ нея предлогъ для того, что Дарвинъ называетъ борьбою за существованіе—это значитъ полагать предѣлъ всякому мирному развитію; упрекать отца за то, что онъ посылаетъ дѣтей своихъ въ высшія школы—это значитъ дѣлать совершенно невозможнымъ миръ между христіанами и евреями“ [1]. А депутатъ Леве прибавилъ: „Вы постоянно упрекаете евреевъ въ томъ, что они не стоятъ на одномъ уровнѣ съ вами; но вы, имѣвшіе бы, кажется, случай изучить исторію, забываете, на какое существованіе осуждали ваши предки евреевъ въ теченіе вѣковъ. А когда евреи стараются, собственными своими усиліями, съ помощью мирнаго и спокойнаго труда, выйти изъ того омута, въ который ихъ загоняли въ теченіе столѣтій, вы упрекаете ихъ въ томъ, что они забираются слишкомъ высоко. Господа, мы очень хорошо понимаемъ, чего желаютъ наши противники. Уже, конечно, не отъ нихъ мы дождемся упрека въ томъ, что слишкомъ мало заботимся о нашихъ соотечественникахъ, и мы исполнили бы лишь самое задушевно желаніе ихъ, еслибы мы оставили несчастныхъ евреевъ коснѣть въ невѣжествѣ. Тогда, по крайней мѣрѣ, они имѣли бы нѣкоторое право строго относиться къ намъ“ [2].

Постоянно слышатся фразы: евреи скупы, скаредны, жадны до денегъ. Одни хвалятъ ихъ за то, другіе порицаютъ, смотря по настроенію и по даннымъ обстоятельствамъ [3]. Скупость евреевъ вошла какъ бы въ пословицу; но если случайно они производятъ расходы, не вызываемые необходимостью, то сейчасъ же начинаютъ кричать о ихъ тщеславіи и о желаніи ихъ пускать пыль въ глаза. У еврейскихъ жен-

[1] „Die Judenfrage“, 1880, стр. 52.

[2] Тамъ же, стр. 143 и 146.

[3] Ср., напр., доктора Ланьо въ «Remarques a propos du denombrement de la population sur quelques differences demographiques, présentées par les catholiques, les protestants, les israelites», Парижъ, 1882, стр. 10. «Трезвость ихъ, порою даже преувеличенная, вслѣдствіе скупости». Ср. «Должны ли эльзасскіе евреи», и проч., стр. 28 (о скупости).

Digitized by Google

щинъ нерѣдко можно встрѣтить брилліанты, шелкъ, бархатъ, позументы, дорогія кружева [1]... Евреи вообще воздержны и трезвы, и хотя эти добродѣтели ихъ могутъ быть объяснены и скупостью, но мы, не умаляя здѣсь значенія ихъ, замѣтимъ только, что вслѣдствіе довольно загадочной моральной странности, они въ этомъ отношеніи превосходятъ насъ и, повидимому, основываютъ самые предосудительные поступки на прочныхъ основахъ честности [2].—„Трезвость“ замѣчаетъ другой авторъ,—„вообще добродѣтель вполнѣ относительная, но она даже перестаетъ быть добродѣтелью, когда въ основѣ ея лежатъ, какъ мы то видимъ у евреевъ, алчность и скупость... Но за то разбогатѣвшіе евреи не уступятъ ни одному моту-христіанину въ грубой и тщеславной расточительности“ [3]. Пусть кто-нибудь тутъ и разъяснитъ эти противорѣчія! Когда дѣло коснется евреевъ, то даже пьянство становится добродѣтелью. — „Генрици упрекнулъ евреевъ вътомъ, что, они неспособны переносить какія-либо излишества; защитники евреевъ, напротивъ, восхваляютъ трезвость и бережливость ихъ. Истина заключается въ томъ, что если выносливость нашего организма и пылкость фантазіи заставляютъ насъ, нѣмцевъ, порою выпить лишній стаканчикъ, то порокъ этотъ до того присущъ нашей природѣ, что мы даже не желаемъ и не стараемся отъ него отдѣлаться“ [4]. „Каждый разъ“,—говоритъ депутатъ Зейфертъ,—„когда мнѣ приходилось обращаться къ великодушію еврея, я встрѣчалъ сострадательное сердце и широко разверстую руку, и мнѣ никогда не забыть этого великодушія. И при этомъ нужно замѣтить, что въ данныхъ случаяхъ ими от-

---

[1] Должны ли эльзаскіе евреи быть допущены и пр., стр. 117—119.

[2] Тамъ же, тѣ же страницы.

[3] Рюсъ, «Die Rechte des Christ. und des deutschen Volkes, Берлинъ, 1816, стр. 71.

[4] Ферстеръ, «Das Verhältniss des modernen Judenthums zur deutschen Kunst», Берлинъ, 1881, стр. 57, прим. 7. Ср. въ противуположномъ смыслѣ Эвальда «Ideen über die nöthige Organisation der Israeliten in christlichen Staaten», Карльсруэ, 1816, стр. 161. «Нужно сознаться, что нѣкоторыя добродѣтели, какъ-то трезвость, умѣренность, любовь къ семейству, встрѣчаются чаще у евреевъ, чѣмъ у такъ-называемыхъ христіанъ».

Digitized by Google

нюдь не руководило тщеславіе, ибо въ большинствѣ случаевъ они выражали желаніе оставаться анонимными“ [1].

Нужны ли еще другія доказательства? Достаточно взять въ руки любой списокъ пожертвованій на какое-нибудь благотворительное дѣло,—и на первомъ планѣ въ немъ непремѣнно окажутся евреи. Одинъ англійскій еврей въ 1830-мъ году состоялъ членомъ всѣхъ лондонскихъ благотворительныхъ обществъ [2]. Когда въ 1873-мъ году городъ Тулуза сильно пострадалъ отъ наводненія, наибольшую цифру пожертвованій доставала подписка, открытая среди французскихъ евреевъ Адольфомъ Кремье [3]). Въ другой разъ тотъ же Кремье, къ которому одинъ священникъ обратился съ просьбой вести дѣло противъ однаго христіанина, который, пожертвовавъ въ церковь дароносицу, впослѣдствіи самъ же взялъ свой даръ назадъ, началъ съ того, что пожертвовалъ новую дароносицу на свой счетъ [4]. Въ Новомъ Орлеанѣ еврей Журо купилъ за 20,000 долларовъ зданіе церкви, проданное съ публичнаго торга, и возвратилъ ее христіанскому приходу [5]. Еврей Антоній Лопецъ-Суассо ссудилъ короля Нидерландскаго Вильгельма III двумя милліонами флориновъ, сказавъ:—„Если вамъ не повезетъ, я готовъ, потерять ихъ“ [6]. Въ концѣ XVIII столѣтія, нѣкоторые португальскіе евреи, изъ Бордо, основали колоніи въ Санъ-Донато, въ качествѣ негоціантовъ, судостроителей, плантаторовъ. Братья Раба, изъ Бордо, учредили большую факторію на Капъ-Франсэ [7]. Семейство Гродисъ, въ Бордо, помогало колоніямъ, въ которыхъ обнаружился голодъ. По словамъ Булэнвилье, они много помогали эльзасцамъ во время войнъ прошедшаго столѣтія; во время большаго

---

[1] «Die Judenfrage», 1880, стр. 35.

[2] „Verhandlungen im grossbritanisch Parl.“, 1830, стр. 45 и 46.

[3]) «Archives Israel», 1875, стр. 419 и 546.

[4] Газета «France», 2 іюля 1883.

[5] Мозеръ, «Die Juden und ihre Wünsche», Штуттгартъ, 1828, стр. 122.

[6] «Memoires de Brandenbourg», т. II.

[7] „Notice sur l'etat des Israelites en France“, Парижъ, 182], стр. 54. (Составлена по просьбѣ русскаго правительства).

Digitized by Google

голода въ Эльзасѣ они скинули 36,000 ливровъ съ цѣны хлѣба [1]. Серфбэръ, изъ Страсбурга, получилъ въ прошломъ столѣтіи отъ короля Франціи граматы, дававшія ему права гражданства, „за услуги, оказанныя имъ арміи и государству и за рвеніе его на общую пользу, вызванное имъ во время свирѣпствовавшаго въ Эльзасѣ въ 1770-мъ и 1771 годахъ голода“ [2]. Епископъ Лафаръ, противникъ эмансипаціи евреевъ, говорилъ въ 1789-мъ году въ національномъ собраніи: „Да будетъ мнѣ дозволено, господа, отдать нѣкоторымъ евреямъ, извѣстнымъ своимъ умомъ и своими добродѣтелями, должную имъ дань справедливости... Эти почтенные евреи оказали важныя услуги родному городу своему Нанси и всей Лотарингіи вообще“ [3].

Само собою разумѣется, что мы выбираемъ эти факты или заявленія изъ тысячи другихъ не для того, чтобы хвастать ими, а лишь для того, чтобъ отвѣчать на упреки. И пусть не говорятъ намъ, что евреи французскіе, англійскіе или нѣмецкіе не похожи на всѣхъ другихъ, что еслибы всѣ евреи были похожи на первыхъ, то все устроилось бы какъ пельзя лучше и эмансипація евреевъ не встрѣтила бы никакихъ затрудненій. Читатель могъ убѣдиться изъ того, что было сказано выше, что евреи въ этихъ странахъ были объектомъ точно такихъ же упрековъ, которые слышатся нынѣ по адресу евреевъ другихъ странъ.—„Полное развитіе евреевъ въ культурномъ отношеніи мыслимо только при безусловной равноправности евреевъ въ данномъ государствѣ и при развитіи среди нихъ чувства чести и самоуваженія, между тѣмъ, какъ доселѣ дѣлали діаметрально-противуположное. Отъ еврея требуютъ, чтобъ онъ былъ добродѣтеленъ, честенъ, благороденъ,—а между тѣмъ за нимъ не признаютъ ни добродѣтельности, ни

[1] Грегуаръ „Motion“ и т. д., стр. 23 и 24.

[2] „Consultation pour les Préteur, Consul et Magistrat de Strasbourg concernant les lettres patentes du mois de mars 1775, dont le sieur Cerf Berr, Juif, demande l'enregistrement“. Страсбургъ, 1786, стр. 50.

[3] „Opinion de M. l'evêque de Nancy sur l'admissibilité des Juifs à la plenitude de l'état civil, 1789, стр. 5.

Digitized by Google

честности, ни благородства, съ нимъ обращаются, какъ съ глубокопадшимъ человѣкомъ“ [1].

Евреи чувствуютъ отвращеніе къ труду—это прирожденный ихъ недостатокъ: евреи—семиты, а всѣ семиты—лѣнивы. И въ то же время со стороны евреевъ опасаются, что они превзойдутъ всѣхъ своихъ конкурентовъ на соціальномъ и экономическомъ поприщѣ! Они,—твердятъ намъ, — не желаютъ, да и не могутъ работать; къ тому же они слишкомъ строго соблюдаютъ субботы и многочисленныя свои религіозныя празднества; они добрую половину года проводятъ въ бездѣліи“ [2]. У евреевъ очень многочисленные и очень продолжительные праздники. Приготовляясь къ празднованію субботы, они теряютъ почти всю пятницу. Годовщина разрушенія Іерусалима, ихъ Пасха и нѣкоторые другіе праздники празднуются особенно долго, такъ что у нихъ пропадаетъ по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ дней въ году. Эти многочисленные и продолжительные праздники, вмѣстѣ со многими, спеціально свойственными имъ предразсудками и съ свойственной болѣе или менѣе всякому человѣку наклонности къ лѣни, если онъ можетъ просуществовать не работая, дѣлаютъ изъ нихъ лѣнтяевъ по природѣ“ [3].

А между тѣмъ не заключается-ли въ дѣйствительности главная вина евреевъ въ томъ, что они слишкомъ трудолюбивы? Въ обращенныхъ къ нимъ упрекахъ не мѣшало бы разобраться. „Упрекъ по поводу слишкомъ строгаго соблюденія субботняго дня какъ-то плохо вяжется съ доводами, приводимыми извѣстной частью христіанъ, будто бы заботящихся объ интересахъ рабочихъ и претендующихъ на то, чтобы защитить ихъ противъ вредной конкурренціи евреевъ, ибо было бы крайне несправедливо требовать отъ евреевъ, чтобъ они не рабо-

---

[1] „Verhandlungen der bayer. Kammer, etc.“, стр. 37, слова докладчика Ланга.

[2] «Les juifs d'Alsace doivent-ils être admis au droit de citoyens actifs?». Парижъ, 1790, стр. 46, 68, 69.

[3] Тамъ же, стр. 117—119.

Digitized by Google

тали, въ интересахъ христіанъ, по два дня въ недѣлю и теряли такимъ образомъ не менѣе семи недѣль въ году, ради выгодъ христіанъ“ [1].

Часто говорятъ также о племенныхъ свойствахъ. Но если есть на свѣтѣ народъ несомнѣнно арійскаго происхожденія, то конечно уже — народъ греческій. А между тѣмъ вотъ что говоритъ о грекахъ одинъ писатель, относящійся къ нимъ съ симпатіей и долго жившій среди нихъ: [2] — „Грекъ вообще чувствуетъ мало наклонности къ земледѣлію. Его влечетъ къ себѣ городская жизнь, его идеалъ—начать торговлю и наживать деньги безъ особаго труда. Его меркантильные инстинкты плохо вяжутся съ тяжелымъ, преисполненнымъ риска и случайностей трудомъ земледѣльца. Греческій полелянинъ не вслѣдствіе малаго развитія отказывается обработывать почву, чтобъ извлекать изъ нея по возможности болѣе плодовъ, а исключительно изъ лѣности [3]. Греки, подъ предлогомъ религіозныхъ праздниковъ, не работаютъ дня по три въ недѣлю [4]. Еслибы греки относились съ меньшимъ презрѣніемъ къ земледѣлію... [5]. Если вспомнить, сколько невоздѣланной земли остается въ греческомъ королевствѣ, то нельзи удержаться отъ чувства досады при видѣ столькихъ естественныхъ богатствъ, пропадающихъ втукѣ вслѣдствіе лѣни обывателей“ [6].

Авторъ указываетъ еще и на другіе недостатки среди грековъ, изъ тѣхъ, что обыкновенно принято приписывать евреямъ. „Трезвость (еслы только это недостатокъ) не столько свойственна племени, сколько является результатомъ климатическихъ условій“ [7].—„При сужденіяхъ о характерѣ греческаго народа вообще неслѣдуетъ упускать изъ виду внѣшнихъ, постороннихъ вліяній. Какъ бы они ни казались лукавыми, эгоистичными, лживыми, алчными, — не слѣдуетъ забывать того, что

---

[1] Эршъ и Груберъ, статья «Judenemancipation», стр. 297—298.
[2] Г. Белль, «Trois années en Grèce», Парижъ, 1881.
[3] Тамъ же, стр. 83.
[4] Тамъ же, стр. 134.
[5] Тамъ же, стр. 136.
[6] Тамъ же, стр. 140.
[7] Г. Белль, „Три года въ Греціи“, Парижъ, 1881, стр. 149.

Digitized by Google

эти свойства характера у нихъ не прирожденныя, а привитыя высшими классами общества“ [1]. Мы этой цитатой отнюдь не думаемъ бросить упрекъ всему греческому народу, а желали только указать на то, что племенное, расовое происхожденіе не играетъ рѣшительно никакой роли въ подобнаго рода вопросахъ, что здѣсь преобладающее вліяніе имѣютъ причины историческія. Не въ первый разъ судьба евреевъ приравнивается къ судьбѣ грековъ, и вообще къ судьбѣ всѣхъ угнетенныхъ племенъ [2]. Имъ всѣмъ дѣлаютъ, основательно или нѣтъ, почти одни и тѣ же упреки и угнетенные всегда бываютъ неправы.

Евреи — низкопоклонны, угодливы, трусливы; это постоянно повторяется на всѣ лады, сдѣлалось какъ бы общимъ мѣстомъ. „Они ужасно впечатлительны“,—восклицаетъ другой,—и кричатъ, какъ только имъ наступишь на мозоль“ [3]. Они—непомѣрно горды. „Еврейскій народъ считаетъ себя первымъ въ мірѣ, народомъ избраннымъ, привиллегированнымъ“ [4]. „Эта гордость ихъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ особомъ положеніи, которое они занимали такъ долго... Они стали преувеличивать свое значеніе, убѣдившись на опытѣ, что ихъ не оцѣнивали достодолжнымъ образомъ“ [5], или, вѣрнѣе, потому что на нихъ постоянно нападали и клеветали. Это невольно привело ихъ къ самовосхваленію; послѣднее явилось совершенно логическимъ послѣдствіемъ ихъ положенія, и, въ силу естественныхъ законовъ логики, дошло у нихъ до крайностей. Но между тѣмъ евреи никогда не говорили сами про себя всего того хорошаго, что говорили о нихъ христіане, они никогда не восхваляли себя такъ, какъ восхвалялъ ихъ, напримѣръ, въ 1833-мъ году въ англійскомъ парламентѣ архіепископъ Кен-

---

[1] Тамъ же, стр. 194. Ср. также въ „Conversations-Lexicon'ѣ“ Мейера, подъ рубрикой «Russisches Reich» (3-е изд., т. XIII, стр. 899), рѣзкій отзывъ о русскихъ.

[2] Напр., къ судьбѣ ирландскихъ католиковъ. Ср. „Debatten des rheinischen Landtages“, стр. 21, слова докладчика.

[3] «Die Judenfrage», 1880, стр. 27.

[4] Бруно Бауэръ «Die Judenfrage», 1843, стр. 39.

[5] Эвальдъ «Ideen», стр. 161.

Digitized by Google

терберійской, являвшійся однако противникомъ полной ихъ эмансипаціи[1], или аббатъ Лакордэръ въ 1847-мъ году въ своихъ проповѣдяхъ въ соборѣ Парижской Богоматери[2]. Да, наконецъ, кто же на свѣтѣ не восхвалялъ самъ себя въ болѣе или менѣе преувеличенномъ видѣ? Какой народъ, какое племя не считаютъ себя первыми въ мірѣ? Развѣ нѣмцы мало смѣялись надъ французами, считающими себя „великой націей“[3], и развѣ они сами не смотрятъ на себя, какъ на избранную націю, на которой лежитъ какое-то высшее предопредѣленіе? Этому самообману, котораго не чужда ни одна нація и который никого не можетъ ввести въ заблужденіе, не слѣдуетъ придавать болѣе важнаго значенія чѣмъ то, какой онъ въ дѣйствительности имѣетъ; можетъ быть, подобный самообманъ въ извѣстной мѣрѣ даже и нуженъ для человѣчества, такъ какъ онъ возвышаетъ духъ человѣка и придаетъ ему бодрости. Шовинизмъ — это вовсе не такой порокъ, который былъ бы свойственъ евреямъ; не они придумали это слово и соединенное съ нимъ понятіе; понятіе это свойственно всѣмъ временамъ и людямъ и въ извѣстной мѣрѣ — это чувство благородное само по себѣ, толкающее на хорошіе поступки. Человѣкъ, имѣющій высокое понятіе самъ о себѣ, сдѣлаетъ все зависящее отъ него для того, чтобъ внушить такое же понятіе о себѣ и другимъ и чтобы заслужить его.

Толкуютъ о томъ, что евреи не честно поступаютъ съ христіанами. Но при этомъ забываютъ, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ христіане поступали съ евреями, съ какою ненавистью къ послѣднимъ относились христіане вообще и христіане-должники — въ частности. По большей части за показаніями христіанъ противъ евреевъ признавалась законная сила лишь въ томъ случаѣ, если они подтверждались показаніями евреевъ. Въ извѣстной граматѣ о привиллегіяхъ, изданной въ пользу

---

[1] „Verhandlungen des englischen Parlamentes im Jahre 1833 über die Emancipation der Juden“, Альтона, 1833, стр. 49.

[2] „Univers Israelite“, 1847, стр. 6.

[3] Даже «Conversations-Lexicon» Мейера еще возмущается этимъ. (Ср. „Frankreich“, VIII т. 1876 г., стр. 17.

Digitized by Google

евреевъ въ Австріи въ 1844-мъ году и послужившей образцомъ для многихъ другихъ германскихъ областей, сказано (въ 1-мъ же пунктѣ), что „во всякомъ дѣлѣ, касающемся движимой или недвижимой собственности или же заключающемъ въ себѣ уголовное преступленіе противъ личности или собственности еврея, показанія христіанина-свидѣтеля недостаточно, а требуется показаніе и христіанина, и еврея [1]. То же самое мы встрѣчаемъ и въ Испаніи [2]. Въ недавнемъ Тисса-Эсларскомъ процессѣ, свидѣтельница Черешъ, прежде ничего не знавшая о случившемся и не бывшая въ состояніи чего либо показать по дѣлу, вдругъ припомнила, что она видѣла нѣчто такое, что заставило ее повѣрить въ виновность евреевъ, и когда судъ сталъ ее разспрашивать объ этомъ странномъ пробужденіи ея памяти, она отвѣтила: „Въ Тисса-Эсларѣ говорили, что христіане проиграютъ этотъ процессъ, а евреи его выиграютъ; это возбудило во мнѣ желаніе спасти мою душу изъ ада и я поспѣшила къ слѣдователю, чтобъ изложить ему мое показаніе“ [3]. Не лишне также вспомнить то, что мы сказали выше по этому вопросу и относительно сознанія нравственныхъ обязательствъ къ евреямъ у низшихъ классовъ народа.

„Безъ сомнѣнія, господа“, — говорилъ депутатъ Зейффартъ въ 1880 году въ германскомъ рейхстагѣ, — „ростовщичество — дѣло постыдное. Но развѣ имъ занимаются одни евреи? Развѣ нѣтъ и ростовщиковъ-христіанъ?“ [4].

И когда христіане всецѣло отдались духу спекуляцій, одно время охватившему было всю Германію и причинившему ей столько зла, „кто, какъ не еврей, Ласкеръ, первый постарался сорвать здѣсь же (въ рейхс-

---

[1] Штоббе „Die Juden in Deutschland“, Брауншвейгъ, 1866, стр. 297.

[2] Ср., напр., Амадоръ де-лосъ-Pioсъ „Historia de los Judios de Espana“, I, 255, 339, 420, 441. Нужно замѣтить, впрочемъ, что нѣкоторыя теоретическія соображенія или желаніе поддержать торговыя и банковыя операціи евреевъ имѣли нѣкоторое вліяніе на это законодательство. Ср. Штоббе, тамъ же, стр. 148.

[3] „Pesther Lloyd“ отъ 10-го іюля 1883 года.

[4] «Die Judenfrage», 1880, стр. 98.

Digitized by Google

тагѣ) маску съ этой позорной спекуляціи, охватившей самые высшіе слои христіанскаго общества?“ [1].

„Если законъ, воспрещающій евреямъ владѣть земельною собственностью, не будетъ отмѣненъ, то христіане первые же помогутъ обойти его“ [2].

Увѣряютъ, будто евреи ненавидятъ христіанъ. А кто же, какъ не самъ Лютеръ говоритъ: — „Умѣй быть христіаниномъ и знай, что у тебя нѣтъ злѣйшаго врага, какъ еврей, желающій оставаться евреемъ. Я желаю дать добрый совѣтъ: пусть подожгутъ всѣ синагоги, и пусть то, чего не пожретъ огонь, будетъ засыпано землею“ [3]. И затѣмъ сравните эти слова съ слѣдующими словами, обращенными Адольфомъ Кремье къ членамъ „Всеобщаго Еврейскаго Союза“: „Вы — евреи и обязанность ваша — помогать евреямъ. Но еслибы христіане подверглись преслѣдованію, то я первый же сказалъ бы вамъ: „Поспѣшите на помощь христіанамъ“ [4].

Евреи,—говорятъ далѣе,—въ высшей степени солидарны между собою и всегда готовы другъ друга поддерживать. Въ извѣстной мѣрѣ это вѣрно; но, съ другой стороны, мы видимъ и такіе факты: въ первомъ сѣверо-германскомъ парламентѣ депутаты-евреи раздѣлились слѣдующимъ образомъ: д-ръ Реа, изъ Гамбурга, сидѣлъ на лѣвой сторонѣ, Ласкеръ и Рейхенгеймъ—среди національ-либераловъ, а Ротшильдъ—на правой сторонѣ [5].

„И въ вашихъ рядахъ встрѣчаются евреи“,—говорилъ въ 1880 году депутатъ Рикнертъ, обращаясь къ правой сторонѣ германскаго рейхстага, — „и притомъ они не послѣдніе изъ вашихъ бойцовъ. Назову хотя бы Шталя и Лео (не говоря уже о Ротшильдѣ). Господа, что

---

[1] Тамъ же, стр. 97. Нужно прочесть всю эту страницу, гдѣ перечислены всѣ спекулянты-христіане, вызвавшіе финансовый кризисъ.

[2] Штрекфуссъ, стр. 47.

[3] «Ueber die Aufnahme der jüdischen Glaubensgenossen zum Bürgerrecht», Лейпцигъ, 1816, стр. 49.

[4] «Bulletin de l'Alliance Israélite universelle», 1-е полугодіе, 1873, стр. 30.

[5] «Allgem. Zeitung des Judenthums», 1867, стр. 336.

Digitized by Google

бы сталось съ вашей партіей, еслибы не было Шталя? И такъ, господа, евреи составили вамъ программу. Почему же вы относитесь съ такимъ пренебреженіемъ и презрѣніемъ къ такимъ драгоцѣннымъ союзникамъ и согражданамъ?“ [1].

Въ заключеніе этихъ нашихъ соображеній мы не можемъ не привести страницы изъ произведенія одного писателя-швейцарца, вполнѣ подтверждающаго то, что нами сказано выше о нелогичности и несправедливости упрековъ, раздающихся по адресу евреевъ [2]:

„Достаточно, чтобы среди насъ оказалось нѣсколько богатыхъ или зажиточныхъ евреевъ, для того, чтобы тотчасъ же завопили: „всѣ капиталы сосредоточены въ рукахъ евреевъ, еврейскій вопросъ—это вопросъ соціальный. Никто не хочетъ знать, не хочетъ слышать о евреѣ-бѣднякѣ, о евреѣ-нищемъ. Правда и то, что послѣдній обращается за помощью лишь къ своимъ единовѣрцамъ, у которыхъ дѣло общественной благотворительности организовано гораздо лучше, чѣмъ у христіанъ, хотя послѣдніе и не перестаютъ кичиться своимъ милосердіемъ и своею любовью къ ближнему.

„Еврей довольствуется немногимъ, плохо одѣвается; ему для дневного пропитанія достаточно куска хлѣба и стакана воды. Тотчасъ же на него указываютъ пальцемъ, какъ на скупца, одѣвающагося въ лохмотья и питающагося чѣмъ Богъ послалъ; ибо само собою разумѣется, что, такъ какъ онъ еврей, у него должно быть много денегъ, много накопленныхъ сокровищъ, и онъ только изъ скупости плохо одѣвается и плохо питается.

„Но вотъ еврею вздумалось одѣться понаряднѣе, выйти или выѣхать на прогулку, принарядить жену и дѣтей своихъ и отправить и ихъ на прогулку. И сейчасъ же его начинаютъ упрекать въ желаніи выставляться, лѣзть впередъ, кичиться своимъ достаткомъ, показать всѣмъ, что у него-молъ толстая мошна.

---

[1] «Die Judenfrage», 1880, стр. 164.

[2] Рейхенбахъ, «Nach der Hatz», Цюрихъ, 1881, стр. 54—56.

Digitized by Google

„Еврей занимается оптовой торговлей, занимается банкирскими и биржевыми дѣлами. Сейчасъ же слышатся упреки въ томъ, что онъ ни къ какому другому занятію и неспособенъ, что онъ родился ростовщикомъ, что онъ только и умѣетъ, что ходить вокругъ да около денегъ. Словомъ, что бы онъ ни дѣлалъ, чѣмъ бы онъ ни занимался—всегда и во всемъ онъ виноватъ.

„Онъ начинаетъ учиться, предается научнымъ занятіямъ! Сейчасъ же раздаются вопли, что онъ желаетъ овладѣть всѣми прибыльными мѣстами и должностями, что онъ протирается всюду. Онъ занимается юридическими или медицинскими науками: ну, понятно, и тѣ, и другія являются въ его глазахъ предметомъ наживы, спекуляціей. Одинъ извѣстный нѣмецкій юристъ, претендующій на репутацію добраго христіанина, не постыдился даже предложить въ одной газетѣ, чтобы въ судебномъ вѣдомствѣ поступали съ евреями точно такъ же, какъ въ военномъ [1], т. е. чтобы всей судейской корпораціи, въ каждомъ единичномъ случаѣ, предоставлялось рѣшать, слѣдуетъ ли допускать аспиранта-еврея въ эту корпорацію, или нѣтъ. Если еврей займется журналистикой — тотчасъ же говорятъ, что еврей прибираетъ къ рукамъ всю печать, вмѣшивается въ дѣла, которыя его не касаются, растлѣваетъ журналистику, отравляетъ общественное мнѣніе, унижаетъ все идеальное, и т. д.

„Еврей дѣлается артистомъ. Само собою разумѣется, что искусство тотчасъ же падаетъ и вырождается.

„Еврей основываетъ фабрики и начинаетъ заниматься промышленностью. Понятно, онъ немедленно превращается въ эксплуататора, въ піявицу рабочихъ: вѣдь еврейскій вопросъ—вопросъ соціальный. Понятно также, что еврейскіе фабрикаты никуда не годятся:

„Онъ дѣлается ремесленникомъ! Но что̀ можетъ еврей смыслить въ

---

[1] Германское офицерство всячески старается затруднить евреямъ доступъ къ высшимъ офицерскимъ чинамъ.

Digitized by Google

ручномъ трудѣ? Онъ только испортитъ все, за что ни возьмется! Вѣдь онъ ничего не можетъ сдѣлать съ толкомъ, добросовѣстно!

„Еврей скроменъ и сдержанъ: надъ нимъ смѣются и называютъ его трусомъ. Еврей начинаетъ предъявлять свои права, — его называютъ нахаломъ. Евреи стараго закала предпочитали молчать и спокойно переносить насмѣшки; но молодое поколѣніе евреевъ сознаетъ, что ему должны принадлежать тѣ же права, какъ и другимъ гражданамъ, и оно желаетъ пользоваться ими. Но если при этомъ ему и случится отстаивать ихъ съ большею настойчивостью, чѣмъ то желательно его противникамъ или чѣмъ того требовали бы обстоятельства, то не слѣдуетъ забывать, сколько времени оно вынуждено было хранить молчаніе. Впрочемъ, только невѣжи бываютъ нахальны; благовоспитанный человѣкъ, будетъ-ли то еврей или христіанинъ, всегда съумѣетъ соблюсти приличія.

„Но странно то, что у многихъ христіанъ — совершенно особый взглядъ на все, что бы ни сдѣлалъ еврей. Городъ, въ которомъ евреи составляютъ десятую часть населенія, считается городомъ, кишащимъ евреями; христіанинъ, которому прійдется встрѣтить во время прогулки своей шесть еврейскихъ семействъ, будетъ увѣрять, что ему попадаются на встрѣчу одни только евреи. Онъ и знать не хочетъ того, что евреи составляютъ меньшинство: ненависть ослѣпляетъ его и онъ видитъ однихъ только евреевъ. Чтобы ни сдѣлалъ христіанинъ, хотя бы онъ валялся мертвецки-пьянымъ посреди улицы, — онъ на него смотритъ сквозь пальцы. Но за то всякій шагъ еврея замѣчается, преувеличивается, подаетъ поводъ къ воплямъ и нареканіямъ. И было бы совершенно напраснымъ трудомъ искать далеко причинъ ненависти христіанина къ еврею: единственная причина та, что послѣдній—еврей. Всякаго другого, подверженнаго тѣмъ же слабостямъ и порокамъ, какъ еврей, быть можетъ, порицали бы, но его бы не ненавидѣли. Словомъ, что бы ни сдѣлалъ или ни сказалъ еврей, — ему никогда не добиться одобренія со стороны предубѣжденнаго христіанина, хотя бы тотъ былъ профессоромъ. Онъ не можетъ выносить еврея — и баста!

Digitized by Google

„Словомъ, евреи во всемъ виноваты, они — источникъ всего зла, существующаго нынѣ въ Германіи!“ [1].

Наконецъ, еще одинъ, послѣдній упрекъ: о евреяхъ говорятъ, что они трусливы на войнѣ и что, еслибы ихъ допускать въ ряды арміи, этимъ возмутились бы солдаты-христіане [2].

Опять-таки увѣреніе, находящееся въ прямомъ противорѣчіи съ фактами. Въ сущности, даже и не было бы ничего удивительнаго въ томъ, еслибы евреи, послѣ страшныхъ преслѣдованій, жертвою которыхъ они были въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, дѣйствительно сдѣлались трусливыми; по крайней мѣрѣ подобное явленіе замѣчалось всюду среди угнетаемыхъ націй. Въ окрестностяхъ Багдада и въ настоящее время существуютъ еще деревни, все населеніе которыхъ—одинаковаго происхожденія, т. е. сирійцы; но одни изъ нихъ—мусульмане и имъ принадлежитъ власть, другіе — христіане и угнетенные.

„Если на свѣтѣ можетъ быть что либо менѣе похожее другъ на друга“,—говоритъ Ренанъ,—„то это сиріецъ-христіанинъ и сиріецъ-мусульманинъ: первый—самое робкое и забитое существо въ мірѣ; второй, привыкшій носить оружіе,—смѣлъ и гордъ“ [3]. По поводу происходившихъ въ Бейрутѣ, въ концѣ 1882 года, смутъ кто-то писалъ Ренану: „Еслибы здѣсь случился ребенокъ-мусульманинъ, которому бы дали въ руку саблю, то онъ могъ бы убить тысячу христіанъ“ [4]. Эта робость, которую не разъ проявляли за послѣднее время евреи, въ сущности какъ нельзя болѣе понятна. Многіе во Франціи удивлялись тому, что русскіе евреи позволяли неистовствовать надъ собою во время пресловутыхъ погромовъ, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія, и у

---

[1] Рейхенбахъ, «Nach der Hatz», Цюрихъ, 1881, стр. 33.

[2] Ср. напр. «Мнѣніе епископа Нансійскаго о допустимости евреевъ», Парижъ, 1789, стр. 3. Саломонъ, «Briefe an Herrn Anton Theodor Hartmann», Альтона, 1835, стр. 46. «Notice sur l'état des Israélites en France», Парижъ, 1821, стр. 81: «Евреи не могутъ быть солдатами, потому что ни одинъ солдатъ, изъ чувства чести, не захочетъ служить съ ними». — Срав. «Können die Juden... in ihrer jetzigen Verfassung bleiben». Берлинъ, 1803, стр. 61.

[3] Ренанъ, «Le judaïsme, comme race et comme religion», стр. 27.

[4] Тамъ же, та же стр.

Digitized by Google

насъ ихъ даже упрекали за это. Но при этомъ забываютъ, что эти факты—результаты вѣковаго, тяготѣвшаго надъ евреями гнета, а отнюдь не племенная особенность [1]. Еврей нѣкоторыхъ восточныхъ странъ не только привыкъ, въ теченіи вѣковъ, къ насиліямъ и побоямъ, но кромѣ того онъ находится еще подъ гнетомъ убѣжденія, что въ концѣ концовъ онъ будетъ подавленъ числомъ, что сопротивленіемъ своимъ доведетъ погромщиковъ до остервенѣнія, и что онъ рискуетъ еще больше ухудшить положеніе единовѣрцевъ своихъ въ другихъ странахъ, менѣе многочисленныхъ и лишенныхъ возможности защищаться. Онъ понимаетъ, что если въ этихъ странахъ смотрятъ, какъ нѣчто вполнѣ естественное, на убіеніе еврея христіаниномъ, то, наоборотъ, убіеніе христіанина евреемъ вызвало бы страшную вспышку народной ярости. Удивительно-ли послѣ того, что, при подобныхъ условіяхъ, рука его останавливается и мужество его парализуется?

Было бы совершенно излишне искать въ библіи доказательствъ мужества евреевъ, приводить здѣсь имена Маккавеевъ или напоминать о знаменитой осадѣ Іерусалима, о возстаніи евреевъ въ Киренаикѣ при Траянѣ (въ 116-мъ году) или въ Палестинѣ при Адріанѣ (въ 132—135 гг.). Даже въ средніе вѣка евреи оставались вѣрны преданіямъ храбрости своихъ предковъ. Мы уже говорили выше о еврейскихъ племенахъ въ Аравіи, имѣвшихъ всюду укрѣпленные замки и хорошо устроенныя оборонительныя линіи (въ VI и VII столѣтіяхъ). Въ XII вѣкѣ Веніаминъ Тудельскій встрѣтилъ воинственныя еврейскія племена въ Θемѣ или Θегамѣ [2] (въ Хорасанской провинціи) и въ Аденѣ [3]. Онъ же разсказываетъ о еврейскихъ племенахъ въ Азербейджанѣ, которыми предводительствовалъ на войнѣ Давидъ Альрой (около 1160 года) [4], и о воинственныхъ же племенахъ, жившихъ въ Низарборскихъ горахъ и повиновавшихся предводителю-еврею, Іосифу Амаркалѣ [5].

---

[1] Тамъ же, стр. 28.

[2] «Voyage de Rabbi Benjamin fils de Tudele», Амстердамъ, 1734, стр. 168.

[3] Тамъ же, стр. 220.

[4] Тамъ же, стр. 179. Гретцъ, VI, 290.

[5] «Voyage» и пр. стр. 191 и слѣд. Гретцъ, IV, 294.

Digitized by Google

И въ нашихъ, европейскихъ странахъ евреи также во всѣ времена являли замѣчательные примѣры мужества. Общеизвѣстенъ фактъ геройской защиты евреями Неаполя противъ Велизарія (въ 536 году), причемъ они значительно превосходили мужествомъ союзниковъ своихъ остъ-готовъ [1]. При вестъ-готскомъ королѣ Эгикѣ евреи охраняли (въ 694-мъ году) Пиренейскіе проходы [2]. Евреи оказали также вооруженную поддержку Хильпериху во время войны его съ королемъ Вамбою [3]; они приняли дѣятельное участіе въ осадѣ Арля (въ 508-мъ году), во время войны Хлодвига съ войсками короля остъ-готскаго Теодориха [4]. Близь Таррагоно, въ Испаніи, существовала крѣпость, называвшаяся „Еврейскій фортъ“ [5]. Когда мавры втерглись въ Испанію, въ рядахъ ихъ было немало евреевъ, которымъ они поручали охрану завоеванныхъ городовъ [6]. Позднѣе, въ эпоху вторженія въ Испанію Аль-Моравида Юсуфа-ибнъ-Чуфина (въ 1086-мъ году), 40,000 евреевъ сражались подъ знаменами Альфонса VI Кастильскаго, въ сраженіи при Залакѣ, и сражались съ такимъ мужествомъ, что трупами ихъ было усѣяно все поле сраженія [7]. При Альфонсѣ VIII Благородномъ, кастильскіе евреи равнымъ образомъ сражались противъ арабовъ (въ 1195-мъ году) [8]. Альфонсъ X (1252—1284) роздалъ евреямъ земли въ награду за мужество, оказанное ими, въ бытность его еще наслѣднымъ принцемъ, во время похода противъ Севильи [9]. Когда королю Петру Жестокому приходилось вести продолжительную борьбу съ Генрихомъ Транстамаромъ, евреи, какъ вѣрные подданные, защищали дѣло законнаго короля своего съ величайшей энергіей въ Толедо, Бровіескѣ и въ другихъ

---

[1] Прокопій, „De bello gothico“, I, 9, стр. 45.
[2] 17-й Толедскій соборъ, гл. VIII.
[3] Амадоръ, I, 97. Ср. Кассель, стр. 63, столб. 2-й.
[4] Кипріанъ, „Vita Caesaris“. Гретцъ, V, 56.
[5] Гретцъ, V, 68.
[6] Гретцъ, V, 170—171.
[7] Амадоръ, I, 185.
[8] Гретцъ, VI, 229.
[9] Гретцъ, VI, 136.

Digitized by Google

мѣстахъ[1]. Наконецъ, послѣ изгнанія евреевъ изъ Испаніи (въ 1492-мъ году), тѣ изъ нихъ, которые нашли себѣ убѣжище въ Турціи, научили турокъ фабрикаціи огнестрѣльнаго оружія и пороха[2]. Вормсскіе евреи въ XI столѣтіи взялись за оружіе, вмѣстѣ съ своими согражданами-христіанами, для защиты императора Генриха IV противъ притязаній папы[3]. Извѣстно также геройское сопротивленіе евреевъ нѣмецкимъ войскамъ въ Офенѣ, въ 1686-мъ году, причемъ они сражались еще съ бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ турки[4].

А новѣйшіе евреи? Чего только ни наговорили о трусости ихъ, о невозможности не только сдѣлать изъ нихъ хорошихъ солдатъ, но даже включить ихъ въ ряды арміи, въ виду сопротивленія, которое встрѣтило бы это включеніе со стороны солдатъ-христіанъ! Да и несомнѣнно то, что послѣ многихъ вѣковъ притѣсненій трудно было бы и ожидать съ ихъ стороны особыхъ мужества и храбрости. И тѣмъ не менѣе невозможное сдѣлалось дѣйствительностью, немыслимое—осуществилось. Какъ оно ни странно съ перваго взгляда, но всѣ свидѣтельства по этому предмету совершенно тожественны и несомнѣнны. Уже на другой, такъ сказать, день послѣ эмансипаціи евреевъ раздаются похвалы ихъ воинскому духу. Въ Парижѣ и въ Бордо они спѣшили поступать въ ряды національной гвардіи и многіе изъ нихъ не замедлили получить чинъ капитана ея[5].—„Значительное число ихъ“ (французскихъ евреевъ) служили съ честью во французскихъ арміяхъ; многіе

---

[1] Гретцъ, VII, 423; Амадоръ, II, 224 и 225.

[2] Гретцъ, IX, 32.

[3] Тамъ же, VI, 88.

[4] Шудтъ, „Jüdische Denkwürdigkeiten“, кн. IV, гл. 5, стр. 117. Не мѣшаетъ также вспомнить евреевъ-военачальниковъ при Птолемеяхъ, въ Александріи; сопротивленіе евреевъ Ираклію, въ Іерусалимѣ, и Юліану, въ Азіи; равнымъ образомъ еврейскихъ солдатъ въ англійской арміи въ Бомбеѣ. Вертгеймеръ, „Die Juden in Oestreich“, II, 80. „Israel. Annalen“, 1841, № 9. Напомнимъ также защиту евреями Праги противъ шведовъ, въ 1648 г. Гретцъ, X, 50.

[5] Грегуаръ, „Motion и пр.“, 1789, стр. 34. Авторъ свидѣтельствуетъ также, что евреи отличились при осадѣ Портъ-Магона; тамъ же, стр. 35.

Digitized by Google

изъ нихъ отличились своею храбростью и своими военными дарованіями, и оказались достойными производства въ чины пѣхотныхъ, кавалерійскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ“ [1]. При одномъ Ватерлоо, какъ говорятъ, пало на полѣ сраженія не менѣе 52 французскихъ офицеровъ изъ евреевъ [2].—„Во французской арміи“,—говорилъ Огюстенъ Перье въ палатѣ депутатовъ въ 1830-мъ году, — „не мало превосходныхъ офицеровъ изъ евреевъ“ [3]. Адмиралъ Вергуэль, хотя и былъ противникомъ эмансипаціи евреевъ, сознался въ томъ, что „въ рядахъ арміи оказалось нѣсколько храбрецовъ, принадлежавшихъ къ этой народности“ [4]. Наконецъ министръ Мерильу говорилъ: „Подъ знаменами нашихъ безсмертныхъ дружинъ... они, въ теченіе четверти столѣтія, успѣли какъ нельзя лучше опровергнуть клеветы своихъ притѣснителей“ [5]. Генералъ Шассе съ величайшею похвалою отзывается [6] о голландскихъ солдатахъ-евреяхъ, состоявшихъ въ 1830-мъ году подъ его начальствомъ въ Антверпенской цитадели. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ патріотическимъ рвеніемъ нѣмецкіе евреи поступали добровольцами въ армію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время войнъ съ Наполеономъ I. Всѣ писатели той эпохи отдали имъ въ томъ справедливость; а канцлеръ князь Гарденбергъ писалъ по этому поводу 4-го января 1815-го года графу Гроте, въ Гамбургъ:— „Исторія послѣдней нашей войны съ Франціей доказываетъ, что, благодаря выказанной ими (евреями) вѣрности и привязанности, они оказались достойными пріютившаго ихъ у себя государства. Молодые люди изъ евреевъ ни въ чемъ не уступали своимъ товарищамъ-христіанамъ, и мы могли бы привести примѣры истиннаго героизма, оказаннаго ими, и въ высшей сте-

---

[1] „Notice sur l'état des israelites en France“, стр. 82.

[2] Эвальдъ, „Der Geist des Christenthums“, Карльсруэ, 1817, стр. 88.

[3] Гальфенъ, стр. 396.

[4] Гальфенъ, стр. 447.

[5] Тамъ же, стр. 429.

[6] Пиннеръ, „Offenes Sendschreiben“, стр. 36. Ср. также «Прошеніе французскихъ евреевъ Національному Собранію отъ 28-го января 1790 г.», стр. 66.

Digitized by Google

пени похвальнаго презрѣнія къ опасностямъ войны“ [1]. Высчитали, что въ эту эпоху въ Германіи приходилось по одному волонтеру-еврею на 18 взрослыхъ, способныхъ носить оружіе евреевъ. Первымъ солдатомъ, получившимъ только что учрежденный королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III Желѣзный Крестъ, былъ еврей, по фамиліи Гюнцбургъ; многіе другіе евреи получили знаки отличія и произведены въ офицерскіе чины, между прочимъ будущій капитанъ артиллеріи и офицеръ генеральнаго штаба Бургъ, получившій затѣмъ мѣсто профессора въ берлинской артиллерійской школѣ [2]. Въ приложеніяхъ къ запискѣ о евреяхъ, представленной въ 1847-мъ году прусскимъ правительствомъ Германскому Союзному Сейму, между прочимъ говорилось: [3] „Обратило на себя вниманіе хорошее ихъ (евреевъ) поведеніе въ 2-мъ и 3-мъ армейскихъ корпусахъ; было замѣчено также, что многіе изъ нихъ особенно отличились своимъ рвеніемъ къ службѣ. Въ 7-мъ корпусѣ имъ отдана была справедливость въ томъ, что они выказали немало мужества передъ непріятельскимъ строемъ, а командиръ 1-го корпуса похвалилъ ихъ въ приказѣ за выказанную ими во время войны храбрость. Во 2-мъ корпусѣ было также замѣчено, что нерѣдко можно встрѣтить рекрутъ-евреевъ болѣе образованныхъ, чѣмъ ихъ товарищи-христіане. Наконецъ, командиръ 8-го корпуса объявилъ, что способность евреевъ къ военной службѣ не можетъ подлежать сомнѣнію“. Записка заканчивалась слѣдующими словами: „Принимая въ соображеніе, что евреи были призваны къ военной службѣ, наравнѣ съ христіанами, королевскимъ повелѣніемъ отъ 9-го февраля 1813 и законамъ 3-го сентября 1814-го года; что они, въ минуты опасности, постоянно оказывали не менѣе мужества, чѣмъ христіане и, наравнѣ съ послѣдними, принимали участіе въ защитѣ отечества; что они стяжали себѣ право на благодарность поведеніемъ своимъ во время борьбы за

---

[1] Гейтель, «Gesuch der Bekenner des jüd. Glaubens», Брауншвейгъ, 1831, стр. 71.

[2] «Vollständige Verhandl.», стр. 457—458.

[3] «Allg. Zeit. des Jud.», 1847, стр. 355.

Digitized by Google

независимость, и что въ мирныя времена они всегда выказывали себя сторонниками спокойствія и порядка... [1] и т. д.

И послѣ войны 1870-го года одинъ нѣмецкій депутатъ, Трегеръ, говорилъ въ рейхстагѣ по поводу евреевъ: — „Здѣсь говорили о евреяхъ, сражавшихся такъ мужественно въ прусскихъ рядахъ во время войны за освобожденіе 1813—14 годовъ. Но я позволю себѣ спросить, господа, не найдется-ли и еще болѣе свѣжихъ воспоминаній? Развѣ въ раздававшихся за отличіе желѣзныхъ крестахъ и другихъ знакахъ отличія послѣ этой великой войны дѣлалось спеціальное упоминаніе: „Для христіанъ“ или „Для евреевъ“, и развѣ намъ неизвѣстно, что подъ каждымъ такимъ знакомъ отличія бьется мужественное сердце, готовое пролить свою кровь за отечество? Каково самое священное право, которое вы бы могли предоставить человѣку, каковъ самый несомнѣнный знакъ уваженія вашего къ нему? Не то ли, что вы сочтете его достойнымъ отдать свою жизнь за идею? Тому, кому вы позволяете умирать за отечество, вы тѣмъ самимъ предоставили почетное право, затемняющее своимъ блескомъ всякое другое право. Евреи оказали великія услуги какъ шпагой своей, такъ и своими денежными жертвами“ [2].

Нужны-ли еще доказательства способности евреевъ къ военной службѣ и оказанныхъ ими въ разное время и въ разныхъ странахъ военныхъ отличій? Мы собрали списокъ всѣхъ офицеровъ-евреевъ, числившихся во французской арміи въ 1882-мъ году [3]. Если вспомнить, что евреи составляютъ едва $^1/_{400}$-ю долю всего населенія Франціи (около 90000 евреевъ, считая и Эльзасскихъ на 36 милліоновъ), то нельзя будетъ не подивиться доставляемому ими арміи контингенту. Во фран-

[1] Тамъ же, та же стр.

[2] «Die Judenfrage» (1880), стр. 64.

[3] «Annuaire des l'armée française» за 1883 г. Въ этомъ сборникѣ не содержится никакихъ указаній относительно вѣроисповѣданія, но евреевъ легко отличить по ихъ фамиліямъ, и поэтому мы можемъ считать наши данныя если не безусловно, то приблизительно вѣрными, тѣмъ болѣе, что мы не останавливались на фамиліяхъ, казавшихся намъ сомнительными.

Digitized by Google

цузской арміи состоятъ два дивизіонныхъ генерала изъ евреевъ (Сэ и Ламберъ; послѣдній дослужился до этого высокаго чина изъ рядовыхъ), три бригадныхъ генерала (Б. Абрагамъ, Ж. Бриссакъ и Э. А. Леви), пять полковниковъ, 9 подполковниковъ, 21 маіоръ (12 пѣхотныхъ, 5 кавалерійскихъ и 4 артиллерійскихъ), 90 капитановъ различнаго рода оружія, 89 поручиковъ и 104 подпоручика [1]. Словомъ, по отношенію ко всѣмъ чинамъ число евреевъ относительно весьма значительно по сравненію съ общей численностью еврейскаго населенія. Въ виду краснорѣчія цифръ, всякіе комментаріи становятся и злишними.

VI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Роль евреевъ среди современныхъ народовъ; оказанныя ими услуги.

Мы останавливаемся здѣсь въ нашемъ изложеніи, которое можно было бы продлить до безконечности. Намъ кажется, что изо всего вышесказаннаго вытекаетъ съ достаточною ясностью, что исключительные законы по отношенію въ евреямъ ни къ чему не ведутъ и могутъ только вредно отзываться на всемъ обществѣ, а что, напротивъ, полная эмансипація евреевъ является благодѣяніемъ не столько для нихъ, сколько для всего государства. Мы уже видѣли, какія услуги средневѣковые евреи оказали Европѣ, знакомя ее съ торговлей и съ искусствомъ употреблять капиталы, скопленные трудомъ. Теперь они могутъ продолжать играть эту полезную роль въ странахъ, находящихся еще на сравнительно низкой степени культуры, къ немалой пользѣ всѣхъ классовъ общества, и въ особенности крестьянскаго. „Развѣ еврей, покупающій у русскаго земледѣльца сырье для вывоза его заграницу, откуда онъ, въ свою очередь, привозитъ желѣзныя издѣлія,

[1] Всѣхъ чиновъ считается, если мы не ошибаемся, 100 дивизіонныхъ генераловъ, 200 бригадныхъ, и затѣмъ, въ пѣхотѣ: 167 полковниковъ, 183 подполковника, 966 маіоровъ, 4262 капитана, 3428 поручиковъ и 2587 подпоручиковъ.

Digitized by Google

машины, химическіе продукты или другіе предметы, не достоинъ такого же уваженія, какъ и всякій другой гражданинъ?-Развѣ земледѣльцу можно самому заниматься вывозной и ввозной торговлей и банкирскими дѣлами,— ибо подобнаго рода сдѣлки немыслимы безъ содѣйствія банкировъ? Благодаря преимущественно конкурренціи между посредниками—покупателями-евреями, крупные и мелкіе земледѣльцы могутъ продавать свои произведенія по сравнительно-выгоднымъ цѣнамъ“ [1]. „Когда евреи получатъ возможность селиться всюду, гдѣ существуетъ потребность въ конкурренціи, это послужитъ на пользу всему русскому обществу, и продукты земледѣлія, предназначенные для вывоза, пріобрѣтутъ гораздо большую цѣнность въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, между тѣмъ какъ цѣна возимыхъ продуктовъ значительно понизится. Дайте крестьянину-земледѣльцу возможность прожить безбѣдно отъ одной жатвы до другой, — и вы увидите, что этотъ самый крестьянинъ, вмѣсто того, чтобы предаваться лѣни и пьянству, весь посвятитъ себя воздѣлыванію земли, которая станетъ родить гораздо больше того, что она родитъ нынче“ [2].

Достойно также замѣчанія содѣйствіе, оказываемое евреями промышленности, и то развитіе, котораго, благодаря имъ, достигаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ послѣдняя. Для тѣхъ, кто усомнился бы въ приносимой ими на этомъ поприщѣ пользѣ, достаточно будетъ немногихъ примѣровъ, выхваченныхъ болѣе или менѣе на-угадъ изъ разныхъ эпохъ.

Въ „Замѣткѣ на вопросы по поводу евреевъ“, появившейся въ 1821-мъ году, перечисляются изъ выдающихся евреевъ: Ольри-Гайемъ Вормсъ, бывшій помощникъ мэра одного изъ парижскихъ округовъ,

---

[1] „Economiste Français“, отъ 4-го іюня 1881 г.

[2] Тамъ же.—Въ числѣ лицъ, получившихъ 11 и 13 іюля 1883 г. орденъ Почетнаго Легіона, мы встрѣчаемъ имена Дрейфюсса, изъ Марсели, крупнаго хлѣбнаго торговца (вѣроятно, съ Россіей), и Бенъ-Симона, изъ Марсели же, крупнаго экспортёра. Общее число награжденныхъ этой категоріи—всего 35. („Journal Officiel“ отъ 11-го и 13-го іюля 1883 г.) Изъ четырехъ французскихъ коммисаровъ на Амстердамской выставкѣ 1883-го года двое были евреи.

Digitized by Google

владѣлецъ бумагопрядильни въ Рамильи; Барухъ Вейль, фарфоровый заводчикъ въ Парижѣ; Фуртадо-младшій, судостроитель въ Байоннѣ; Моисей Май, изъ Нюшато, удостоенный въ 1807-мъ году медали отъ Парижскаго земледѣльческаго общестиа [1]. Первая карандашная фабрика въ Англіи была основана однимъ ливерпульскимъ евреемъ [2]. Въ 1805-мъ году Рореръ, въ своемъ трудѣ о еврейскомъ населеніи австрійской имперіи [3], довольно подробно останавливается на пользѣ, приносимой евреями въ Галиціи, или, вѣрнѣе, о необходимости ихъ для этой провинціи. „Они являются здѣсь", — говоритъ онъ, — „кузнецами, телѣжниками, портными, башмачниками". Въ Прагѣ уже ранѣе 1842-го года встрѣчались евреи-камнетесы и плотники, и много евреевъ работало при постройкѣ Бераунскаго моста [4]. Въ Венгріи и въ Галиціи, около той же эпохи, евреи довели производительность мѣстныхъ мануфактуръ до многихъ милліоновъ и вели обширную торговлю шерстью [5]. Съ 1782-го года имъ разрѣшено было основывать въ этихъ странахъ фабрики для выдѣлки шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ издѣлій и кожъ. Единственная шоколадная фабрика, существовавшая въ Австріи въ 1842-мъ году, одинъ изъ самыхъ крупныхъ сахарныхъ заводовъ, первая паровая, учрежденная на акціяхъ мельница, основаны были евреями [6]. Крупныя фабричныя заведенія, принадлежащія въ Богеміи евреямъ — Поргесамъ, Эпштейнамъ, Іерусалемамъ,—пользуются всеобщею извѣстностью. Въ этой странѣ встрѣчались также основанныя евреями хлопчато-бумажныя фабрики, кожевенные и рафинадные заводы и маслобойни въ такую эпоху, когда фабричная промышленность была еще очень мало развита [7]. Смолокуренный заводъ былъ основанъ въ 1787-мъ году однимъ евреемъ въ Тріе-

[1] „Замѣтка", стр. 89—91.
[2] Вертгеймеръ, „Die Juden in Oestreich", Лейпцигъ, 1842, II, стр. 26.
[3] „Versuch über die jüdischen Bewohner der östreichischen Monarchie".
[4] Вертгеймеръ, II, 27.
[5] Тамъ же, II, 55.
[6] Тамъ же, стр. 60.
[7] Тамъ же, стр. 61.

Digitized by Google

стѣ; тамъ же, въ 1808-мъ году, другимъ евреемъ, Ансельмомъ Финци, былъ основанъ мыловаренный заводъ, которому впослѣдствіи присвоено было названіе „національнаго“ [1]. Вообще въ „Ежегодникахъ“ Вертгеймера можно найти очень много другихъ, крайне интересныхъ данныхъ относительно промышленной дѣятельности евреевъ въ Австро-Венгріи [2]. Но и предъидущихъ примѣровъ достаточно и было бы излишне удлинять этотъ списокъ. Богемскіе евреи,—говорилъ одинъ защитникъ евреевъ еще въ 1831-мъ году, — пользуются извѣстностью благодаря своимъ бумаго-льно-прядильнямъ; въ Прагѣ у братьевъ Коппельнъ и Бэръ-Поргеса работаютъ не менѣе 300 человѣкъ, у Призрама и сына и Іерусалема—тоже 300 человѣкъ, у братьевъ Эпштейновъ и Дурацина—400 человѣкъ, у Филиппа, въ его Карльскронской парусинной мануфактурѣ—600 человѣкъ, и. т. д. [3]. Въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ у еврея Эйхталя работаютъ отъ 300 до 400 человѣкъ на его оружейномъ и машинномъ заводѣ [4]. Въ Пруссіи среди евреевъ немало шелковыхъ фабрикантовъ (напр., Лезеръ и К^{0}, въ Эльберфельдѣ), бумажно-ткацкихъ, сахарныхъ и кожевенныхъ заводчиковъ, и т. д. [5].

Подобнаго же рода подробности можно найти въ „Ежегодникѣ“ Вертгеймера за 1863—1864 гг. относительно австро-венгерскихъ евреевъ, получившихъ награды за Лондонскую выставку 1862-го г. [6]. Намъ не удалось добыть точныхъ свѣдѣній относительно промышленной и торговой дѣятельности евреевъ въ Германіи за послѣднее время; но не подлежитъ сомнѣнію, что она весьма значительна и плодотворна.

---

[1] Тамъ же, 61.

[2] „Jahrbücher für Israeliten“, Вѣна, 1854, стр. 3 и слѣд.; 1855, стр. 177 и слѣд.; 1856, стр. 74 и слѣд.; 1857, стр. 160 и слѣд.; 1858, стр. 278 и слѣд.; 1860, стр. 122; 1861, стр. 102.

[3] „Sulamith“, I, II, 223; VI, II, 421.

[4] Тамъ же, VI, II, 37.

[5] „Sulamith“, VI, II, 186. Ср. обо всѣхъ этихъ фактахъ Гейтель, „Gesuch“ и пр., стр. 44—46.

[6] Вѣна, 1864, стр. 176 и слѣд.

Digitized by Google

Что касается опять-таки Австро-Венгріи, то тамъ всѣ единогласно признаютъ великія услуги, оказанныя евреями, даже за самое послѣднее время, въ мельничномъ, пивоваренномъ и мебельномъ производствѣ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ въ 1883-мъ году, видно, что въ означенномъ году въ Вѣнѣ насчитывалось не менѣе 3,806 евреевъ-рабочихъ и 400 евреевъ мастеровъ и хозяевъ. Въ числѣ послѣднихъ встрѣчались владѣльцы шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ, ткацкихъ, бархатныхъ, полотняныхъ и суконныхъ мануфактуръ, кожевенныхъ, свѣчныхъ, мыльныхъ и механическихъ заводовъ, фабрикъ для изготовленія обуви, и пр., и пр. Въ числѣ членовъ вѣнской торговой палаты въ означенномъ году насчитывалось не менѣе 16 евреевъ. Изъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ Парижскаго адресъ-календаря Боттена на 1883 годъ, слѣдуя методу, указанному нами выше по поводу „Военнаго Ежегодника“,—мы насчитали слѣдующихъ фабрикантовъ-евреевъ: 1 судостроитель, 4 фабриканта вѣсовъ, 2 батистовыхъ фабриканта, 1 фабрикантъ газовыхъ рожковъ, 3 фабриканта дѣтскихъ колыбелей, 2 мебельныхъ фабриканта, 1 фабрикантъ пряжекъ, 14 фабрикантовъ бронзъ, 1 фабрикантъ стальныхъ издѣлій, 4 щеточныхъ фабриканта, 1 фабрикантъ индійскаго кашмира, 1 фабрикантъ подошвъ, 1 фабрикантъ гуттаперчевыхъ издѣлій, 2 фабриканта церковныхъ облаченій, 5 мѣдно-котельныхъ мастеровъ, 17 фабрикантовъ обуви, 10 фабрикантовъ бѣлья, 2 фабриканта сундуковъ, 3 фабриканта канатовъ, 6 кожевенниковъ, 2 корсетника, 10 чулочниковъ, 4 фабриканта красокъ, 6 фабрикантовъ хрустальныхъ издѣлій, 21 фабрикантъ кружевъ, 15 рисовальщиковъ, 1 фабрикантъ дистиллировочныхъ издѣлій, 8 фабрикантовъ саржи, 14 суконныхъ фабрикантовъ, 13 мебельныхъ фабрикантовъ, 5 фарфорныхъ заводчиковъ, 2 фабриканта проволоки, 2 плавильщика золота, 2 плавильщика бронзы, 1 желѣзодѣлательный заводчикъ, 1 фабрикантъ газовыхъ принадлежностей, 4 зеркальныхъ фабриканта, 8 рѣзчиковъ на стали, 2 рѣзчика на камняхъ, 1 рѣзчикъ на хрусталѣ, 12 граверовъ на цинкѣ, 22 часовщика, 8 типографовъ, 19 литографовъ, 23 гравера на мѣди, 1 фабрикантъ музыкальныхъ

Digitized by Google

инструментовъ, 4 сафьянщика, 3 сыромятника, 3 оправщика въ бронзу, 5 писче-бумажныхъ фабрикантовъ, 3 зонтичныхъ дѣлъ мастера, 19 мѣховщиковъ, 3 гребенщика, 5 рисовальщиковъ на фарфорѣ, 10 футлярщиковъ, 7 переплетчиковъ, 2 фабриканта вѣеровъ, 6 мыльныхъ заводчиковъ, 5 фортепіанныхъ дѣлъ мастеровъ, 6 трубочниковъ, 25 мастеровъ, выдѣлывающихъ издѣлія изъ перьевъ, 3 фарфоровыхъ заводчика, 6 скульпторовъ, 3 скульптора-орнаментщика, 2 владѣльца слесарныхъ заведеній, 6 лицъ, плетущихъ сидѣнія для стульевъ, 4 фабриканта гуттаперчевыхъ издѣлій, 2 сахаровара, 7 токарей, 7 шлифовщиковъ алмазовъ, 30 обойщиковъ, 4 чеканщика, 1 фабрикантъ черепицъ, одинъ фабрикантъ винтовъ, 2 каретника.

Въ разныхъ итальянскихъ періодическихъ изданіяхъ[1] можно найти имена итальянскихъ евреевъ, получившихъ награды на промышленныхъ выставкахъ: Вѣнской—1863 и 1873 гг., Падуанской—1869 года, Парижской—1878 г, и Миланской—1881 года. Въ числѣ получившихъ награды встрѣчаются добыватели сѣры, торфа, каменнаго угля, фабриканты соломенныхъ, пеньковыхъ, хлопчато-бумажныхъ, шелковыхъ, полотняныхъ и мѣховыхъ издѣлій, винодѣлы и винокуры, горшечники, столяры, фабриканты кружевъ, химическіе заводчики, и т. д. Нѣкоторые получили награды за произведенія сельскаго хозяйства, садоводства и лѣсоводства.

Мы считаемъ излишнимъ останавливаться на доказательствахъ того, что евреи могутъ оказываться полезными на всѣхъ общественныхъ поприщахъ. О сравнительно низкомъ умственномъ развитіи евреевъ даже и нельзя толковать серьозно. Всѣмъ извѣстно, что они во всѣхъ образованныхъ странахъ съ честью подвизаются на поприщахъ литературы, наукъ, искусствъ, судебномъ и административномъ; во Фран-

[1] „Vesselo israelitico“, 1881, стр. 237; „Educatore israelitico“, годъ III, стр. 311; 1854, стр. 122 и 251; 1855, стр. 285; 1857, стр. 216, 249, 282; „Catalogo ufficiale della espozione industriale italiana di Milano“, 1881 г.

Digitized by Google

ціи ихъ можно встрѣтить и въ Сорбоннѣ, и во Французскомъ Институтѣ, и въ „Collège de France“, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, общеобразовательныхъ и техническихъ, и въ медицинской школѣ, и въ лицеяхъ, и въ кассаціонномъ судѣ, и въ министерствахъ, и въ сенатѣ, и въ палатѣ депутатовъ, и въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ, и т. д. То же самое можно сказать и относительно Италіи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, отчасти и относительно Германіи и Австро-Венгріи. Однимъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ Англіи, хранителемъ граматъ, еще недавно былъ сэръ Джорджъ Джессель, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и которому всѣ англійскія газеты посвятили сочувственные некрологи [1]. Можно указать также на теплые некрологи, посвященные всѣми бельгійскими газетами, какъ правительственными, такъ и независимыми, сенатору Ж. Р. Бишоффсгейму, брюссельскому еврею [2]. Пусть также вспомнятъ, съ какимъ сочувствіемъ отнеслась вся англійская публика къ отпразднованной въ 1884-мъ г. столѣтней годовщинѣ рожденія сэра Мозеса Монтефіоре и отзывы по этому поводу хотя бы вліятельнѣйшихъ изъ англійскихъ газетъ—„Times'a“ [3]. Факты эти тѣмъ замѣчательнѣе, что еврею приходится отличаться гораздо болѣе, чѣмъ христіанину, для того, чтобы достигнуть высокихъ почестей. „Еслибы еврей“,—говорилъ въ прусскомъ сеймѣ 1847-го года депутатъ фонъ-Саукенъ,—„сдѣлался членомъ сейма, то онъ заслуживалъ бы болѣе довѣрія, чѣмъ другіе, ибо иначе христіане не подали бы за него голосовъ своихъ“ [4].

Мы еще разъ повторяемъ:—истинная причина преслѣдованій противъ евреевъ и раздающихся по ихъ поводу воплей кроется вовсе не въ дѣйствительныхъ или мнимыхъ недостаткахъ ихъ, не въ расточительности или скупости ихъ, не богатствѣ или бѣдности ихъ, не въ ихъ прилежаніи или лѣности, не въ ихъ нравственности или безнравственности, не

[1] Лондонскій „Jewish Chronicle“ отъ 23-го марта 1883 г.
[2] „Independance Belge“ и „Echo du Parlement“, отъ 9-го февраля 1883 г.
[3] „Times“ отъ 23 и 24 ноября 1884 г.
[4] Ср. напр. „Vollständige Verhandlungen“, стр. 233.

Digitized by Google

въ одаренности или бездарности ихъ, а исключительно въ нерасположеніи къ нимъ христіанскаго населенія и въ неспособности ихъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ и не смотря даже на очень серьезныя усилія бороться противъ этого неразумнаго заблужденія—смотрѣть на евреевъ, какъ на соотечественниковъ и согражданъ. Эти предубѣжденія какъ нельзя болѣе упорны и новѣйшей цивилизаціи еще не повсюду удалось восторжествовать надъ ними. Это отнюдь не племенное нерасположеніе, которое давно уже уступило мѣсто въ новѣйшемъ обществѣ идеѣ національности и почти стерлось подъ вліяніемъ послѣдней. Мы уже сказали, что если вести борьбу противъ евреевъ во имя племеннаго нерасположенія, то всѣ упреки, раздающіеся по ихъ адресу, по меньшей мѣрѣ излишни и остается только истребить это племя, въ ожиданіи того, пока, подъ тѣмъ же предлогомъ, и остальныя племена истребятъ другъ друга. Нельзя придумать никакой причины, почему бы эта племенная ненависть, еслибъ она была реальна, а не фиктивна, остановилась исключительно на евреяхъ. Если духъ исключительности долженъ обрушиться на евреевъ, то почему бы ему не обрушиться и на другія племена; если же племенная идея настолько широка, что можетъ обнять столько многоразличныхъ племенъ, то почему бы ей не обнять и еврейское племя? Лучшимъ доказательствомъ того, что расовое происхожденіе не причемъ, или что, по крайней мѣрѣ, значеніе его весьма ничтожно въ воздвигнутыхъ на евреевъ гоненіяхъ, можетъ служить то, что христіанинъ начинаетъ смотрѣть на еврея совершенно иначе, лишь только тотъ принялъ христіанство. Въ Испаніи можно, конечно, насчитать сотни тысячъ людей еврейскаго происхожденія; но они—христіане,—и этого совершенно достаточно, и никому не приходитъ въ голову стѣснять или преслѣдовать ихъ. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что еслибы всѣ евреи въ Европѣ приняли крещеніе, то борьба противъ нихъ сразу прекратилась бы и отъ нея не осталось бы даже воспоминанія.

И такъ, истинная причина антипатіи христіанъ къ евреямъ кроется отнюдь не въ племенномъ происхожденіи послѣднихъ, а въ ихъ религіи.

Digitized by Google

Племенное происхожденіе должно бы было разъединять, возбуждать другъ противъ друга почти всѣ европейскіе народы; но именно религіозная идея, какъ бы смутна и стерта она ни была у нѣкоторыхъ изъ нихъ, сближаетъ ихъ между собою въ общемъ нерасположеніи къ еврейскому элементу. Если бы христіане не упорствовали въ томъ, чтобы смотрѣть на евреевъ, какъ на пришельцевъ, еврейскаго вопроса даже вовсе и не существовало бы; да въ сущности ничего иного и не говорятъ тѣ, кто утверждаетъ, что еврейскій вопросъ есть вопросъ экономическій, а не религіозный. Что такое, въ сущности, означаютъ собою вся эта мнимая паника передъ евреями, всѣ эти разглагольствованія о ихъ богатствахъ, всѣ эти опасенія, какъ бы они не завладѣли всѣмъ общественнымъ достояніемъ, не захватили всѣ общественныя и государственныя должности? Если бы на евреевъ смотрѣли, какъ на соотечественниковъ, эти жалобы не имѣли бы ни малѣйшаго основанія. Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній запрещать евреямъ быть богатыми, еслибъ они дѣйствительно были богаты, такъ какъ ихъ благосостояніе можетъ лишь содѣйствовать общему благосостоянію. Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній не допускать ихъ до занятія общественныхъ должностей, лишь бы они исполняли свое дѣло добросовѣстно, согласно выгодамъ и интересамъ государства. Но разъ на евреевъ смотрятъ, какъ на чужихъ — все измѣняется: достояніе ихъ является украденнымъ у христіанъ, занимаемыя ими должности выхваченными у христіанъ же. Въ минуту нужды, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, у всякаго христіанина невольно возникаетъ мысль, что онъ былъ бы спасенъ, еслибы въ его рукахъ были еврейскія деньги; всякому христіанину, предпочитающему тунеядство труду, невольно мерещатся мнимыя сокровища евреевъ. Въ этомъ смыслѣ еврейскій вопросъ дѣйствительно является вопросомъ экономическимъ и соціальнымъ, и былъ таковымъ уже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Съ извѣстной точки зрѣнія причина преслѣдованій евреевъ уже въ ту эпоху крылась скорѣе въ условіяхъ экономическихъ, чѣмъ религіозныхъ, какъ мы то доказали выше. Средній классъ, при самомъ возникновеніи своемъ, желалъ сначала овладѣть торговлей евреевъ, а затѣмъ

Digitized by Google

и имуществомъ ихъ. Но этой цѣли невозможно было достигнуть, не прибѣгая къ насиліямъ, и поэтому ни въ какую эпоху еврейской исторіи не встрѣчается столько убійствъ и изгнаній массами [1]. Но во всемъ этомъ фанатизмъ игралъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ корысть; дѣло въ томъ, что первый является здѣсь причиной тайной, закулисной, а вторая—открытою цѣлью. Въ сущности же, въ глубинѣ души, единственной виновницей является религія. Экономическій предразсудокъ противъ евреевъ является, правда, результатомъ предразсудка религіознаго; но не будь послѣдняго — первый не имѣлъ бы никакого значенія. Евреи считаются чужеземцами не потому, чтобъ они дѣйствительно были чужеземцами, — чего на дѣлѣ и нѣтъ, — а потому, что они исповѣдаютъ іудейскую религію. Стремленіе исключить ихъ изъ великой семьи народовъ является результатомъ питаемой къ нимъ зависти, и въ этой, столь безпочвенной зависти, собственно и кроется весь антисемитическій вопросъ.—„Предубѣжденія черни противъ евреевъ,—говоритъ епископъ Нансійскій,—слишкомъ хорошо извѣстны. По временамъ они прорываются въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Заслужили-ли евреи такой ненависти дурными поступками, монополіями, дѣйствіями, несовмѣстимыми съ общимъ благомъ? Нѣтъ, господа! Самое серьезное изъ взводившихся противъ нихъ обвиненій заключалось въ томъ, что они пустили слишкомъ глубокіе корни въ нашихъ провинціяхъ (въ Эльзасѣ и Лотарингіи), что они пріобрѣтали дома, земли и привиллегіи, которыхъ не предоставляли имъ старые законы“ [2]. Депутатъ Вирховъ сказалъ въ свою очередь:—„Ближе всматриваясь во всю эту агитацію, мы не можемъ не прійти къ заключенію, что она вызвана самыми низменными страстями, и *на первомъ планѣ — завистью*“ [3].

Вмѣсто того, чтобы поощрять и питать эти низменныя побужденія,

---

[1] См. Рошеръ, „Ansichten der Volkswirtschaft“, изд. 3-е, Лейпцигъ, 1878, II, стр. 327—331.

[2] „Мнѣніе епископа Нансійскаго“, стр. 7.

[3] „Verhandlungen der baierischen Kammer“, стр. 23.

Digitized by Google

христіане сдѣлали бы лучше, еслибы постарались сравниться съ евреями въ трудолюбіи и терпѣніи, или даже превзойти ихъ въ этомъ отношеніи. Подобное соревнованіе, единственное — достойное образованныхъ людей, — окажется полезнымъ и для тѣхъ, и для другихъ и въ особенности для государства. — „Если вы желаете сказать, что еврей болѣе дѣятеленъ, болѣе сообразителенъ и болѣе воздержанъ, чѣмъ христіанинъ, то мы можемъ только посовѣтовать послѣднему принять перваго за образецъ. Общество можетъ лишь выиграть отъ подобной конкурренціи“ [1]. Вотъ единственное средство противъ того зла, на которое жалуются и котораго евреи являются жертвой, а не причиной. Законы, внушенные духомъ исключительности и недовѣрія, не могутъ повести къ благимъ результатамъ. Они оказываются болѣе гибельными даже для тѣхъ, ради которыхъ они будто бы созданы, чѣмъ для тѣхъ, противъ которыхъ они направлены. Однимъ изъ главныхъ условій благосостоянія и процвѣтанія государства являются свободный трудъ, мирное соревнованіе разнообразныхъ интересовъ, взаимное уваженіе гражданами принадлежащихъ каждому правъ, союзъ всѣхъ въ одномъ и томъ же братскомъ чувствѣ. Въ этомъ, и только въ этомъ, слѣдуетъ искать разрѣшенія соціальной задачи; въ этомъ, и только въ этомъ, слѣдуетъ искать безпристрастія и справедливости. Пусть народы, преслѣдующіе евреевъ, спросятъ сами себя: — желаютъ-ли они быть народами цивилизованными, или же они желаютъ вернуться къ временамъ варварскимъ; является-ли въ глазахъ ихъ равноправность твердымъ, незыблемымъ принципомъ, или же пустымъ звукомъ; слѣдуетъ-ли считать ученія ихъ истиною или ложью; должно-ли считать идеаломъ человѣчества царство справедливости и милосердія или же царство дикихъ инстинктовъ и вожделѣній? Всѣ эти, направленные по адресу евреевъ крики и вопли—ничто иное, какъ безсодержательные звуки, направленные или къ тому, чтобы обмануть другихъ, или же къ тому, чтобы обмануть самого себя и прикрыть

[1] „Die Judenfrage“, 1880, стр. 52.

Digitized by Google

дурныя побужденія сколько нибудь благовидными предлогами. Пріемъ этотъ достаточно хорошо извѣстенъ: къ нему испоконъ вѣка прибѣгали всѣ лицемѣры, всѣ творившіе неправду. Евреи имѣютъ право требовать, чтобъ этой пошлой комедіи наконецъ положенъ былъ предѣлъ. Тутъ не можетъ быть середины: или за евреемъ слѣдуетъ признать всѣ права человѣка, или же нужно откровенно признаться въ томъ, что міромъ управляетъ одна лишь грубая сила и что справедливость — лишь звукъ пустой.

Э. В.

Digitized by Google

ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ МАГНАТА.

(Несвижская быль XVIII столѣтія *.

V.

На слѣдующій день, Несвижъ, въ особенности же тотъ раіонъ его, который носилъ общее названіе «рынка и въ которомъ, какъ въ сердцѣ, концентрировалась вся жизнь мѣстечка, былъ неузнаваемъ. Къ нему какъ будто опять возвратились тѣ жизненныя силы, долгое отсутствіе которыхъ превратило его въ почти бездыханный трупъ, начинавшій уже разлагаться. Несвижъ ожилъ, воскресъ изъ мертвыхъ, сталъ дышать, двигаться, дѣйствовать.

Не смотря на строгій постъ и страшную жару, еще больше увеличивавшую мученія плачущаго и жаждущаго желудка, несвижскіе евреи были бодры, веселы и дѣятельны, не чувствуя ни голода, ни жажды, ни слабости отъ строгаго воздержанія отъ пищи и питья. Сейчасъ послѣ утренней молитвы съ положенными на этотъ день слихотами **, каждый съ уже давно небывалымъ усердіемъ взялся за свое дѣло. Лавочники, съ разрѣшенія раби Якова-Шмуэля и всего духовнаго синклита, открыли свои лавки; шинкари снабдили свои прилавки свѣжими напитками и закусками; обыватели, въ ожиданіи проѣзжающихъ и квартирантовъ, завозились около своихъ домовъ, моя полы, замазывая щели въ стѣнахъ, заклеивая бумагой недостающія въ рамахъ стекла, дабы не дуло, и меблируя очи-

* См. Восходъ кн. VII

** Спеціальными молитвами.

Digitized by Google

щенные *покои* чѣмъ Богъ послалъ; вольно-практикующіе же торговцы, нанявъ мужицкія подводы, уѣхали въ близьлежащіе города за краснымъ и галантерейнымъ товаромъ, который въ мѣстныхъ лавкахъ былъ уже на исходѣ. Словомъ, все налаживалось и прилаживалось къ черпанію полными пригоршнями изъ ручья парносе, который сейчасъ потечетъ по всѣмъ извилинамъ мѣстечка. Праздныя же, ни къ какой торговлѣ непристроенныя бабы, бабенки, дѣвки и прочая челядь, съ грудными и оравшими младенцами на рукахъ, расположившись на завалинкахъ, стали коротать тяжелый постъ назидательными бесѣдами о чудотворныхъ раввинахъ и наводящими ужасъ разсказами о гилгулахъ * и мертвецахъ, не находившихъ успокоеніе въ гробу и свободно разгуливавшихъ по міру, разумѣется, въ ночное время, пугая людей, въ особенности же жениховъ, невѣстъ и беременныхъ женщинъ. Отъ времени до времени, назидательныя бесѣды и страшные разсказы на нѣсколько минутъ прерывались, уступая мѣсто сплетничанью, судачеству, легкому злословію, а также мирной перебранкѣ между сосѣдками изъ-за взятой «на минуту» и невозвращенной до сихъ поръ ступки, лоханки, лотка и тому подобной домашней утвари. У ногъ этихъ бесѣдовавшихъ и разсказывавшихъ взрослыхъ копошилась въ пескѣ и пыли мелкая дѣтвора, неумытая, непричесанная, запачканная до послѣдней возможности и въ менѣе чѣмъ очень легкихъ костюмахъ: кромѣ грязныхъ и изъ грубаго деревенскаго холста сшитыхъ рубашекъ, она на своихъ грязныхъ тѣльцахъ не имѣла ничего. Не умѣя ни бесѣдовать, ни разсказывать, она коротала время игрою въ *баню*, состоявшею въ томъ, что одинъ ребенокъ, набравъ въ подолъ рубашки возможно больше песку, высыпалъ его на головку другого ребенка, а тотъ мылъ себѣ этой сыпучей воображаемой *жидкостью* лицо, ручки и ножки. Взрослые были такъ заняты собою, что не обращали ни малѣйшаго вниманія на эту странную игру ребятежи, благо та не пищала, не дралась и ѣсть не просила.

Около полудня, на *рынкѣ* показались первые возки, колы-

* Бѣсноватыхъ.

Digitized by Google

мажки, брички и нетычанки, на которыхъ прибыли бѣдные шляхтичи изъ ближайшихъ околицъ, до которыхъ уже дошла радостная и для нихъ вѣсть объ ожидаемомъ возвращеніи въ мѣстечко князя-воеводы, ихъ покровителя и кормителя, по которомъ они не меньше несвижскихъ евреевъ тосковали и всѣ глаза свои проглядѣли. Толстый слой тонкой и бѣлой пыли какъ пудрой покрывалъ ихъ, ихъ возки, ихъ возницъ и ихъ клячъ, феноменальная худоба которыхъ свидѣтельствовала о многихъ недоданныхъ имъ порціяхъ овса или даже сѣчки. Знать, долгое отсутствіе князя изъ Несвижа неблагопріятно отзывалось и на неразумныхъ животныхъ несвижскаго района. Остановившись посрединѣ рынка, шляхтичи не торопились слѣзть со своихъ «экипажей» и, оставаясь на нихъ, стали оглядываться кругомъ, обдумывая, куда имъ заѣхать. Но имъ не долго пришлось думать: изъ лавокъ, шинковъ и домовъ выскочило съ дюжину евреевъ, которые, окруживъ возки со всѣхъ сторонъ, стали зазывать дорогихъ гостей каждый къ себѣ, при чемъ имъ на помощь тотчасъ подоспѣли ихъ жены, матери, дочери, сестры или свояченицы.

— Ко мнѣ, паночку, ко мнѣ,—затараторили десятки голосовъ, одинъ громче или пискливѣе другого.—Паночекъ вѣдь мой старый шабръ *.

— Нехай васъ черти взяли,—отвѣчали шляхтичи, затыкая себѣ уши, чтобы не заглохнуть отъ поднявшагося вокругъ нихъ разноголосаго гама и гвалта.

— А у меня для вельможнаго пана есть такая комната,—соблазнялъ одного пожилого и флегматическаго на видъ шляхтича какой-то еврей, высокаго роста и очень худой, съ длиннѣйшими пейсами, коротенькой бородкой и въ остроконечной ермолкѣ, махая кистью правой руки въ тактъ медленно и методически произносимымъ имъ словамъ,—такая комната... ну, просто, дворецъ.

— Дворецъ?—переспросилъ шляхтичъ, жмурясь на еврея своими маленькими глазками и добродушно ухмыляясь.

---

* Кліентъ.

Digitized by Google

— То есть, я пану скажу, что если оклеить стѣны обоями, то самъ князь Радзивиллъ не погнушался бы, честное слово.

— А какъ на счетъ клоповъ?—спросилъ шляхтичъ, зная настоящую цѣну преувеличеніямъ соблазнявшаго его домовладѣльца.

— Клопы?—переспросилъ послѣдній, пожавъ плечами и разводя руками,—откуда быть у меня клопамъ? Увѣряю пана добродѣя, что я всѣ углы и всѣ щели прокурилъ табачнымъ дымомъ и вымазалъ скипидаромъ. Откуда же взяться клопамъ?

— Ну, а если они все таки возьмутся?

— Такъ это уже не будутъ клопы, а развѣ мухи, немножко похожія на клоповъ,—отвѣтилъ еврей экспромптомъ, ничуть не приготовившись.

— Ха, ха, ха!—добродушно расхохотался шляхтичъ, вынимая изъ-за пазухи кисетъ и трубку.—Вотъ это мнѣ нравится. Мухи, немножко похожія на клоповъ! Не хотѣлось бы мнѣ, однакоже, познакомиться съ такими рѣдкостными мухами, которыхъ, надѣюсь, ни въ какой кунсткамерѣ не найдешь. Ну а кровать въ комнатѣ есть?

— Какъ же? Есть и кровать, и столъ, и стулъ, и шкафъ, и даже стѣнные часы съ кукушкой. Сказано—дворецъ.

— А сколько попросишь за свой дворецъ?

— Чтобы не торговаться, потому—вижу, что и панъ не любитъ торговаться, скажу свою крайнюю цѣну: злотый и пять грошей * за недѣлю.

Шляхтичъ, положивъ въ трубку кусочекъ губки и начиная огнивомъ выбивать огонь, проговорилъ тѣмъ же флегматически-добродушнымъ тономъ:

— Какъ для дворца, которымъ не погнушался бы самъ Радзивиллъ, это немного, но мнѣ эта цѣна не по карману. Притомъ ты долженъ знать, что мнѣ твоихъ бебуховъ ** не нужно: везу свой сѣнникъ и свою подушку съ собою.

— Ну, если такъ, то довольно будетъ злотаго.

— А мнѣ кажется, что довольно будетъ гривенника.

---

* 17½ коп.

** Рухляди.

Digitized by Google

— Гривенникъ и пять грошей.

— Нѣтъ, ровно гривенникъ.

— Ну, Богъ съ вами, не люблю много торговаться. Чи, чуешь,—обратился еврей къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ,— будетъ тебѣ дрыхать, заѣзжай.

— Куды?

— Я тебѣ покажу куды.

И, взявъ коня подъ-уздцы, онъ повелъ его по направленію къ своему дому, чмокая, гукая, фукая и хлопая его по шеѣ, чтобы заставить его пойти хоть немножко шибче, на что конь никакъ не соглашался, чѣмъ изъ терпѣнія выводилъ нетерпѣливаго еврея, который, кажется, готовъ былъ взвалить на свои плечи коня, возокъ и сѣдоковъ, чтобы въ три мига перетащить ихъ къ себѣ, и этимъ добыть возможность вернуться назадъ и завербовать, если удастся, еще одного гостя для находившагося въ его распоряженіи еще одного «дворца».

Въ другомъ мѣстѣ происходилъ слѣдующій діалогъ между однимъ изъ «гостей» и мѣстнымъ жителемъ:

— А, Гершко!—окликнулъ съ высоты какой-то претенціозной нетычанки какой-то круглый и толстый шляхтичъ, съ краснымъ лицомъ, бѣлыми волосами и рыжеватыми усами, извѣстнаго шинкаря, который, подобравъ полы своего лапсердака, куда-то стремился, извиваясь, какъ вьюнъ, между возками и окружавшими ихъ группами.

— Кто это зоветъ меня?—спросилъ шинкарь, оглядываясь вокругъ своими быстрыми и горящими, какъ уголь, глазами.— А, панъ хорунжій!—прибавилъ онъ, замѣтивъ дѣлаемые ему шляхтичемъ знаки,—и стрѣлою бросился къ нетычанкѣ.

— Шулемъ-лекъ *, Гершко,—весело привѣтствовалъ хорунжій шинкаря, протягивая ему руку.

— Лекъ-михъ ** тоже, — отвѣтилъ Гершко, поцѣловавъ протянутую ему руку.—Панъ хорунжій узналъ меня?

— Еще бы! Да ты такая шельма, такая продувная бестія,

---

* Исковерканное еврейское привѣтствіе: «шоломъ-алейхемъ»—миръ вамъ.

** Дусмысленность, означающая «поцѣлуй меня»...

Digitized by Google

что кто разъ имѣлъ съ тобою дѣло, тотъ ввѣкъ тебя не забудетъ.

— Гм... произнесъ Гершко, осклабившись. Спасибо пану за добрую обо мнѣ память,—сказалъ онъ, снявъ ермолку и униженно кланяясь. — Шельма? Совсѣмъ не шельма, а такъ себѣ. Паны завсегда довольны мною, потому служу имъ со всего сердца. Дай Богъ имъ здоровья, что даютъ бѣдному жидку заработать грошъ—другой. Панъ хорунжій уже знаетъ про нашу новость?

— Эта новость и извлекла меня изъ моей берлоги и привлекла въ Несвижъ. Хочу проситься въ княжескую милицію. Какъ ты думаешь, Гершко, я хорошо дѣлаю?

Гершко пожалъ плечами, развелъ руками и проговорилъ:

— Стало быть, пану добродѣю, хозяйство уже надоѣло?

— Да скажи на милость, чѣмъ хозяйничать? Пустыми руками немного нахозяйничаешь.

— Это правда,—согласился Гершко,—безъ наличныхъ никакого оборота не сдѣлаешь.

— Ну, то-то и есть. Но гдѣ мнѣ взять этихъ наличныхъ?

— А хоть бы у нашего банкира?

— Не дастъ, да я не смѣю и просить, потому ему отъ меня и безъ того уже слѣдуетъ пятьсотъ злотыхъ. Спасибо ему, что не настаиваетъ на своемъ долгѣ и ко взысканію не подаетъ. Хоть старо-законный, а человѣкъ добрый и совѣстливый, — что правда, то правда. По веснѣ, когда я къ нему приходилъ опять просить объ отсрочкѣ, онъ мнѣ говоритъ: «Эхъ пане хорунжій, зачѣмъ панъ хорунжій безпокоится, когда я не безпокоюсь? Будутъ у пана хорунжаго деньги,—панъ хорунжій придетъ и расквитается. Развѣ я не знаю, кого я ссужаю?» Такъ мнѣ и сказалъ, честное слово!... Но мы о дѣлахъ еще потолкуемъ на досугѣ. Я хотѣлъ только спросить у тебя: рыба-фишь у тебя есть?

— Какъ же? Совершенно живой лещъ жарится у меня теперь на сковородѣ.

— Я леща не хочу, я хотѣлъ бы щуки.

— Можно и щуку. Въ кострюлѣ варится у меня теперь

Digitized by Google

такая щука, и съ такимъ фаршемъ, что панъ хоружій пальчики будетъ облизывать.

— Эхъ, Гершко, — произнесъ хоружій укорительно,—ты развѣ не знаешь, не помнишь, что я фаршированной рыбы терпѣть не могу?

— Виноватъ, пане хоружій,—поспѣшилъ Гершко съ извиненіемъ,—я объ этомъ немножко забылъ,—но у меня въ другой кострюлѣ варится и щука не фаршированная, но подъ такимъ соусомъ, что самъ Радзивиллъ не побрезгалъ бы, а просилъ бы еще и еще.

Надобно знать, что Гершко, по своему обыкновенію, не множко вралъ: лещъ жарился, а щука варилась не на сковородѣ и не въ кострюлѣ, а пока лишь въ воображеніи находчиваго шинкаря. Вралъ же онъ тѣмъ смѣлѣе, что зналъ, что онъ изъ-подъ земли выкопаетъ что требуется для удовлетворенія своихъ «шабровъ». Если же ему не удастся удовлетворить хоружаго щукой, то онъ соблазнитъ его такою искусно приготовленной на меду и уксусѣ селедкой, что тотъ про щуку и забудетъ. Стало быть, его вранье мало измѣняло сущность дѣла.

— А твой чуланчикъ у тебя свободенъ?—спросилъ далѣе хоружій, любившій останавливаться у Гершко за близость къ Гершковымъ напиткамъ и закускамъ.

— Свободенъ и даже убранъ по магнатски.

— Такъ я къ тебѣ и заѣду.

— Прошу пана хоружаго покорно.

Панъ хоружій самъ напрашивался въ квартиранты и нахлѣбники къ Гершко-шинкарю еще и потому, что у него теперь не было и ломаннаго шеленга за душой, слѣдовательно, ему необходимо было какъ нибудь устроиться въ Несвижѣ въ счетъ будущихъ благъ, противъ чего сговорчивый Гершко ничего, впрочемъ, не имѣлъ, зная, что за честнымъ хоружимъ его деньги не пропадутъ.

Въ четверть часа вся эта шляхетская голытьба была разобрана и расквартирована по разнымъ еврейскимъ «дворцамъ» и стала аппетитно пить и закусывать въ ожиданіи своего патрона, который пріѣдетъ и откроетъ для нея свои мѣшки съ

Digitized by Google

голландскими червонцами. Утоливъ свой первый голодъ, она побрилась, обмылась, причесалась, нафабрила усы и стала облекаться въ свои парадные костюмы. Они состояли изъ конфедератки съ чернымъ околышемъ и высокимъ верхомъ изъ зеленаго или бѣлаго бархата, жупана изъ синяго сукна со свѣтлыми пуговицами, широкаго парчеваго кушака съ бахрамой, исподней изъ желтой китайки и сапоговъ изъ краснаго сафьяна со шпорами. Выфрантившись, какъ подобаетъ кліентамъ князя Радзивилла и пристегнувъ къ кушакамъ турецкія сабли, шляхтичи всей гурьбой отправились въ замокъ—засвидѣтельствовать свое почтеніе пану коменданту и кстати навести справку, когда откроется княжеская столовая въ нижнихъ корридорахъ замка, т. е. когда начнутъ варить въ котлахъ и жарить цѣлыхъ быковъ и кабановъ, такъ какъ еврейскія закуски и блюда, при всей ихъ пикантности и разнообразіи, были слишкомъ субтильнаго свойства, мало соотвѣтствовавшаго ихъ солиднымъ желудкамъ.

Поладивъ съ первою серіей пріѣзжихъ, несвижскіе обыватели стали дежурить у дверей своихъ домовъ и лавокъ, чтобы не прозѣвать другихъ серій. Но никто не являлся. Прошелъ часъ, другой, третій, — никто не пріѣзжаетъ. Это не только озадачило, но и глубоко опечалило несвижскихъ евреевъ, въ особенности тѣхъ, на долю которыхъ не достался ни одинъ пріѣзжій. Неужели нѣсколькими шляхтичами и ограничится весь съѣздъ?—спрашивали они другъ друга.—Что же на то скажетъ дукесъ? Онъ любитъ, когда онъ въ Несвижѣ, чтобы въ мѣстечкѣ кишѣло, какъ въ муравейникѣ.

— А знаете ли, братцы, что я вамъ скажу? началъ какой-то политикъ изъ шинкарей, поглаживая бороду и зажмуривъ одинъ глазъ, отчего лицо его получило глубокомысленное выраженіе. Онъ медлилъ сообщеніемъ своихъ мыслей, дабы еще больше заинтересовать своихъ слушателей, что ему вполнѣ удалось. Стоявшіе у дверей своихъ домовъ стали понемногу оставлять свои посты и приближаться къ шинкарю, предъ которымъ вскорѣ образовался полукругъ обывателей съ выпученными глазами и напряженными ушами.

— Что вы хотѣли сказать, ребъ Пейсахъ? спросили обыва-

Digitized by Google

тели, видя, что шинкарь все еще поглаживаетъ бороду и глубокомысленно молчитъ.

Ребъ Пейсахъ крякнулъ, пересталъ жмурить глазъ и началъ съ апломбомъ человѣка, увѣреннаго въ безошибочности своихъ умозаключеній.

— Вы только не смѣйтесь, но мнѣ кажется, что опять будетъ посполитое рушенье *.

— Посполитое рушенье?—переспросили обыватели, не то обрадовавшись, не то испугавшись. — Опять эти конфедераціи! Но зачѣмъ? Король вѣдь избранъ, утвержденъ сеймомъ и ужъ сколько лѣтъ спокойно сидитъ себѣ на престолѣ въ Варшавѣ или въ Краковѣ.

— Вы говорите: спокойно? — замѣтилъ ребъ Пейсахъ, опять глубокомысленно и хитро зажмуривъ одинъ глазъ. — А что, если не спокойно? Сидя въ мѣстечкѣ, разумѣется, нельзя знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. И я тоже не зналъ; но на прошлой недѣлѣ, когда я ѣздилъ за водкой и пивомъ, я въ одной корчмѣ встрѣтился съ однимъ моимъ старымъ шабромъ, шляхтичемъ изъ-подъ Новогрудка, такъ тотъ разсказалъ мнѣ цѣлый коробъ новостей. Всего, разумѣется, не припомню, потому — гдѣ мнѣ? Помню только, что онъ сказалъ, что совсѣмъ, совсѣмъ не спокойно. Дѣло, видите ли, въ томъ, что хотя король и избранъ и утвержденъ, но магнаты очень недовольны имъ.

Магнаты? удивились слушатели. — Но вѣдь всѣ эти Чарторыйскіе, Замойскіе, Браницкіе, Лешки и кто ихъ тамъ всѣхъ знаетъ — его родственники. Неужели они поднимутъ противъ него бунтъ?

— Конечно, не они, но есть еще другіе магнаты, которые не состоятъ съ королемъ въ родствѣ и которые хотѣли бы посадить на престолъ другого, своего. Вѣдь и посадили-то его на престолъ только торговицкіе конфедераты, а барскіе были и руками и ногами противъ этого. Да и торговицкіе ничего не подѣлали бы, если бы не москали. Не подоспѣй имъ на по-

* Народное ополченіе.

Digitized by Google

мощь москали, Понятовскому во вѣкъ бы не бывать королемъ польскимъ, какъ мнѣ раввиномъ брестскимъ.

— И не потому ли дукесъ возвращается въ край, что пахнетъ конфедераціей, войной? — спросилъ кто-то.

— Очень можетъ быть, по этому самому,—согласился шинкарь.

— И не сядетъ ли, чего добраго, самъ на престолъ?

— Можетъ быть, и сядетъ, но тогда, честное слово, не буду завидовать ему. Повѣрьте мнѣ, раббосай, если бы кто нибудь спросилъ меня: Пейсахъ, чѣмъ ты хочешь быть, — королемъ польскимъ или ребъ Сахно?—я бы лучше выбралъ быть ребъ Сахно, потому покойнѣе и здоровѣе. Живешь себѣ въ свое удовольствіе, зарабатываешь хорошій грошъ, отъ всѣхъ тебѣ уваженіе и почетъ, дѣлаешь людямъ добро и запасаешься хорошимъ кускомъ и для будущаго міра. А король что? На престолѣ сидитъ и животъ его дрожитъ: то тотъ магнатъ, то другой поднимаетъ противъ него бунтъ, конфедерацію, посполитое рушенье.

— Точь въ точь, какъ было у насъ, евреевъ, предъ разрушеніемъ храма злодѣемъ Титомъ,—замѣтилъ одинъ изъ обывателей, знавшій толкъ въ Эйнъ-Яковѣ и Мидрашѣ.

— Потому-то мы такъ хорошо и кончили, — проговорилъ шинкарь, которому тоже не безъизвѣстны были обстоятельства, предшествовавшія паденію еврейскаго царства.—«Синасъ-Хиномъ» * никогда къ добру не ведетъ. Оно погубило насъ, погубитъ и поляковъ. Извѣстно, что когда собаки грызутся между собою изъ-за кости, то она достанется той собакѣ, которая стоитъ издали и наблюдаетъ.

— Совершенно вѣрно,—одобрилъ эту сентенцію обыватель, знавшій толкъ въ Эйнъ-Яковѣ и Мидрашѣ.—Если бы между нашими царями, первосвященниками и князьями были миръ и согласіе, то Усписіяну-кесарю и злодѣю Титу никоимъ образомъ не удалось бы овладѣть Іерусалимомъ и сжечь нашъ храмъ,—за грѣхи наши.

— А я своимъ шинкарскимъ умомъ такъ разсуждаю, —

* Безпричинная ненависть, раздоры.

Digitized by Google

продолжалъ Пейсахъ, мысли котораго, какъ видно, болѣе сосредоточены были на настоящемъ, нежели на прошедшемъ. — Будь я на мѣстѣ Понятовскаго, я бы такъ сдѣлалъ: я бы созвалъ на сеймъ всѣхъ магнатовъ и держалъ бы къ нимъ такую рѣчь: «слушайте, панове! Вамъ не нравится, что я король надъ вами? Но, панове, мнѣ тоже не Богъ знаетъ какъ весело и хорошо имѣть васъ моими подданными. Да и какіе же вы мнѣ подданные, когда вы такіе самовольцы и меня ни капельки не слушаетесь? А потому, дабы намъ не ссориться между собою, а жить въ мирѣ и согласіи, какъ Богъ велѣлъ, мы такой укладъ сдѣлаемъ: вы мнѣ отсчитайте сто тысячъ дукатовъ, — ни шеленга меньше, — сто тысячъ чистоганомъ, — и бывайте себѣ мнѣ здоровы. А съ королевствомъ дѣлайте, что вамъ угодно: хотите,—въ карманъ себѣ его положите, хотите — можете съ кашей его съѣсть, я ни во что вмѣшиваться не буду, мнѣ только мои сто тысячъ, и баста.» А что, раббойсай, развѣ это не было бы умнѣе всего?

— Жаль, что ты не шейне-лемелехъ * — шутилъ кто-то.

— Да, жаль, очень жаль, — шутилъ шинкарь въ свою очередь.—Будь я близокъ къ королю, я, небось, далъ бы ему такой совѣтъ, за который онъ былъ бы мнѣ благодаренъ во вѣки вѣковъ. Но еще болѣе жаль, что вотъ уже солнце низко, а изъ пановъ никто не ѣдетъ, и я понапрасну столько наварилъ и нажарилъ для ихъ угощенія. Куда же я все это дѣну? Однихъ сырниковъ я напекъ три копы.

— Такъ будешь ими разгавливаться,

— Слишкомъ жирно будетъ: я — не ребъ Сахно. Хлѣбъ, квасъ и лукъ — вотъ все, что мнѣ нужно, а отъ нынѣшнихъ заработковъ и на эти блюда не хватаетъ.

— Но ты вѣдь говоришь, что будетъ посполитое рушенье,— замѣтилъ кто-то.

— Такъ чтожъ?

— Такъ гдѣ же княжеская милиція?

— Дукесъ держитъ свою милицію на Волыни, тамъ и бу-

* Министръ.

Digitized by Google

дутъ заработки, а здѣсь мы всѣ съ голоду перемремъ, да сжалится Богъ надъ нами... Но, чу!.. Что это? Вы слышите?

Всѣ, стоявшіе около шинкаря Пейсаха, и онъ самъ, умолкли, навострили уши и стали прислушиваться. Со стороны главной улицы стали доноситься какіе-то неопредѣленные звуки.

— Ба, рожки или трубы?—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.—Неужели опять курьеры?

И всѣ, сколько ихъ тутъ было, бросились сломя голову къ главной улицѣ.

VI.

Бросились къ главной улицѣ и другіе обитатели и обитательницы мѣстечка, купно со своими дѣтьми обоего пола и разнаго возраста, до грудныхъ младенцевъ включительно. Глазамъ ихъ представилось слѣдующее живописное зрѣлище.

На восьми высокихъ лошадяхъ сѣрой масти и покрытыхъ красными попонами, отороченными серебрянымъ позументомъ и снабженными по угламъ большими серебряными же кистями, ѣхало шагомъ и попарно восемь сѣдоковъ въ пестрыхъ фантастическихъ костюмахъ, покрытыхъ стеклярусомъ, крупнымъ бисеромъ и блестками, и съ зелеными тюрбанами на головахъ. Въ лѣвыхъ рукахъ они держали поводья своихъ лошадей, а въ правыхъ—мѣдные духовые инструменты, на которыхъ они наигрывали маршъ Собіесскаго. Впереди этой кавалькады, въ пяти шагахъ отъ нея, ѣхалъ стоймя на маленькомъ пони красивый мальчикъ съ распущенными волосами бѣлокураго цвѣта, весь въ трико тѣлеснаго цвѣта, съ парой крыльевъ за плечами и съ краснымъ знаменемъ въ правой рукѣ. Между второю и третьею парою верховыхъ выступалъ своею медленною и степенною поступью рослый верблюдъ, на хребтѣ котораго прилажено было нѣчто въ родѣ койки, на которой лежалъ какой-то человѣкъ, покрытый полосатымъ шелковымъ одѣяломъ по самый лобъ, такъ что лицо его не было видно. За кавалькадой слѣдовали три громадныхъ фургона, обтянутые толстой парусиной и везомые каждый четверкой мужицкихъ лошадей въ веревочной сбруѣ.

Когда этотъ кортежъ поровнялся съ тѣмъ мѣстомъ главной

Digitized by Google

улицы, при которомъ въ нее впадаетъ главное русло «рынка» съ его побочными переулками и закоулками, изъ-подъ одѣяла послышался протяжный звукъ рѣжащаго ухо свистка, что̀ было сигналомъ, чтобы трубачи перестали трубить. И, вслѣдъ за тѣмъ, человѣкъ, лежавшій на койкѣ, сбросилъ съ себя одѣяло, вскочилъ на ноги, подбоченился и прокричалъ съ высоты верблюда толпившимся на улицѣ евреямъ слѣдующее привѣтствіе:

— Guten Morgen, Juden!

— А, Herr Трам-Тамъ!—откликнулись евреи, узнавъ своего стараго знакомаго, которому они такъ искренно обрадовались, что захлопали въ ладоши и гурьбой бросились къ нему, чтобы пожать ему руку.

Этотъ старый знакомый несвижскихъ евреевъ былъ никто иной, какъ благородный итальянецъ, синьоръ Трамонтано, веселый, безпутный, но добрый пьянчужка, исправлявшій въ радзивилловскомъ замкѣ разнообразнѣйшія должности: директора княжескаго театра, дирижера княжеской капеллы, импресаріо княжеской оперы и балета, поставщика костюмовъ для княжескихъ маскарадовъ, шута, паяца, акробата, фокусника, чревовѣщателя, словомъ—устроителя всѣхъ княжескихъ развлеченій по части драматическаго, музыкальнаго и хореографическаго искусства. А потому онъ былъ въ замкѣ своимъ и необходимымъ человѣкомъ, къ которому князь благоволилъ, какъ къ неистощимому балагуру, весельчаку, фигляру и недюжинному питуху, не отказывавшемуся держать пари съ кѣмъ угодно въ состязаніяхъ по части истребленія горячихъ напитковъ. И хотя присутствіе его въ замкѣ было необходимо почти каждую минуту, онъ однакоже при всякомъ случаѣ удиралъ изъ замка, въ которомъ ему почему-то не жилось, и застрявалъ на цѣлыя недѣли въ грязныхъ переулкахъ «рынка», прячась отъ Радзивилла, для чего переодѣвался и загримировывался, переходилъ изъ шинка въ шинокъ, пилъ, кутилъ, игралъ въ шашки и въ кости, подчивалъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, не исключая и дѣтей, словомъ—спускалъ все, что при себѣ имѣлъ. И только когда кошелекъ его пустѣлъ, онъ возвращался въ замокъ, къ своимъ занятіямъ, извиняясь предъ взбѣшеннымъ княземъ какой нибудь остроумной шуткой или отговоркой, что

Digitized by Google

онъ-де съѣздилъ въ Вильно для закупки какихъ нибудь необдимыхъ для представленій аксессуаровъ.

— А если ты, пане-коханку, врешь?—спрашивалъ князь недовѣрчиво.

— Въ такомъ случаѣ князь-добродѣй можетъ повѣсить меня хоть-бы... на шею панны Петрунелли.

Панна Петрунелля была одна изъ двѣнадцати ключницъ замка и замѣчательная красавица, на которую заглядывалась вся княжеская свита, не исключая и полковника Моравскаго, племянника князя, который прилежнѣе и успѣшнѣе всѣхъ пріударялъ за нею.

— Ишь, шельма, — прибавлялъ князь уже добродушно, — какую висѣлицу онъ себѣ выбралъ! Отъ такой висѣлицы не отказалась бы самая невиннѣйшая душа.

— А я развѣ отказываюсь?

И шельмѣ легко сходило съ рукъ, и онъ при первомъ случаѣ опять удиралъ къ евреямъ. Не мудрено поэтому, что они очень любили веселаго итальянца, котораго, какъ вообще всякаго иностранца, считали нѣмцемъ и отсутствіе котораго изъ Несвижа было для нихъ весьма чувствительно. Отсутствовалъ же онъ потому, что, не имѣя надобности увеселять своего принципала, со своею труппою или, точнѣе, со своими труппами, разъѣзжалъ по ярмаркамъ, городамъ, мѣстечкамъ и шляхетскимъ фольваркамъ, давая представленія, дѣлая сборы и добросовѣстно прокучивая эти сборы. Курьеръ, посланный за нимъ комендантомъ несвижскаго замка, засталъ его кстати въ одномъ близкомъ къ Несвижу фольваркѣ, — и онъ поспѣшилъ возвращеніемъ къ своей должности.

Соскочивъ съ верблюда и пожавъ нѣсколько десятковъ протянутыхъ къ нему рукъ, синьоръ Трамонтано опять испустилъ рѣзкій свистъ, захлопалъ въ ладоши и скомандовалъ: — Holla, ho! Allez-marchez! Разъ, два, три!

Фартуки фургоновъ отдернулись — и изъ нихъ стали выскакивать актеры, актерки, танцовщицы, цыгане, цыганки, карлики, негры, паяцы, фокусники и прочая артистическая сволочь. Всѣ они были съ измятыми, испитыми, подкрашенными и изрытыми слѣдами разгула и разврата физіономіями

Digitized by Google

и одѣты въ такіе пестрые и фантастическіе костюмы, что у глазѣющей толпы въ глазахъ зарябило. Они стали обдергивать свои платья, приглаживать свои прически, расправлять свои члены, зѣвая, фыркая, отплевываясь и хрустя суставами своихъ пальцевъ; нѣкоторые же стали тутъ же дѣлать гимнастическія упражненія, кувыркаться, ломаться, прыгать и пируэтировать.

— Марикита? Гдѣ же Марикита?—спросилъ Трамонтано, оглядывая свою команду и не находя главной примадонны. И, не ожидая отвѣта, онъ бросился къ одному изъ фургоновъ, вскочилъ въ него и черезъ минуту сталъ осторожно спускаться съ него, неся на рукахъ какую-то спящую красавицу съ классически правильнымъ, выразительнымъ и очень смуглымъ лицомъ, по всѣмъ видимостямъ—цыганку. Густые, длинные и черные какъ смоль волосы были распущены, ниспадая лоснящимися прядями на ея роскошный бюстъ, обхваченный лиловымъ спенсеромъ, вышитымъ шелками и блестками. Видно было, что эта спящая ноша очень дорога нашему импрессарію, потому что, ни у кого не прося помощи, онъ самъ понесъ ее по направленію къ «рынку». Команда и вся находившаяся здѣсь масса зрителей послѣдовала за нимъ. Лошади же и фургоны съ театральнымъ скарбомъ были отправлены въ замокъ.

Какъ только команда очутилась на «рынкѣ», предъ нею тотчасъ раскрылись настежь двери шинковъ, харчевень и вообще обывательскихъ домовъ, въ которые «комедіанты» вступили какъ старые и добрые знакомые, привѣтствуя домочадцевъ и называя каждаго по имени. На припечкахъ появились большіе треножники, а подъ ними огонь, а надъ ними горшки, кастрюльки и сковороды, въ которыхъ стали варить, жарить и печь соблазнительнѣйшія блюда и печенія. Около дорогихъ гостей завозились старъ и младъ, мужчины и женщины. Кто подавалъ умываться, кто держалъ на-готовѣ чистое полотенце, кто зеркальце, а кто чистилъ сапоги или очищалъ платья того или другого комедіанта. Словомъ, каждый взялся за работу и былъ доволенъ, что досталось ему какое нибудь занятіе, которое принесетъ ему какой нибудь грошъ мѣдный. Комедіанты же принимали оказываемыя имъ услуги какъ нѣчто имъ долж-

Digitized by Google

ное, ломались, привередничали, покрикивали, корча изъ себя пановъ, магнатовъ, привыкшихъ къ комфорту и роскоши, что выходило очень забавно. Евреи въ душѣ подсмѣивались надъ смѣшными претензіями этихъ голышей, людей большею частью безъ роду и племени, найденышей, забубенныхъ искателей приключеній, но съ виду суетились, лебезили, льстили, корча съ своей стороны покорныхъ и безотвѣтныхъ слугъ, такъ какъ каждому хотѣлось и крайне необходимо было что нибудь заработать, дабы не умереть съ голоду. Государственная, общественная и экономическая жизнь безпутной Рѣчи Посполитой была такъ устроена, что для средняго сословія, состоявшаго почти исключительно изъ евреевъ, не оставалось другого источника существованія, кромѣ подбиранія жалкихъ объѣдковъ, спадавшихъ со стола вельможныхъ и невельможныхъ пановъ, что сопряжено было съ униженіемъ, подобострастіемъ, подличаньемъ и коверканьемъ прямого человѣческаго характера. А ужъ о такомъ медвѣжьемъ углѣ, какъ Несвижъ, въ которомъ немыслима была торговля даже въ самомъ ограниченномъ смыслѣ, т. е. торговля для удовлетворенія маленькихъ потребностей самихъ евреевъ!—и говорить нечего. Не удивительно поэтому, что несвижскіе евреи, лишенные возможности питаться кое-какъ даже другъ отъ друга, не могли не унижаться даже предъ такими невѣроятными «панами», какіе обрѣтались въ цыганскомъ таборѣ синьора Трамонтано... Надобно однакоже отдать справедливость этимъ «панамъ»,—аппетитъ у нихъ былъ великолѣпный: менѣе, чѣмъ въ часъ, они истребили все, что съ утра наготовлено было съѣстного несвижскими евреями, не исключая и трехъ копъ сырниковъ шинкаря Пейсаха,—и требовали еще. И несвижскіе евреи уже хотѣли было начать опять сначала, но шульклепферы синагоги и бет-мидраша стали ходить по мѣстечку, провозглашая:

— Juden, in Schul a-rr-a-i-i-n!

Всѣ евреи и еврейки бросили свои занятія и поспѣшили въ синагогу на вечернюю молитву.

На слѣдующій день, сейчасъ послѣ утренней молитвы, въ «хедеръ-гакоголѣ» * опять происходило засѣданіе. На этотъ

* Кагальная изба.

Digitized by Google

разъ, кромѣ раввина и старѣйшинъ, на засѣданіи присутствовалъ и ребъ-Сахно. Дѣло шло объ установленіи церемоніала для торжественной встрѣчи дукеса при въѣздѣ его въ мѣстечко. Положено было устроить встрѣчу въ двухъ мѣстахъ: при въѣздѣ дукеса въ мѣстечко и при въѣздѣ его въ замокъ. На первомъ мѣстѣ дукеса встрѣтитъ раввинъ подъ балдахиномъ, со свиткомъ Торы въ рукахъ и окруженный всѣмъ духовнымъ клиромъ. Раввинъ провозгласитъ: «Борухъ габо!» * и вслѣдъ за тѣмъ хазанъ съ пѣвчими пропоетъ: «Ми шеборахъ!» **. На второмъ мѣстѣ, р. Сахно со старѣйшинами поднесетъ дукесу хлѣбъ-соль, при чемъ клезмеры *** будутъ играть «Шошанасъ Іаковъ». Для этой цѣли декретировали выписать изъ Мира тамошняго хазана съ его пѣвчими, такъ какъ Несвижъ со смерти своего послѣдняго хазана, р. Эйзера Файфіола, не могъ до сихъ поръ подобрать себѣ хазана по своему вкусу, и изъ Слонима—тамошнихъ клезмеровъ, умѣвшихъ играть не только на свадьбахъ, но даже «куранты». Расходы по этимъ предметамъ принялъ на себя р. Сахно, причемъ онъ намекалъ, что если мирскій хазанъ, который былъ не только отличнымъ пѣвцомъ съ замѣчательнымъ «горломъ», но и превосходнымъ «балъ-тефила» †, пожелаетъ и не будетъ слишкомъ дорожиться, то онъ его оставитъ въ Несвижѣ навсегда. Эта перспектива принята была собраніемъ съ восторгомъ и съ чувствомъ живѣйшей благодарности къ р. Сахно, который, какъ видно, ничего не пожалѣетъ для того, чтобы въ Несвижѣ былъ, наконецъ, хорошій хазанъ, какъ Богъ велѣлъ.

— По крайней мѣрѣ, мы услышимъ «Авойдо» ††,—говорили многіе, весело потирая руки въ предвкушеніи удовольствія отъ слушанія іом-кипурской обѣдни, въ которой мирскій хазанъ особенно отличался.

— Говорятъ,—замѣтилъ кто-то, — что когда онъ львинымъ голосомъ прорычитъ на всю синагогу: «Оно, гашемъ!», то стѣны

---

* Благословенъ грядущій.

** Многая лѣта.

*** Музыканты.

† Уставщикъ.

†† Обѣдня въ день отпущенія грѣховъ.

Digitized by Google

начинаютъ дрожать и, женщины на женской половинѣ падаютъ въ обморокъ отъ испуга.

Но установленіемъ церемоніала дѣло о встрѣчѣ дукеса еще не совсѣмъ было исчерпано. Еще подлежалъ разрѣшенію вопросъ: какъ членамъ кагала, да и вообще несвижскимъ евреямъ быть одѣтыми въ день пріѣзда дукеса, — въ праздничныя или будничныя одежды? Такъ какъ со вчерашняго дня начались три траурныхъ недѣли, а въѣздъ дукеса, можетъ быть, придется какъ-разъ на дни между *первымъ* и *девятымъ* числомъ Аба, когда даже въ субботу долженъ соблюдаться глубокій трауръ въ туалетѣ, то этотъ вопросъ былъ далеко не праздный, и многоученый раввинъ не мало поломалъ себѣ голову надъ отыскиваніемъ какого нибудь возможнаго компромисса.

— Вотъ что, раббойсай,—началъ онъ послѣ долгаго размышленія, — хотя, съ одной стороны, намъ извѣстно, что когда Александръ Македонскій приближался къ вратамъ Іерусалима, то первосвященникъ со всѣми священниками вышелъ къ нему на встрѣчу въ полномъ облаченіи, которое надѣвалось только при священной службѣ въ храмѣ,—слѣдовательно, не было бы большимъ грѣхомъ, если бы мы и нашего дукеса встрѣтили одѣтые по праздничному; но, съ другой стороны, мы не должны забывать, что нашъ дукесъ—все-таки не Александръ Македонскій. А потому мы такъ сдѣлаемъ: если онъ пріѣдетъ ночью, то мы будемъ въ нашихъ будничныхъ одеждахъ, потому что ночью не замѣтно, какая на тебѣ одежда; если же онъ пріѣдетъ днемъ, то мы изъ праздничныхъ одеждъ надѣнемъ только верхнія. «Штреймеля» * же ни въ какомъ случаѣ не надѣвать.

— Карпель!—обратился одинъ изъ старѣйшинъ къ стоявшему у дверей шамесу. — Ты слышишь, что говоритъ реббе? Ты объ этомъ сегодня же, при вечерней молитвѣ, объявишь всей кегилѣ съ ал-мемера **.

— Хорошо,—отвѣчалъ Карпель, — не надобно ли наклеить объявленія объ этомъ же на вратахъ синагоги и бетъ-мидраша?

---

* Праздничная шапка.

** Эстрада посреди синагоги.

Digitized by Google

— Пожалуй, можно и это.

Покончивъ совсѣмъ съ дѣломъ о встрѣчѣ, засѣдавшіе разошлись. Когда р. Сахно возвращался домой своею обыкновенною медленною походкою, онъ увидѣлъ издали своего мешуреса Янкеля, несшагося къ нему на встрѣчу на всѣхъ парахъ.

— Ты, Янкель, за мною?—громко опросилъ онъ мешуреса, когда тотъ еще находился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него.

— Да, хозяинъ,—отвѣчалъ мешуресъ, хватаясь за грудь и тяжело дыша.

— Чего же ты летишь, какъ чортъ? Что нибудь случилось?

— Не знаю, кажется, ничего,—отвѣчалъ мешуресъ, уже поровнявшись съ р. Сахно. — Но хозяйка погнала меня: бѣги, говоритъ, скорѣе, позови хозяина, чтобы онъ сію минуту пришелъ, потому очень нужно.

— Что за нужда?

— Комендантъ пришелъ и ждетъ васъ.

— И только? Тьфу!—замѣтилъ плюнувъ р. Сахно, и продолжалъ двигаться впередъ прежней медленной походкой, нисколько не прибавляя шагу.

Дома, въ своемъ кабинетѣ, онъ нашелъ пана Рейтана съ такимъ блѣднымъ и разстроеннымъ лицомъ, что сердце его невольно екнуло въ предчувствіи чего-то недобраго или опаснаго.

— Что это съ тобою, Феликсъ?—спросилъ онъ, подходя къ своему пріятелю ближе и заглядывая ему въ лицо. — Ты, кажется, разстроенъ.

— На, читай, — отвѣчалъ Рейтанъ односложно, подавая р. Сахно письмо и какъ снопъ повалившись въ близьстоявшее кресло.

Р. Сахно дрожащими отъ испуга руками развернулъ письмо и сталъ читать слѣдующее:

«Пане коханку! Побившись съ Сапѣгой объ закладъ, что я въ іюлѣ мѣсяцѣ сего года въѣду въ Несвижъ на саняхъ, предписываю и приказываю тебѣ, пане коханку, устроить ко времени моего пріѣзда хорошій санный путь отъ нашего фольварка «Млыны» до нашего замка. Если же ты этого не сдѣ-

Digitized by Google

лаешь, то клянусь тебѣ, пане коханку, Іисусомъ Христомъ и моимъ святымъ патрономъ, что я тебя изуродую, ни одного цѣлаго ребра не оставлю, потому что князю Радзивиллу остаться въ дуракахъ—вещь невозможная и немыслимая.

Радзивиллъ, dux».

— А, какъ тебѣ это нравится?—спросилъ Рейтанъ, когда р. Сахно окончилъ читать письмо.

— Онъ за-границей, какъ видно, уже совсѣмъ спятилъ съ ума,—отвѣчалъ р. Сахно, бросивъ на столъ письмо и начиная ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— А знаешь ли, Сахно, что я ему сдѣлаю?

— А что?

— Я подожгу замокъ со всѣхъ четырехъ концовъ и удеру за-границу, на край свѣта, — и пусть себѣ этотъ сумасбродъ въѣзжаетъ въ свои маетности хоть бы на спинѣ.

— Нѣтъ, Феликсъ, ты этого не сдѣлаешь. Зачѣмъ же болтаешь вздоръ? Подумаемъ лучше, что дѣлать.

— Да что тутъ думать? Если ты даже десять лѣтъ будешь думать, то снѣга и саннаго пути въ іюлѣ мѣсяцѣ не выдумаешь.

Тѣмъ не менѣе однакоже, р. Сахно пересталъ ходить по комнатѣ, подсѣлъ къ столу и, подперевъ руками голову и закрывъ глаза, сталъ думать.

— Ну, и думай себѣ. Увидимъ, что̀ твоя умная голова выдумаетъ,—сказалъ Рейтанъ, вставъ съ кресла. Онъ подошелъ къ угловому столику, взялъ трубку, набилъ ее и закурилъ.

Прошло минутъ семь или восемь. Р. Сахно открылъ глаза.

— Ну, что, хахамъ, ты что нибудь выдумалъ?—спросилъ Рейтанъ, иронически улыбаясь.

— Кажется, да,—отвѣчалъ р. Сахно, самодовольно поглаживая свою бороду.

— Ну, и выкладывай, что выдумалъ. Будемъ слушать.

— Ты только не смѣйся. Невозможнаго ничего нѣтъ, въ особенности же, если есть деньги.

— Изъ-за денегъ дѣло не станетъ: я двѣ бочки дукатовъ выкачу изъ княжеской кладовой.

— Этими дукатами мы и соорудимъ санный путь.

Digitized by Google

— Но гдѣ ты въ іюлѣ мѣсяцѣ возьмешь снѣгу?

— Развѣ для саннаго пути необходимо нуженъ снѣгъ?

— А то какъ же?

— А я думаю, что вмѣсто снѣга можно взять соль.

— Соль?—переспросилъ Рейтанъ, подумавъ съ секунду. — Положимъ, что и изъ соли можно, но гдѣ ты возьмешь столько соли? Не забудь, что отъ Млыновъ до замка — хорошая миля.

— Во первыхъ, большіе запасы соли есть въ разныхъ мѣстахъ у меня самого. А во вторыхъ, еще большіе запасы, какъ мнѣ извѣстно, есть въ Гроднѣ, у подскарбія Тызенгаузена. Я къ нему съѣзжу и попрошу и надѣюсь, что онъ мнѣ не откажетъ, потому что въ лѣтніе мѣсяцы работа на его фабрикахъ и заводахъ пріостанавливается, и соль ему ненужна. А къ осени я ему его соль возвращу сполна. Его же и моихъ запасовъ хватитъ хоть на двѣ мили саннаго пути. Ну, что скажешь на это?

— А вотъ что скажу, — отвѣчалъ Рейтанъ, подумавъ немного, — ты свое дѣло дѣлай, и я радзивилловскихъ дукатовъ жалѣть не буду и на работу выгоню хоть бы тысячу хлоповъ. Но отвѣтственности не беру на себя никакой. То есть, когда увижу, что дѣло не выгораетъ, то, вмѣсто саннаго пути, устрою нашему рехнувшемуся принципалу такую иллюминацію, такой фейерверкъ, что небу будетъ жарко!... Вотъ и весь мой сказъ.

— Ну, ну, до этого дѣло не дойдетъ,—проговорилъ р. Сахно, потрепавъ своего друга по плечу. — Все обойдется, какъ слѣдуетъ. Потѣшимъ князя, — что-жъ дѣлать? На то онъ и Радзивиллъ и мы хлѣбъ его ѣдимъ. Я этого никогда не забываю, не забывай и ты.

Л. Левицкій.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ПОЭТЪ И КУПЕЦЪ.

РОМАНЪ БЕРТОЛЬДА АУЕРБАХА.

IX.

Файльхенъ.

Когда Лессингъ скоро послѣ того явился съ визитомъ въ домъ Моисея Даніила, Ефраимъ представилъ его сестрѣ, какъ „тезку и брата о Аполлонѣ“ и при этомъ интимно потрепалъ его по плечу.

Ефраимъ зналъ только двѣ манеры обхожденія съ людьми: или сдержанную и холодную, или совершенно фамильярную. Этотъ недостатокъ вы встрѣтите у большинства людей, живущихъ въ замкнутомъ кругу, и особенно у большинства евреевъ, которые недавно вступили въ болѣе широкую житейскую среду. Отчасти ихъ горячая кровь и живая подвижность причиною тому, что какъ скоро упали первые предѣлы общественныхъ приличій, они кидаются въ другую крайность — рѣзкой интимности; отчасти они привыкли къ этому обхожденію, потому что до тѣхъ поръ вели компанію только съ евреями, съ которыми ихъ связывала непосредственная фамильярность и гдѣ не зачѣмъ было имъ соблюдать разныя общественныя формы и условія. Наконецъ это, можетъ быть, происходитъ и отъ того, что извѣстная сердечность, не знающая никакихъ формалистическихъ ограниченій, составляетъ отличительную черту еврейскаго характера. Та высшая третья ступень, на которой нестѣсняемая ничѣмъ сила духа и любви можетъ свободно

Digitized by Google

развиваться, не выходя за предѣлы общественныхъ законовъ, можетъ быть результатомъ только усовершенствованной общественной жизни.

Но Файльхенъ составляла прямую противоположность своему брату. Она стояла передъ Лессингомъ робко и съ опущенными глазами; только въ тѣ минуты, когда онъ не смотрѣлъ на нее, ея взоры останавливались съ тихою отрадой на его благородныхъ чертахъ... По его просьбѣ она со всею задушевностью своей дѣтской любви разсказала ему объ отцѣ и матери, остановившись особенно подробно на первомъ,—и такимъ образомъ первая встрѣча Лессинга и этой дѣвушки произвела на обоихъ самое отрадное впечатлѣніе...

Однажды Лессингъ сидѣлъ съ нею наединѣ; разговоръ у нихъ шелъ о благодѣтельномъ или неблагодѣтельномъ дѣйствіи, которое оставляетъ въ чуждыхъ другъ другу людяхъ первое знакомство между ними. Файльхенъ утверждала, что вѣрнѣйшимъ чутьемъ въ этомъ отношеніи обладаютъ дѣти, съ первой же минуты знающія, кто ихъ любитъ, кто нѣтъ, и что это дѣтское чутье можно сохранить въ себѣ и въ позднѣйшемъ возрастѣ. По ея мнѣнію, послѣдняя инстанція—чувство, на которую не можетъ уже быть аппеляціи, становится въ этомъ случаѣ инстанціею первою, и чувство одерживаетъ прекрасную побѣду тѣмъ, что своимъ здоровымъ взглядомъ познаетъ больше, чѣмъ разумъ — своими микроскопами и подзорными трубами.

Многозначительная улыбка играла на губахъ Лессинга, когда онъ возражалъ:

— Вы очищаете плодъ древа жизни отъ его румяной, свѣжей кожицы, и забываете, что подъ нею есть еще одна—затѣненная. Будь впечатлѣніе первой встрѣчи всегда благопріятное, съ вашимъ мнѣніемъ можно бы, пожалуй, согласиться; но подумайте о тѣхъ прихотливыхъ предубѣжденіяхъ, которыя часто вызываются самыми мелочными обстоятельствами; о нашемъ дурномъ настроеніи въ данную минуту, которое мы часто переносимъ на появляющагося въ это время незнакомаго человѣка; наконецъ, на стѣсненіе этого незнакомаго, быть можетъ, имъ самимъ не сознаваемое и которое не позволяетъ ему свобод-

Digitized by Google

но выказать себя въ своемъ надлежащемъ свѣтѣ. Что касается меня, то въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, впервые знакомящійся со мной, внушаетъ мнѣ такъ называемую идіосинкразію или необъяснимую антипатію, я употребляю всѣ усилія обращаться съ нимъ какъ можно ласковѣе и предупредительнѣе. Благодаря этому пріему моему, и онъ обнаруживаетъ предо мной свою лучшую сторону, которая есть въ каждомъ человѣкѣ, и я такимъ образомъ, чрезъ свою собственную силу воли, а не посредствомъ неопредѣленной чувствительности, пріобрѣлъ себѣ человѣка, котораго могу любить.

— Ахъ, вы божественно милы и добры!—воскликнула Файльхенъ.

До тѣхъ поръ, пока особенности еврейской жизни не поглотятся вполнѣ жизнью всего остального человѣческаго общества, — всякій разговоръ съ евреемъ, заведенный на общую тему, будетъ весьма легко принимать спеціально-еврейскій характеръ, такъ какъ эту точку зрѣнія евреи рѣдко теряютъ изъ виду. Отчасти невольно, отчасти съ намѣреніемъ дать своему неосторожному восклицанію иное значеніе, Файльхенъ разсказала Лессингу, что она выучилась нѣмецкой грамотѣ по его комедіи „Евреи“ и въ заключеніе спросила:

— Вы, конечно, никогда не были предубѣждены противъ евреевъ?

— Вы ошибаетесь,—отвѣчалъ онъ;—ни одно изъ тѣхъ предубѣжденій противъ евреевъ, которыя поселяются въ насъ воспитаніемъ и исторіею, не осталось чуждымъ мнѣ. Вообще я неохотно говорю о томъ, что меня касается, но вамъ считаю возможнымъ объясниться. Сперва я постарался освободить себя отъ стѣсненій, налагаемыхъ моимъ сословіемъ, и сдѣлалъ это по своему въ комедіи „Ученый“. Затѣмъ я пошелъ дальше — постарался освободить себя и отъ стѣсненій моего вѣроисповѣданія и доказать, что высшая добродѣтель независима отъ какихъ бы то ни было положительныхъ догматовъ; отсюда возникла комедія „Евреи“. Все, что мы дѣлаемъ хорошаго — хотя бы ближайшимъ поводомъ въ этомъ случаѣ бывали мы сами,—становится благотворнымъ и для другихъ. Послѣ того какъ совершилось мое знаком-

Digitized by Google

ство съ евреями, я убѣжденъ, что всѣ юдофобы, знай они этотъ народъ, смотри они здравыми глазами на его прошлое и настоящее, любили бы и почитали его какъ остальныхъ людей. У евреевъ есть добродѣтель, которую они практикуютъ съ неизмѣнною устойчивостью: они благодарны за всякое проявленіе благосклонности христіанина, за всякое его благодѣяніе — и никогда не забываютъ этого. Я учусь подражать имъ. За мое стремленіе къ свободѣ я получалъ уже неоднократно награду, — продолжалъ Лессингъ и взявъ руку Файльхенъ, она задрожала въ его рукѣ, но дѣвушка не посмѣла ее выдернуть; — безъ этой свободы мнѣ никогда бы не выпало на долю пріобрѣсти такого милаго и прелестнаго друга.

Файльхенъ опустила глаза, и Лессингъ сердечно поцѣловалъ ее въ губы, не сопротивлявшіяся ему. Файльхенъ вздрогнула, закрыла лѣвою рукой глаза, а правою крѣпко сжала руку своего собесѣдника. Наступило глубокое молчаніе...

— Вы, стало быть, любите меня? — прошептала наконецъ дѣвушка, все еще не отнимая руки отъ глазъ.

Въ Лессингѣ вдругъ пробудилось сознаніе того, что здѣсь произошло; онъ увидѣлъ раздутое имъ пламя; играть высочайшимъ и священнѣйшимъ чувствомъ любви, низводить его на степень легкой шалости — было совсѣмъ не въ правилахъ такого благороднаго человѣка, какъ Лессингъ. Въ томительномъ молчаніи стоялъ онъ передъ нею и наконецъ придумалъ фразу:

— Я люблю красоту, но люблю и правду, и поэтому долженъ вамъ сознаться...

— О, вы чудесный человѣкъ! — перебила Файльхенъ; — это добровольное сознаніе, что вы меня не любите, заставляетъ меня только — если это возможно — любить васъ еще больше. Не бойтесь, не бойтесь за меня; все это говоритъ вамъ совсѣмъ иная, не я. Говорю не я, говоритъ христіанка — графиня. Мое единственное желаніе — существовать на землѣ, если бы это было возможно, въ двойномъ видѣ: во первыхъ, въ моемъ настоящемъ, такъ какъ иначе вѣдь быть не можетъ, т. е. забитою, без-

Digitized by Google

конечно тоскующею, запертою въ четырехъ стѣнахъ, однимъ словомъ— еврейскою дѣвушкой; а во вторыхъ — христіанкою-графиней, свободной, смѣлой и блестящей, полною радостной отваги, высоко образованною, для того, чтобы я могла наполнить все ваше существованіе. Какъ носилась бы я съ вами на конѣ по полямъ и лѣсамъ, какъ входила бы съ вами въ блестящія залы, какъ сидѣла бы подлѣ васъ у скромнаго очага! Но мой взглядъ всюду говорилъ бы вамъ, что душа моя пустила корни въ вашей—прочно, глубоко, навѣки. Ахъ, не могу я выразить все, чего хотѣла бы, я и безъ того слишкомъ много говорю; но одно знаю: только хотѣлось бы имѣть сердце мое въ другой оболочкѣ — я сдѣлала бы васъ такимъ счастливымъ, какимъ не былъ еще ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ, я любила бы васъ, какъ Бога... Но Богъ не любитъ насъ, Онъ не хочетъ, чтобы земное созданіе было вполнѣ счастливо...

Файльхенъ въ изнеможеніи опустилась на стулъ, подперла рукою голову и громко зарыдала.

— Любезный другъ,—сказалъ Лессингъ съ теплымъ участіемъ,— мнѣ не зачѣмъ объяснять вамъ, что я чувствую. На томъ пунктѣ, къ которому мы пришли, становится уже лишними слова соединенія, нужны только слова нѣжной развязки и соглашенія...

— И ихъ не нужно! вскричала Файльхенъ, стремительно вскочивъ съ мѣста, съ просвѣтленнымъ лицомъ, съ слезами, висѣвшими на ея рѣсницахъ точно капли росы... Но глаза ея блестѣли ярко, какъ солнце послѣ грозы, она раскрыла объятія и заключила въ нихъ Лессинга, поцѣловала его въ глаза и губы и крикнувъ: „прощай, навѣки прощай!“ съ рыданіемъ оторвалась отъ него...

Въ эту минуту постучались въ двери, и въ комнату вошла Тайбхенъ-Теодолинда... Файльхенъ быстро оправилась и представила нѣвѣсткѣ Лессинга; та крайне обрадовалась, что видитъ предъ собою знаменитаго „Auteur“ и принялась расхваливать его сочиненія... Но онъ скоро откланялся — и при прощаніи съ Файльхенъ они пристально

Digitized by Google

взглянули другъ другу въ глаза, взглянули въ послѣдній разъ въ жизни...

Послѣ ухода Лессинга, Файльхенъ нѣсколько минутъ сидѣла молча около своей невѣстки и терла виски „левантскою водой“ подъ предлогомъ головной боли.

— Entre nous soit dit, — сказала Теодолинда, — мнѣ кажется, ты влюблена въ секретаря; надо сознаться, что у него очень интересный air!

Файльхенъ улыбнулась.

— Какъ ты можешь думать, что я влюбилась въ христіанина?

— Pourquoi pas?—замѣтила Теодолинда;—я въ твоемъ position нисколько не колебалась бы сдѣлаться христіанкой... Вѣдь ты можешь тогда выдти за любого офицера, и представь только себѣ—вдругъ ты госпожа капитанша или госпожа маіорша! Ахъ, это такое блаженство, отъ котораго умереть можно!..

Рѣчь Теодолинды была прервана приходомъ дяди Файльхенъ, арендатора монетнаго двора, Фейтеля Ефраима, представлявшаго изъ себя живую счетную машину, циферблатъ которой, т. е. лицо, показывалъ только заработанные проценты. Онъ явился съ предложеніемъ племянницѣ жениха.

— Вѣдь ты умѣешь, — спросилъ онъ послѣ объявленія объ этомъ, — хорошо читать и писать по-нѣмецки?

— Конечно,—отвѣчала Файльхенъ;—желаете, чтобы я прочла вамъ дѣловое письмо?

— Нѣтъ, на этотъ разъ не нужно, но я поздравляю тебя, ибо въ такомъ случаѣ наше дѣло благонадежно, какъ трижды обезпеченная закладная. Твой женихъ желаетъ par tout взять дѣвушку, умѣющую читать и писать по-нѣмецки; именно потому, что онъ самъ ничего не смыслитъ, ему нужна жена, которая разбирала бы его дѣловыя письма. Денегъ у него куры не клюютъ, ибо это—Герцъ Мозесъ Гелфтъ, дядя котораго, Леви Гумперцъ, былъ самымъ первымъ человѣкомъ уже при покойномъ королѣ. Тебѣ нечего долго думать, у тебя на спинѣ уже цѣ-

Digitized by Google

лая четверть вѣка, и съ каждымъ лишнимъ годомъ, который ты проведешь въ дѣвичествѣ, цѣна твоя будетъ падать на пятьдесятъ процентовъ.

Файльхенъ не возразила ни слова, но когда всѣ разошлись, она заперлась въ своей комнатѣ и съ крикомъ отчаянія бросилась на постель. Вся прожитая ею жизнь прошла теперь мимо ея, какъ смутный сонъ, и когда встало передъ ней свѣжее воспоминаніе о только что промелькнувшихъ минутахъ, она громко, горько заплакала. „Прощай, прощай, навѣки! — повторяла она, видя въ глубинѣ своей души его образъ; — прощай, счастье любви!.. Господи! Небесный Отецъ мой! Возьми меня къ себѣ, пошли своего ангела смерти и освободи меня, сжалься надо мною!“

. . . . . .

Родные все больше и больше приставали къ ней съ увѣщаніями выйти за Герца Гелфта; они такъ упрашивали ее, такъ ставили на видъ, что хлопочутъ въ этомъ случаѣ только о ея счастіи, что она была глубоко тронута этимъ участіемъ и отъ всей души желала угодить этимъ добрымъ людямъ... Ефраимъ тоже уговаривалъ сестру, но въ то же время умолялъ ее не насиловать своего чувства: пусть повидаетъ жениха, пусть поближе узнаетъ его, чтобы потомъ и самой не дѣлать себѣ упрековъ и не слышать ихъ отъ другихъ. Фейльхенъ согласилась.

Когда при первомъ свиданіи съ женихомъ, ихъ оставили однихъ, она задрожала всѣмъ тѣломъ. Онъ подошелъ къ ней и повелъ разговоръ о батистовомъ платкѣ, который она въ это время обрубала; затѣмъ онъ сталъ разсказывать о Берлинѣ, о томъ насколько этотъ городъ громаднѣе ихъ Бреславля. Файльхенъ ободрилась, спросила молодаго человѣка о его родителяхъ и семьѣ, и онъ съ трогательною задушевностью говорилъ о своей доброй матери. Файльхенъ легче вздохнула, подумавъ, что кто способенъ на такую сыновнюю любовь, тотъ, конечно, добрый человѣкъ... Слушая эти задушевныя слова, она ясно сознавала только одно — что міръ еще не такъ мраченъ и пустыненъ, какъ ей казалось, что были въ немъ еще люди, способные сжалиться надъ ея пе-

Digitized by Google

чальнымъ существованіемъ; глаза ея открылись для свѣта и для жизни...

Три дня спустя, Файльхенъ сдѣлалась невѣстою Герца Гелфта. Она прямо созналась ему, что не любитъ его, но употребитъ всѣ усилія, чтобы жить съ нимъ мирно и оставаться вѣрною своимъ супружескимъ обязанностямъ. Не возразивъ ни однимъ словомъ на это признаніе, женихъ съ улыбкою повѣсилъ на ея шею прекрасную золотую цѣпь...

Въ тотъ самый день, когда совершилось обрученіе Файльхенъ, Хаимъ и Тайбхенъ были безъ огласки окрещены въ христіанскую вѣру въ одной деревнѣ около Бреславля. Хаимъ получилъ имена Христіана-Ахиллеса-Готфрида, а Тайбхенъ—Маріи-Христины-Теодолинды.

X.

Филиппина.

Файльхенъ была создана для мирно созерцательной, почти монашеской жизни, а ей привелось сдѣлаться еврейскою торговою женщиной... Какое громадное разстояніе между двумя этими положеніями!.. Когда, однако, ее стали одѣвать къ вѣнцу, ей показалось, что эта церемонія похожа на постриженіе въ монахини. На нее надѣли саванъ съ черными кружевными рукавчиками; лучшее украшеніе ея — роскошные темные волосы—были безжалостно обрѣзаны и кончики связаны бѣлой лентой; на голову ей надѣли бѣлый кружевной чепчикъ, и съ этихъ поръ ни одинъ волосокъ ея—какъ это предписывается монахинямъ,—не долженъ былъ выходить наружу, ибо „щегольство волосами—для женщины безстыдство“ — говорятъ вавилонскіе талмудисты. Слезы сверкнули въ глазахъ Файльхенъ, когда она увидѣла въ зеркалѣ свое лицо въ такомъ обезображенномъ видѣ; знай она, какъ въ другой комнатѣ дома ея женихъ спорилъ съ ея дядей по поводу еще не вполнѣ совершившейся выдачи ему ея приданаго, бѣдная заплакала бы еще горше...

Свадьба Файльхенъ была отпразднована въ нѣмецкой Лиссѣ, ма-

Digitized by Google

ленькомъ городкѣ, всего въ нѣсколькихъ часахъ отъ Бреславля; свадебный обѣдъ происходилъ въ трактирѣ одного христіанина. Здѣсь хозяйка познакомила гостей съ одной мѣстной поэтессой-импровизаторшей, которая въ молодости пасла коровъ, потомъ вышла за человѣка, скоро бросившаго ее, а въ настоящее время была замужемъ за портнымъ Каршемъ и жила въ сосѣдней деревнѣ, крайне удрученная своимъ положеніемъ какъ нравственнымъ, такъ и матеріальнымъ. Свою печальную исторію она разсказала Ефраиму, сразу сблизившемуся съ нею, какъ съ необычайною натурою...

Когда они разстались, Ефраимъ вышелъ въ садъ, находившійся за трактиромъ, гдѣ происходилъ свадебный обѣдъ. Былъ прекрасный осеній вечеръ, луна плыла по небу въ полномъ блескѣ... Онъ смотрѣлъ вверхъ на вѣчныя звѣзды, онъ смотрѣлъ внизъ, въ сокровенную глубину своей души. Вдругъ въ церкви тихаго городка раздался вечерній звонъ, призывавшій къ молитвѣ. Евраимъ невольно снялъ шляпу и сказалъ Тому, Кто живетъ надъ звѣздами и въ глубинѣ человѣческой души: „Господи! На прекрасной землѣ Твоей много бѣдствія и грѣха— и я грѣшенъ, какъ другіе; Господи, дай мнѣ найти ту, которая принесетъ мнѣ и жизнь и любовь; видишь, сердце мое полно любви; дай мнѣ жену, которую Ты сотворилъ для меня, прежде чѣмъ я стану искать ее на ложныхъ путяхъ, съ опасностью сбиться съ дороги". Онъ стоялъ, спокойно прислонившись къ дереву, взглядъ его блуждалъ по безпредѣльному пространству, и сомнѣніе, точно зеленая ящерица съ умными глазенками, начало пробираться по цвѣтамъ его вѣры и его любви, потому что онъ думалъ: что дѣлать любви на этой землѣ, гдѣ все вертится вокругъ своей собственной оси — эгоизма!..

Вдругъ ему показалось, что голосъ какого-то ангела окликнулъ его по имени; онъ провелъ рукою по лбу, какъ будто желая отогнать видѣніе, но окликъ повторился нѣсколько разъ — и каждый разъ ближе, каждый разъ милѣе. Наконецъ предъ нимъ очутилась Филиппина, тринадцатилѣтняя дочь его дяди Авраама, сообщившая ему, что его ждутъ, чтобы ѣхать домой.

Digitized by Google

Ефраимъ положилъ руку на голову ребенка, черныя кудри котораго ниспадали до плечъ; онъ поднялъ къ небу взглядъ, полный благодарности и раскаянія, потомъ наклонился къ дѣвочкѣ, весело и невинно смотрѣвшей на него, и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Хочешь быть моей невѣстой?—спросилъ онъ, и она отвѣчала:

— А получу я такую чудесную цѣпочку, и такія лакомства, какъ тѣ, что далъ твоей Файльхенъ ея женихъ?

— Еще въ тысячу разъ чудеснѣй и слаще,—отвѣчалъ онъ, и они вернулись домой.

Ефраимъ ѣхалъ обратно въ одномъ экипажѣ съ дядей Авраамомъ, его женой и маленькой Филиппиной.

— Тебѣ бы тоже пора подумать о женитьбѣ,—сказалъ Авраамъ племяннику.

— Я ужъ нашелъ себѣ жену, — отвѣчалъ Ефраимъ и указалъ на Филиппину. Авраамъ улыбнулся, потому что счелъ это за шутку, но умная жена его мысленно разочла, что Филиппинѣ черезъ три года исполнится шестнадцать лѣтъ, а въ эту пору и она сама вышла замужъ...

Ефраимъ, при своей непрерывавшейся склонности къ Филиппинѣ, руководился самыми благородными побужденіями: онъ хотѣлъ воспитать себѣ жену — чистою, свободною и свѣжею, онъ хотѣлъ уже въ ранніе годы ея ознакомить ея сердце и глаза съ тончайшими житейскими отношеніями, хотѣлъ, чтобы ея юность перешла въ болѣе зрѣлый возрастъ сознательно и разумно... Но, не смотря на всѣ усилія, ему все-таки не удавалось направить ея умъ и чувства такъ, какъ ему хотѣлось бы этого. Легкомысленная и своенравная натура этой дѣвушки часто вдругъ опрокидывала его идеалы, которые онъ создавалъ такъ тщательно, эластичность ея заставляла безслѣдно отскакивать и пропадать его увѣщанія и совѣты... Эти результаты часто приводили его въ крайнее отчаяніе, потому что въ эту пору онъ былъ вдвойнѣ раздражителенъ и раздраженъ.

Ему шелъ уже тридцатый годъ, а онъ еще продолжалъ думать, что попалъ не на свою дорогу. Жизнь въ купеческой средѣ представлялась

Digitized by Google

еще противорѣчащей кореннымъ свойствамъ его натуры, такъ какъ онъ находилъ въ этой послѣдней всѣ задатки ученаго, переставъ смотрѣть на себя, какъ на народнаго поэта, потому что ему только рѣдко удавалось „убѣгать въ царство поэзіи“. Теперь приходилось ему отказаться и отъ любви. Онъ желалъ научить Филиппину презирать этотъ міръ, полный ненависти и нелѣпостей, и находить единственное возмѣщеніе въ его любви; но Филиппина оставалась совершенно безпечною и слышать даже не хотѣла, что міръ такъ скверенъ, — а жизнь еврейской дѣвушки представлялась ей нисколько не бѣдственнѣе и печальнѣе жизни всякаго другого человѣка...

Итальянскія пѣсни, которыя Филиппина пѣла веселымъ и свѣжимъ голосомъ подъ акомпаниментъ лютни, были еще почти единственною вещью, дѣлавшею для Ефраима общеніе съ нею пріятнымъ. И когда дѣвушка замѣчала въ немъ недовольство и огорченіе, она незамѣтно переходила въ минорный тонъ и начинала пѣть любовную пѣсню, полную трогательной задушевности; тогда ему становилось хорошо и привольно, потому что онъ говорилъ себѣ, что человѣкъ, у котораго изъ души могутъ вырываться такіе звуки, долженъ быть существомъ далеко не поверхностнымъ... Но черезъ нѣсколько минутъ ея своенравная натура одерживала верхъ, и она нерѣдко принималась пародировать то, что сама же только что пропѣла...

Когда Ефраимъ серьезно передавалъ ей свои мысли и свѣдѣнія, она часто притворялась непонимающею его; когда въ разговорѣ онъ хотѣлъ сообщить ей тотъ или другой новый взглядъ на вещи, она быстро переходила къ другому предмету... И чувство скорби и недовольства грызло душу Ефраима. Оставаясь наединѣ съ собой, онъ часто по цѣлымъ часамъ припоминалъ всѣ подробности своихъ бесѣдъ съ Филиппиной, здоровость и свѣжесть ея натуры становилась для него все яснѣе и яснѣе, каждый разъ, какъ онъ шелъ къ ней, сердце у него сильно билось, и каждый разъ уходилъ онъ оттуда грустный, недовольный— для того, чтобы на слѣдующій день переживать тѣ же надежды и тѣ же разочарованія.

Digitized by Google

Для человѣка, обладающаго нѣкоторымъ умственнымъ богатствомъ и живущаго при этомъ въ узкомъ, ставящемъ на первомъ планѣ денежные интересы кругу, нѣтъ ничего легче, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ничего опаснѣе, какъ прослыть между окружающими его людьми выдающимся умомъ, геніемъ и присвоить себѣ общественныя верховныя права такого положенія. Какъ только Ефраимъ, внутренно сознавъ свои высшія стремленія, преодолѣлъ первоначальныя насмѣшки надъ своими непрактическими наклонностями и дѣйствіями, онъ началъ находить даже удовольствіе въ этомъ противорѣчіи своемъ съ окружающей обстановкой и умышленно выставлялъ его наружу какъ можно рѣзче. Онъ любилъ, когда его называли непрактичнымъ, эксцентричнымъ, мечтателемъ; въ этихъ случаяхъ, онъ безмолвно улыбался, потому что видѣлъ тутъ только подтвержденіе того, чѣмъ онъ гордился. Часто приходилъ онъ въ комнату къ Филиппинѣ, быстро сбрасывалъ плащъ и шляпу и или задумчиво садился въ уголъ, или тревожно бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, теребя руками волосы; когда Филиппина скромно спрашивала его о причинѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ: — Оставь, я взволнованъ, это пройдетъ само собой.

Однажды въ сумерки, когда онъ явился къ Филиппинѣ въ такомъ состояніи, она прокралась къ стулу, на который былъ брошенъ его плащъ, завернулась въ него и принялась бѣгать по комнатѣ, теребя свои волосы и восклицая: „Оставьте меня, я взволнованъ, я глу...боко взволнованъ!“ Она исполнила это съ такой неподражаемой граціозностью, ея вполнѣ развитое тѣло двигалось такъ гармонично и смѣло, на плутовскомъ личикѣ играла такая милая улыбка, что всякій другой съ восторгомъ обнялъ бы ее. Но Ефраимъ смотрѣлъ холодно и сердито. Филиппина тихо сняла плащъ, но съ этого часа она навѣки разъединилась съ Ефраимомъ, она поняла, что онъ не хочетъ признавать то, что составляетъ неотъемлемую принадлежностью ея натуры, и поставилъ себѣ цѣлью тиранически передѣлать ее по собственнымъ желаніямъ. Насмѣшки и маленькія ссоры, которыя съ этихъ поръ не прекращались

Digitized by Google

между ними, все болѣе и болѣе отдаляли ихъ другъ отъ друга, и наконецъ Ефраимъ совсѣмъ отретировался.

XI.

Практическая и непрактическая голова.

Ефраимъ твердо рѣшился оставить дѣловую жизнь и вполнѣ пользоваться своимъ досугомъ. Онъ отказался отъ надежды построить себѣ свой собственный семейный очагъ на прочномъ фундаментѣ любви; зарабатывать еще больше денегъ, чѣмъ уже было у него, онъ считалъ лишнимъ, такъ какъ его состоянія оказывалось совершенно достаточнымъ для удовлетворенія его нуждъ и потребностей. Лессингъ посовѣтовалъ ему хорошо ознакомиться съ правилами нѣмецкаго стихосложенія, и Ефраимъ, проведя день за счетомъ денегъ, взвѣшиваніемъ и контролированіемъ, вечеромъ совершалъ тѣ же операціи съ слогами и стопами.

Подъ предлогомъ болѣзни онъ первоначально просидѣлъ въ своей комнатѣ нѣсколько дней. Послѣ очень большихъ и тщетныхъ усилій онъ кое-какъ сфабриковалъ, съ строгимъ соблюденіемъ правилъ, нѣчто въ родѣ оды къ Богу, къ веснѣ, къ собственному своему духу. Это произведеніе и нѣкоторыя изъ прежнихъ стихотвореній своихъ онъ снесъ къ Лессингу. Тотъ высказалъ нѣсколько теоретическихъ взглядовъ и потомъ сказалъ:

— Я уже при первомъ свиданіи нашемъ сказалъ вамъ, что нахожу ваше поэтическое дарованіе особенно пригоднымъ для эпиграммы. Подъ эпиграммою я понимаю такое стихотвореніе, въ которомъ, по смыслу самаго слова, вниманіе и любопытство возбуждены и болѣе или менѣе прикованы тѣмъ или другимъ предметомъ и затѣмъ разомъ находятъ себѣ удовлетвореніе... И вамъ слѣдуетъ относиться съ большею благодарностью къ этой способности вашей, усерднѣе утилизировать ее.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ былъ прерванъ появленіемъ Фейтеля, дяди Ефраима.

Digitized by Google

— Вы, пожалуйста, не испортите мнѣ моего племянника—еще больше,—шутливо сказалъ Фейтель Лессингу во время бесѣды; — онъ и безъ того такой непрактическій человѣкъ и полу-ученый. Христіанинъ пусть себѣ будетъ ученый, сколько ему угодно, — ему что! Ученость ему нисколько не мѣшаетъ пользоваться почетомъ. А еврей, коли у него нѣтъ денегъ и онъ ихъ не зарабатываетъ — нуль. Единственный практическій ученый, какого мнѣ привелось встрѣтить въ жизни — Вольтеръ.

— Какимъ это образомъ? — спросилъ Лессингъ.

— Какимъ образомъ? Такимъ, что онъ собралъ себѣ много денегъ — значитъ, практическій человѣкъ... Да, голова самая спекулятивная! Онъ вѣдь хотѣлъ саксонскими ассигнаціями и фальшивыми брилліантами надуть даже Авраама Гирша *, — но какъ эти господа ни хитры, а еврей ихъ вдесятеро хитрѣе. Гдѣ дѣло коснется торговли, тамъ имъ съ евреемъ и тягаться не слѣдуетъ.

Ефраимъ изорвалъ въ мелкіе куски бумажку, бывшую у него въ рукѣ, и до крови закусилъ губы; отвратительное кичливое самодовольство, съ которымъ многіе торговые люди противопоставляютъ себя людямъ непрактическимъ и фантазерамъ — какъ они называютъ всякаго съ идеальными стремленіями — рѣзко бросилось ему въ глаза; онъ отчаялся въ духовномъ возвышеніи евреевъ, такъ какъ видѣлъ, что всѣ ихъ мысли и поступки направлены только къ матеріальной прибыли.

Онъ боялся, чтобы не поколебалось доброе отношеніе къ евреямъ Лессинга и, когда дядя ушелъ, Ефраимъ спросилъ:

— Какого вы мнѣнія о евреяхъ?

— Вы хотите спросить,—отвѣчалъ Лессингъ,—какого я мнѣнія о вашемъ дядѣ? Превосходство человѣка передъ животнымъ ставятъ въ томъ, что человѣкъ — единственное животное, имѣющее разумъ и большой палецъ. Вашъ дядя пользуется своимъ человѣческимъ

---

* Извѣстная исторія съ Вольтеромъ, надѣлавшая много шуму (Вольтеръ въ то время жилъ въ Берлинѣ при дворѣ Фридриха Великаго)—и до сихъ поръ еще недостаточно разъясненная. *Перев.*

Digitized by Google

разумомъ для очень умныхъ торговыхъ спекуляцій, а своимъ большимъ пальцемъ—для того, чтобы весьма усердно считать деньги. Такое употребленіе человѣческихъ превосходствъ вы найдете у тысячи людей самыхъ различныхъ вѣроисповѣданій. Но для стихотворенія вашего жанра, т. е. эпиграммы, характеры этого рода могутъ быть въ высшей степени пригодны.

— Нѣтъ, мой дядя возмущаетъ и огорчаетъ меня каждый разъ, какъ я вступаю съ нимъ въ споръ.

— Такъ оставьте его въ покоѣ, — замѣтилъ съ улыбкой Лессингъ.—Старый законъ чести давно требуетъ, чтобы люди сражались только одинаковымъ оружіемъ. Переносите это правило сколь возможно больше и на диспуты въ области ума...

Ефраимъ самодовольно улыбнулся, увидѣвъ въ этомъ совѣтѣ въ то же время и похвалу для себя. Домой онъ пошелъ успокоенный и веселый, потому что черезъ посредство Лессинга онъ сталъ ближе къ дѣйствительной жизни и въ то же время получилъ отъ него поэтическій панцырь, долженствовавшій защищать отъ всѣхъ ударовъ и стрѣлъ обыденности.

Дома онъ сшилъ себѣ тетрадь, написалъ на ней очень красивыми литерами «Эпиграммы» и въ видѣ эпиграфа сочинилъ тутъ же стихи: „Къ глупцамъ“.

„Gegründet ist die Leinewand,
Den Pinsel hab'ich in der Hand.
Kommt, Thoren, lasst euch malen!
Ihr braucht mir nichts zu zahlen“ *.

Это стихотвореніе привело его въ восторгъ: онъ думалъ, что наконецъ нашелъ тотъ родъ поэзіи, въ которомъ заключается и свѣтъ, и радость. Какъ разъ въ это время пришелъ къ нему дядя Фейтель, съ сообщеніемъ, что онъ взялъ отличный подрядъ и по этому поводу провелъ почти цѣлый часъ у короля, съ которымъ переговорилъ о всевоз-

* Т. е.: Полотно готово, кисть у меня въ рукѣ; приходите, глупцы, я буду писать съ васъ портреты; платы не нужно.

Digitized by Google

можныхъ вещахъ. Разсказъ этотъ онъ приправилъ восторженными похвалами Фридриху Великому. Ефраимъ вспылилъ.

— А о томъ вы позабываете,—воскликнулъ онъ,—что король долженъ снять съ нашего сердца пятно, позорящее его еще больше, чѣмъ насъ; что его обязанность сдѣлать насъ свободными, если разумъ и человѣчность—не простыя слова на его устахъ. О, какъ бы охотно пошелъ я за нимъ на войну и пролилъ бы свою кровь и, умирая, крикнулъ бы ему: «видишь, и еврей можетъ быть храбръ!»

— Умная ты голова,—возразилъ Фейтель,—ученый, а не знаешь, что нигдѣ вѣдь не написано, что мнѣ слѣдуетъ тоже сунуться въ войну между нашимъ королемъ и Маріею Терезіею! Пусть себѣ дерутся, а мы посмотримъ, кто кого одолѣетъ. Повѣрь мнѣ, надо только радоваться, что евреевъ не заставляютъ идти воевать; къ чему эта война? такъ, ни за что, ни про что, pour passer le temps, укокошатъ тебя — и конецъ! Нѣтъ, я знаю занятіе въ войнѣ получше и повыгоднѣе.

И онъ побренчалъ въ карманѣ червонцами, которые захватилъ съ собою для раздачи необходимыхъ взятокъ.

— А стыдъ и униженіе?—воскликнулъ Ефраимъ.

— Униженіе бываетъ только въ томъ случаѣ, когда человѣка унижаютъ за то, что у него мало денегъ. Главное—деньги; все остальное понюшки табаку не стоитъ... Повѣрь, будешь и ты когда нибудь иныхъ мыслей, чѣмъ теперь. Слыхалъ я ужъ многихъ такихъ говоруновъ: „нѣтъ, я скорѣе умру съ голоду и самому себѣ пальцы отсѣку, чѣмъ отрекусь отъ правды и чести!“ Правда! Честь! Что онѣ обѣ въ концѣ концевъ? Деньги. Лучшій примѣръ тебѣ—долговязый Эммануилъ, который служитъ теперь у меня въ конторѣ. Когда намъ обоимъ было лѣтъ шестнадцать-осьмнадцать, мы жили въ одномъ и томъ же городкѣ, и его отецъ былъ тамъ въ ту пору самый богатый человѣкъ, а мои родители чуть не голодали; теперь же онъ радъ-радехонекъ, что нашелъ себѣ у меня мѣстечко, и вотъ уже шестнадцать лѣтъ служитъ у меня вѣрой и правдой. И я смотрю на него какъ на родного: совсѣмъ свой человѣкъ въ домѣ... въ молодости онъ много учился, знаетъ по нѣмец-

Digitized by Google

ки и французски, наизусть выучилъ Вольтера и Гомера (столько я знаю, какъ зовутъ всѣхъ этихъ фокусниковъ, сколько знаю, какіе за мной грѣхи). Во всемъ городѣ у насъ и въ окрестностяхъ только и толковали что о его умѣ и учености, и что онъ на скрипкѣ такъ чудесно играетъ, и что всѣ важные господа его въ гости къ себѣ зовутъ, и что онъ ѣстъ и пьетъ съ ними запрещенное Господомъ... Какъ умеръ его отецъ, онъ со своими всѣми деньгами отправился въ Берлинъ. Тутъ подалъ онъ разъ покойному королю Фридриху Вильгельму просьбу, и прописалъ въ ней, что слѣдуетъ снять съ евреевъ опалу, и что скверно то и другое, все по пунктамъ, и наконецъ, что надо обучать и просвѣщать евреевъ... Разсказалъ онъ мнѣ какъ-то по секрету про эту ауді-енцію. Стоитъ онъ, изволишь видѣть, передъ королемъ и болтаетъ на счетъ евреевъ всякую всячину: и про обученіе ремесламъ, и про школы, и про гражданскія добродѣтели—разная, словомъ, пустяковина, ужъ я всего и не упомню. Какъ онъ кончилъ, король заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, помахиваетъ своею тростью съ эмалированнымъ набалдашникомъ въ осьмнадцать каратовъ и все говоритъ самъ себѣ: „Жалко, жалко... Нѣтъ, нельзя, не можетъ этого быть...“ Мой Эммануилъ совсѣмъ обрадовался, что король такъ милостивъ, и опять принялся: „Такъ и такъ можно устроить, и ваше величество будутъ почитать какъ Мессію, какъ отца родного!..“ Тутъ король повернулся и посмотрѣлъ на Эммануила такими глазами... такими глазами... Эммануилъ говоритъ, что у него кровь такъ и застыла въ жилахъ... „Ты что это?—закричалъ король;—хочешь указывать мнѣ, что дѣлать? Перевирать мои слова вздумалъ? Я говорю, что жалко, очень жалко, что ты жидъ, оттого что ростъ у тебя какъ разъ подходящій для моей Garde du corps. А въ ней ужъ кстати выбили бы у тебя изъ башки всѣ эти дурацкія разсужденія. Да съ жидами ничего не подѣлаешь, ни на что такое они не годны, прокляты они всюду. Тебѣ же я вотъ что посовѣтую: не мѣшайся ты не въ свое дѣло, занимайся своею торговлей, какъ тебѣ позволено и подобаетъ, или—еще одно слово, и тебѣ отсчитаютъ полновѣсныхъ двадцать пять...“ И при этомъ онъ махнулъ

Digitized by Google

своей тростью такъ выразительно, что у моего Эммануила тутъ же въ спинѣ жарко стало. Какъ ты полагаешь—радъ онъ былъ, когда убрался по добру-по здорову изъ дворца? Но нашъ Эммануилъ голова горячая. Сталъ онъ бѣгать по всѣмъ своимъ единовѣрцамъ въ Берлинѣ и кричать и проповѣдывать: коли вы не переселитесь въ Америку, стало быть, вы ровно ни на что не годные люди. Ну, не дуракъ ли?..

Фейтель разсказалъ о дальнѣйшихъ приключеніяхъ Эммануила, о его странствіяхъ чуть не по всему свѣту все съ тѣми же „идеальными“ стремленіями, и закончилъ разсужденіемъ:

— Если внимательно пообсудить, такъ въ чемъ тутъ вся причина? Въ томъ, что онъ не сидѣлъ спокойно у себя дома и впутывался въ вещи, которыя его нисколько не касаются. Что мнѣ за дѣло до страждущаго человѣчества? Если оно страдаетъ, пусть кладетъ себѣ пластырь на больное мѣсто... Да, такъ вотъ тебѣ хорошій примѣръ. Совѣтую тебѣ, какъ добрый дядя: устраивай только свои денежныя дѣла, а остальное все пусть идетъ, какъ ему угодно... Посмотри на меня. Я въ жизни ничему не учился; мнѣ было всего одиннадцать лѣтъ, когда отецъ отправилъ меня торговать старымъ желѣзомъ, конскимъ волосомъ и двумя-тремя носовыми платками; когда жъ тутъ было время выучиться чему нибудь, кромѣ немножко считать? Едва-едва удалось Эммануилу выучить меня подписывать свое имя по-нѣмецки. Ну, и что-жъ? Въ настоящее время меня и Ицига называютъ царями берлинскихъ евреевъ; я не сегодня—завтра долженъ навѣрное получить отъ короля исключительную грамоту на счетъ того, что вся моя семья навсегда освобождается отъ всякихъ еврейскихъ тягостей и повинностей. Я пользуюсь почетомъ, я человѣкъ образованный, потому что могу вести компанію съ самыми высокими господами, а на Эммануила никто и не смотритъ. Поэтому подражай ты мнѣ, и все будетъ ладно...

— Теперь я понимаю,—сказалъ Ефраимъ послѣ долгой паузы,—почему Эммануилъ всегда такъ странно улыбается и такъ мало говоритъ. Жаль, что вы скоро уѣзжаете съ нимъ; мнѣ бы хотѣлось поближе познакомиться.

Digitized by Google

— Знаешь что? — съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ Фейтель; — ты можешь хорошо узнать его и внутри и снаружи. Поѣдемъ вмѣстѣ. Я какъ разъ теперь устраиваю фабрику золотыхъ и серебряныхъ галуновъ, передамъ тебѣ часть этого дѣла и кассу, ты будешь получать тысячу талеровъ жалованья и можешь вложить свои деньги въ мое предпріятіе на хорошіе проценты...

На убѣдительные доводы дяди Ефраимъ не далъ рѣшительно отрицательнаго отвѣта, и когда тотъ ушелъ, онъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Завѣщаніе Гарпагона.

Я умираю, сынъ; прими-жъ теперь
Ты отъ отца завѣтъ его послѣдній.
Что бъ ни болталъ суровый моралистъ,
Но высшее на свѣтѣ благо—деньги.
Поэтому старайся наполнять
Сундукъ свой безпрерывно; ѣшь на столько,
Чтобъ только жизнь поддерживать. И я
Всегда съ большимъ усердіемъ постился—
Отъ этого и много денегъ могъ
Сберечь себѣ. Чѣмъ больше богатѣлъ я,
Тѣмъ болѣе я значилъ въ свѣтѣ: да,
И глупаго вѣдь превращаютъ деньги
Въ разумника: въ набитомъ сундукѣ
Покоится Минерва. Вмѣсто книжекъ
Я собиралъ червонцы,—а межъ тѣмъ
Не разъ меня питомцы Аполлона,
На свой Парнасъ торжественно взводя,
Ученымъ Меценатомъ величали.
Не подавайся жалости: она
Мужчины недостойна. Посылаетъ
Богъ благодать лишь тѣмъ, кто любъ ему;
А если кто всего лишенъ—то, значитъ,
Онъ Богу ненавистенъ. Потому,
Любезный сынъ, не огорчай ты Бога
Не благъ Его, даваемыхъ тебѣ,
Не раздавай нуждающимся. Много
Тебѣ я оставляю, но о томъ
Совсѣмъ жалѣть не буду, коль съумѣешь
Ты это пріумножить. О, мой сынъ,
Пусть на тебѣ мой духъ почіетъ дважды
И тысячи приноситъ барышей!

Digitized by Google

XIII.

На новыхъ путяхъ.

Поздно ночью Ефраимъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ глубокую задумчивость. Вдругъ онъ услышалъ звуки скрипки, доносившіеся изъ той мансарды, гдѣ помѣщался Эммануилъ. Ефраимъ открылъ свое окно и долго, долго слушалъ... Глаза его были полны слезъ, эти звуки открыли ему сокровеннѣйшую глубину души, въ которой отвратительныя чудовища плавали надъ коралловыми рифами, хрустальными дворцами и ярко блистающими морскими цвѣтами. Чудная музыка давно уже смолкнула, а Ефраимъ все еще стоялъ, какъ околдованный... Наконецъ онъ очнулся, поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ и очутился предъ дверью Эммануила. Она была отперта, въ комнатѣ было темно, и Ефраимъ стоялъ въ нерѣшительности—входить ли ему со своей свѣчой. Но Эммануилъ услышалъ его, быстро приподнялся на кровати и рѣзко спросилъ:—Кто тутъ?

— Искренній другъ!—механически отвѣчалъ Ефраимъ и, присѣвши, продолжалъ:—Дѣйствительно, человѣкъ, для котораго было-бы величайшимъ счастьемъ, если бы онъ могъ на самомъ дѣлѣ сдѣлаться вашимъ другомъ.

— Милый мой, пора спать, и ты простудишься у меня,—сказалъ Эммануилъ съ загадочной улыбкой и при этомъ поднялъ руку въ отрицательномъ смыслѣ; Ефраимъ же подумалъ, что онъ подаетъ ее ему и протянулъ тоже свою, но рука Эммануила осталась на прежнемъ мѣстѣ.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказалъ Ефраимъ съ болѣзненнымъ чувствомъ огорченія.

— Моя рука костлява и суха, прикосновеніе ея уже не можетъ доставить удовольствія, но я протягиваю ее тебѣ и постараюсь, насколько могу, быть твоимъ другомъ. Въ тепломъ пожатіи руки заключается символъ дружбы; оно—знакъ духовнаго единенія, и не даромъ въ тайныхъ союзахъ его употребляютъ, какъ внѣшнее проявленіе братства... Что ты такъ пристально всматриваешься въ мое лицо?

Digitized by Google

Ефраимъ прижалъ руку къ сердцу и заплакалъ.

— Не влюбленъ ли ты?—продолжалъ Эммануилъ.—Если да, то женись, тогда разомъ освободишься отъ любви. Если нѣтъ, то тебѣ непремѣнно слѣдуетъ жениться.

— Я не хочу наложить на себя ярмо обыденнаго брака, но и любви не ищу я больше, потому что она фальшива, она ничто иное, какъ преходящее самообольщеніе.., Такая любовь, какая таится во мнѣ и какую я желалъ бы встрѣтить въ другомъ существѣ—ахъ, она призракъ, за которымъ я напрасно гнался, и эту любовь я схоронилъ навѣки на кладбищѣ моего сердца. Если я чего нибудь ожидаю отъ жизни, такъ это—дружбы; ею я хочу укрѣпить себя, она—солнце, подъ лучами котораго можетъ снова ожить увянувшій цвѣтокъ моей жизни. Поэтому не отворачивайтесь отъ меня, я знаю все, васъ касающееся, будьте моимъ отцомъ, будьте моимъ другомъ!

— Молодой другъ мой,—отвѣчалъ Эммануилъ,—въ тебѣ происходитъ еще сильное броженіе... Черезъ нѣсколько лѣтъ ты самъ будешь улыбаться, вспоминая теперешнія бури твоей души... Я вижу, что ты любилъ, но тебѣ не удалось найти такую отвѣтную любовь, о какой грезила твоя гордость, твоя пылкость. Но это—не истинная любовь; истинная любовь—смиреніе, и ты еще найдешь ее!.. Не требуй однако отъ дружбы того, что̀ можетъ дать тебѣ только любовь, и не подготовляй себѣ самъ и умышленно позднѣйшихъ разочарованій!..

— Мнѣ такъ хотѣлось бы остаться съ вами вѣчно,—сказалъ Ефраимъ; — не посовѣтуете ли мнѣ и вы принять мѣсто кассира на фабрикѣ моего дяди? Тогда я бы разстался вѣдь и съ этими мѣстами, гдѣ каждый камень говоритъ мнѣ: „Твой взглядъ падалъ на меня въ ту пору, когда ты былъ счастливъ!“ Ахъ, я не знаю, чего собственно мнѣ недостаетъ, но мнѣ хотѣлось бы умереть, чтобы ужъ разъ навсегда избавиться отъ всего!

— Богомъ мудро устроено, что звѣзды на небѣ продолжаютъ идти своею свѣтлою дорогой, а мы, ничтожные черви, копошимся на этомъ земномъ шарикѣ. Еслибы мы могли хватать звѣзды нашими руками,

Digitized by Google

онѣ давно уже были бы втиснуты нами въ пошлую обыденную жизнь и загрязнены. Предоставь тому высшему, къ чему ты стремишься, блестѣть надъ тобой подобно звѣздамъ, не затемняй его тѣми мрачными испареніями, которыя лежатъ въ нижнемъ слоѣ воздуха, и когда твой взглядъ затемняется, подымай его къ звѣздамъ, дай лучу вѣчнаго свѣта ихъ проникнуть въ твое сердце и жди, пока все твое существо не расплывется въ первобытномъ источникѣ вѣчнаго свѣта... Спокойной ночи.

Ефраимъ оставилъ комнату въ глубокомъ волненіи, онъ долго не могъ заснуть—и потомъ во снѣ странствовалъ отъ звѣзды къ звѣздѣ. Но повсюду слѣдовалъ за нимъ дядя, указывавшій, что и на звѣздахъ бываютъ пятна. Когда онъ проснулся, лицо его пылало...

На другой день Ефраимъ отправился къ Лессингу посовѣтоваться съ нимъ на счетъ приглашенія дяди—поступить въ его торговую контору въ Берлинѣ. Лессингъ скоро замѣтилъ, что утвердительное рѣшеніе было уже принято, и не захотѣлъ закрѣпить его своимъ авторитетомъ. Онъ только сдѣлалъ нѣсколько возраженій, давъ тутъ же Ефраиму возможность опровергнуть ихъ, такъ какъ Ефраимъ объявилъ, что онъ будетъ участвовать въ торговыхъ операціяхъ своего дяди только въ качествѣ простаго и второстепеннаго исполнителя и не приметъ на себя никакой нравственной отвѣтственности. Лессингъ закончилъ тѣмъ, что обѣщалъ дать ему рекомендательное письмо къ Мозесу Мендельсону и выразилъ надежду тоже скоро пріѣхать въ Берлинъ.

Съ отрадною задушевностью говорилъ Лессингъ о своемъ Мозесѣ и его справедливости и кротости... Предавшись воспоминаніямъ о другѣ, онъ замѣтилъ между прочимъ, что сошелся съ Мендельсономъ и въ томъ, что этотъ послѣдній, какъ автодидактъ, никогда не находился въ оковахъ систематики и схоластики, тогда какъ онъ, Лессингъ, усердно старался высвободиться отъ этихъ оковъ.

Въ концѣ апрѣля 1763 г. Ефраимъ поѣхалъ съ дядей въ Берлинъ. Путешествіе было долгое и затруднительное. По временамъ Ефраимъ вынималъ записную книжку и дѣлалъ разныя замѣтки; но чаще

Digitized by Google

всего онъ просматривалъ письмо, которое далъ ему Лессингъ къ Мендельсону. Это было письмо отъ 17 апрѣля 1763 г., которое начиналось словами: „И г. Ку тоже ѣдетъ въ Берлинъ и проситъ у меня письма къ вамъ. Этимъ случаемъ я не могу не воспользоваться для себя, потому что вѣдь такіе случаи рѣдки—почта вѣдь въ Берлинъ не ходитъ и никогда не ходила, потому что иначе я, конечно, писалъ бы вамъ и безъ того". Такъ шутилъ Лессингъ, но въ этомъ письмѣ заключалось также толкованіе Лессингомъ мнѣнія Спинозы о *единствѣ* между тѣломъ и душой, составляющими только два различныхъ способа представленія одной и той же субстанціи. Лессингъ противопоставлялъ этотъ взглядъ установленной Мендельсономъ, съ ссылкою на Лейбница, *гармоніи* и рѣзко разграничилъ воззрѣнія Спинозы и Лейбница. На это письмо можно въ извѣстной степени смотрѣть, какъ на отраженіе всей связи между Лессингомъ и Мендельсономъ: свободное и задушевное единеніе другъ съ другомъ при постоянномъ преслѣдованіи высшихъ философскихъ вопросовъ для взаимнаго возбужденія и умственнаго проясненія...

Съ благоговѣйнымъ чувствомъ перечитывалъ часто Ефраимъ это письмо Лессинга и при этомъ припоминалъ прекрасный еврейскій обычай: человѣку, пускающемуся въ дальнее и трудное путешествіе, даютъ подарокъ, который онъ, въ свою очередь, пріѣхавъ на мѣсто назначенія, долженъ отдать неимущему; этимъ отгоняются мрачныя, дѣйствующія особенно во время путешествія силы судьбы, потому что путешественникъ, по еврейскому выраженію—„вѣстникъ добродѣтели", скрытый отъ всякой мрачной силы.

Ни одинъ еврей не отважился вручить такой талисманъ Ефраиму, пользовавшемуся дурною репутаціею свободнаго мыслителя. Но съ письмомъ Лессинга въ рукахъ онъ смотрѣлъ на себя, какъ на болѣе высокаго посланника: онъ несъ отъ одного мыслителя къ другому отрадное для души выраженіе чувства дружбы, возвышающее умъ выраженіе свободной мысли.

Пріѣхали наконецъ въ Берлинъ. Когда Ефраимъ въ первый разъ

Digitized by Google

нешелъ по улицамъ города, ему бросилось въ глаза множество женщинъ въ траурѣ, у которыхъ война отняла мужей, братьевъ, сыновей... Эммануила Ефраимъ засталъ больнымъ. Съ глубокой грустью сидѣлъ онъ у постели старика и дивился геройскому мужеству, съ которымъ тотъ переносилъ свои страданія. Но онъ счелъ хорошимъ для себя предзнаменованіемъ, что первое проявленіе его дѣятельности на новомъ жизненномъ пути состояло въ дружеской подачѣ помощи оставленному и страдающему человѣку.

XIII.

De Amicitia *.

Первый визитъ Ефраима былъ къ Мозесу Мендельсону, жившему въ то время въ улицѣ Шпандау.

Мендельсонъ только что вернулся изъ конторы вдовы Бернгардъ, гдѣ онъ былъ бухгалтеромъ и компаньономъ; къ нему собралось уже много посѣтителей, которые тихо разговаривали между собой.

Горбатая фигура Мендельсона производила бы непріятное впечатлѣніе, еслибы съ перваго же взгляда на него не очаровывали каждаго кротость и гуманность, царившія на его лицѣ, какъ улыбающіеся геніи.

Несоотвѣтственно большая голова помѣщалась—какъ у всѣхъ горбуновъ—глубоко между плечами; бакенбарды и борода, немного заостренная на подбородкѣ, могла считаться знакомъ раввинскаго достоинства; длинный и орлинообразный носъ съ большими ноздрями довершалъ собою отпечатокъ характеристически-еврейскаго на этомъ лицѣ; прекрасно очерченныя губы шли красивою параллельною линіею; въ глубокихъ черныхъ глазахъ ярко свѣтилась правдолюбивая душа; чудесный лобъ, бѣлизна котораго еще больше выдѣлялась отъ черной бархатной шапочки, могъ служить признакомъ античнаго спокойствія и античной ясности. Такимъ образомъ Ефраимъ нашелъ на этомъ лицѣ ту смѣсь классическихъ и раввинскихъ элементовъ, которую онъ усма-

* Т. е. «О дружбѣ». Это—заглавіе сочиненія Цицерона.

Перев.

Digitized by Google

тривалъ во всей дѣятельности Мендельсона. И во внѣшнемъ видѣ комнаты сказывалась эта двойственность, такъ какъ рядомъ съ помѣщавшимся на колонкѣ въ углу бюстомъ Сократа висѣла на стѣнѣ еврейскій, такъ называемый мизрахъ—доска въ рамкѣ и съ еврейскимъ объясненіемъ, что это—сторона востока, къ которой во время молитвы должно быть обращено лицо молящагося.

Мендельсонъ женился только за годъ до этого, ему было теперь тридцать четыре года—двумя годами старше Ефраима. Какимъ неразвитымъ и молоденькимъ показался себѣ въ сравненіи съ нимъ этотъ послѣдній, тутъ же твердо рѣшившійся также поскорѣе укрѣпить и доразвить себя!

Съ нѣкоторою свѣтскою размѣренностью въ движеніяхъ, но по своему обыкновенію говоря не совсѣмъ связно, Мендельсонъ извинился передъ Ефраимомъ и остальными гостями и сталъ читать письмо Лессинга; по измѣнившемуся выраженію его лица, по веселой улыбкѣ, появившейся сначала, и по смѣнившей его философской задумчивости, которая сопровождалась глубокомысленнымъ покачиваніемъ головы, можно было получить приблизительное понятіе о содержаніи посланія.

Окончивъ, онъ спокойно сложилъ письмо и пошелъ въ смежную комнату. Ефраиму объяснили, что Мендельсонъ хочетъ сперва повидаться съ женою и появившеюся на свѣтъ за три дня до того дочерью.

Между гостями находились доктора Блохъ и Гумперцъ—старые друзья Мендельсона, и математикъ Авраамъ Вольфъ, прозванный Авраамомъ Счетчикомъ (Rechenmeister). Они сгруппировались около худощаваго человѣка, съ большимъ самодовольствомъ сообщавшаго, что Лессинговы „Письма, касающіяся новѣйшей литературы“, теперь появились вторымъ изданіемъ, но болѣе продолжаться не будутъ. Поэтому всѣмъ, стремящимся къ свободѣ умамъ необходимо соединиться для того, чтобы создать отчасти съ критическимъ характеромъ, отчасти однако и съ положительнымъ, литературно-научное произведеніе, которое, будучи основательнѣе французской „Энциклопедіи“, служило бы къ организированію и воздѣлыванію завоеванныхъ для свободнаго духа

Digitized by Google

и изящнаго вкуса провинцій. Онъ назвалъ „Всеобщую Нѣмецкую Библіотеку“.

Скоро узнали, что этотъ предпріимчивый реформаторъ былъ книгопродавецъ Николаи *.

Свое мнѣніе онъ излагалъ человѣку съ крайне спокойною, сдержанною наружностью, который только по временамъ одобрительно кивалъ головой и представлялъ собой странную и рѣзкую противоположность волнующемуся и горячему Николаи.

Ефраимъ даже вздрогнулъ, когда ему назвали профессора Рамлера.

Въ одномъ углу сидѣлъ, скорчившись на стулѣ, польскій еврей въ грязной „куткѣ“; онъ, повидимому, не обращалъ на присутствовавшихъ никакого вниманія, и они платили ему тѣмъ же.

— Нашему Мендельсону однако очень и очень повезло,—сказалъ докторъ Блохъ;—послѣ столькихъ тяжелыхъ невзгодъ и борьбы ему слѣдовало наконецъ насладиться спокойствіемъ и счастьемъ. У него теперь опредѣлительно намѣченный умственный путь, достаточныя средства для жизни, здоровая дочурка...

— И отличная хозяйка!—дополнилъ другой.

— И милѣйшая невѣстка!—воскликнулъ третій.

— Скоро вы окончите вашъ балансъ?—перебилъ докторъ Гумперцъ;—самое лучшее вы забыли внести въ него: вѣрныхъ друзей.

— Да, друзей у него ужъ черезчуръ много, онъ могъ бы продолжать сочиненіе Плутарха о полифиліи,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ;—я полагаю, что кто братается со всѣмъ свѣтомъ—богачомъ и бѣднымъ, великимъ и малымъ, тотъ ни съ кѣмъ не можетъ быть вполнѣ дружнымъ, вполнѣ на распашку. Я не хочу дѣлать никакихъ выводовъ, но...

— Только близорукость или недоброжелательство можетъ разсуждать такимъ образомъ,—рѣзко перебилъ докторъ Блохъ;—при такомъ взглядѣ всякій сталъ бы охотно предъявлять притязаніе на поземель-

* Членъ того умственнаго и дружескаго тріумвирата, который составляли вмѣстѣ съ нимъ Лессингъ и Мендельсонъ. *Перев.*

Digitized by Google

ный участокъ своей дружбы, какъ на исключительную собственность, а въ случаѣ неудачи говорилъ бы: „это и безъ того неплодородная земля, такъ какъ она служитъ для всѣхъ проѣзжею дорогой“.

— Для обсужденія этого вопроса, любезный коллега, — поспѣшилъ успокоить доктора Гумперцъ,—теперь не время и не мѣсто; оставимъ въ сторонѣ всякія личности. Я замѣчу только, что снова просиувшееся въ наше время чувство дружбы есть цвѣтокъ на деревьяхъ классическаго образованія древности, которыя мы пересаживаемъ въ нашу эпоху. Только древности была знакома дружба; средніе вѣка, выходная дверь которыхъ затворилась позади насъ, знали только женскую любовь; люди были соратниками, но рѣдко друзьями въ болѣе глубокомъ значеніи этого слова. Въ наше время снова расцвѣтаетъ истинная философія и поэзія, а съ ними и дружба. Можно бы статистически доказать, что въ наше время больше добровольныхъ холостяковъ, чѣмъ когда бы то ни было; это обстоятельство имѣетъ конечно свою главную причину въ пробудившейся снова жизни для науки и дружбы.

— Превосходно!—воскликнулъ Блохъ.—Значитъ, кто остается холостякомъ, тотъ повинуется всемірно исторической-необходимости.

— Нашъ другъ Мендельсонъ перерабатываетъ по своему „Федонъ“ Платона; не хотите ли поступить такимъ же образомъ съ книжечкой Цицерона „De amicitia“? Я готовъ издать ее, сказалъ Николаи.

Въ эту минуту вернулся Мендельсонъ, и Николаи сказалъ ему:— Мы только что говорили о дружбѣ; г. Гумперцъ требуетъ и тутъ изученія древняго міра.

— Вы развѣ установили понятіе о дружбѣ, или нашли вѣрное опредѣленіе ея? Иначе вѣдь все будетъ оставаться только безплоднымъ словеснымъ препирательствомъ,—такъ возразилъ Мендельсонъ, и тутъ сидѣвшій въ углу полякъ всталъ и тоже присоединился къ разговаривавшимъ. На секунду водворилось молчаніе.

— Что тутъ долго думать?—сказалъ полякъ съ характеристиче-

Digitized by Google

скимъ акцентомъ польскаго еврея;—дружба есть фактическое единеніе независимыхъ и одинаково мыслящихъ людей.

— Браво, любезнѣйшій г. Маймонъ,—отвѣтилъ Блохъ;—опредѣленіе, кажется, полное, пробѣла никакого.

— Если приложить сюда эгоизмъ, состраданіе и слабость, то въ итогѣ выйдетъ дружба,—замѣтилъ Авраамъ Счетчикъ.

— Вы не думайте,—шепнулъ на ухо Блохъ нашему Ефраиму,—что этотъ человѣкъ такой злой. Онъ просто пріучилъ себя къ тому, чтобы на все недовѣрчиво и презрительно пожимать плечами, и теперь это перешло у него въ подагрическое дерганье, отъ котораго онъ не можетъ освободиться.

— Въ вашемъ опредѣленіи, любезный г. Маймонъ,—сказалъ Мендельсонъ и при этомъ захватилъ полною рукою свою остроконечную бороду,—я усматриваю упущеніе изъ виду дѣятельности духовной. Вѣдь компаньонство двухъ купцовъ для торговыхъ цѣлей можно также назвать фактическимъ единеніемъ независимыхъ и одинаково мыслящихъ людей,—единеніемъ ради практической стороны, которая конечно составляетъ самое главное. Но уже Аристотель справедливо назвалъ дружбу съ внѣшнею общею цѣлью, каково бы ни былъ характеръ ея—политическій или меркантильный, только простымъ согласіемъ и также справедливо установилъ различіе между нею и дружбой въ истинномъ значеніи слова. Точно также дружескія связи ради удовольствія и пользы—первыя у молодежи, вторыя у людей зрѣлыхъ—непрочны также какъ фундаментъ, на которомъ онѣ строятся. Посредствомъ дружбы, какъ свободной связи между созданіями одного и того же рода, человѣкъ возвышается надъ животной натурой вообще и своею въ частности. Взаимная склонность различныхъ половъ существуетъ и у животныхъ, и мы знаемъ, что многіе въ наше время имѣютъ такой же взглядъ на любовь.

— Аристотель и Цицеронъ,—вставилъ свое замѣчаніе Рамлеръ,—полагаютъ сущность дружбы прежде всего въ ея отличіи отъ кровнаго родства.

Digitized by Google

— И по своему они правы,—продолжалъ Мендельсонъ. — Посредствомъ дружбы, т. е. связи между людьми, которые не соединены между собой ни происхожденіемъ, ни поломъ, ни государственными узами, человѣкъ вступаетъ изъ области грубой натуры въ царство сознательности, царство свободнаго духа.

— Царство свободнаго духа, — возразилъ Николаи,—до сихъ поръ еще тоже, что польское избирательное королевство: глупость, суевѣріе и застарѣлые предразсудки руководятъ всѣмъ, и потому ихъ надо искоренять во что бы то ни стало, такъ какъ при существованіи ихъ немыслимо и процвѣтаніе дружбы.

Разговоръ продолжался еще нѣкоторое время на ту же тему. Ефраимъ слушалъ съ жаднымъ вниманіемъ; ему казалось, что академическая жизнь безмятежной Греціи снова воскресаетъ предъ его глазами. И наконецъ онъ самъ заговорилъ—сперва робко и тихо, но потомъ все громче и одушевленнѣе:

— Я не понимаю, какъ можетъ до сихъ поръ считаться нерѣшеннымъ вопросъ о величайшемъ благѣ человѣка. Конечно, все обусловливается временемъ, мѣстомъ, личностью, но одно остается вѣчнымъ повсюду и для всѣхъ: это — другъ. Чувствовать себя раздвоеннымъ и въ то же время слитымъ воедино, помѣщать всю нашу любовь, страданія и надежды въ нѣчто, внѣ насъ существующее, но которое мы можемъ прижимать къ своему сердцу, знать, что другой любитъ въ насъ не только извѣстную идею или стремленіе, отдѣленныя, очищенныя отъ нашей личности, но самое эту личность со всѣми ея пятнами и уродливостями...

— Изъ этого выходитъ любовная микстура—перебилъ его Гумперцъ;—вы прописываете слишкомъ много succus liquiritiae, который, если его не выпить быстро, въ два—три дня кислѣетъ. Если то, что свѣтъ называетъ любовью, но что на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ половое отношеніе, развести дружбой — она скоро испортится. Возьмите только дружескія связи, заключаемыя въ очень молодые годы: стремленіе къ единенью существуетъ, но сознанія цѣли еще нѣтъ, и мо-

Digitized by Google

лодые друзья просто ласкаютъ, цѣлуютъ другъ друга. Какъ мало такихъ связей переходятъ въ зрѣлую жизнь! Дружба есть продуктъ только созрѣвшаго и проникнутаго самосознаніемъ духа.

— Г. Ку совершенно правильно далъ въ этомъ вопросѣ мѣсто личности,—сказалъ Мендельсонъ, и Ефраимъ ощутилъ какой-то удивительный трепетъ, услышавъ свое имя въ устахъ почтеннаго философа, съ одобрительнымъ отзывомъ.

Всѣ стали внимательно слушать, когда Мендельсонъ продолжалъ:

— Я снова долженъ сослаться на Аристотеля, который приводитъ рѣзкое и опредѣлительное различіе между благорасположеніемъ и дружбой. Первое руководствуется только общими хорошими свойствами другого лица; оно есть исходный пунктъ всякой дружбы, но не непремѣнно переходитъ въ нее. Усилившееся благорасположеніе не есть дружба; для дружбы нуженъ совершенно новый элементъ, она требуетъ личной склонности, наслажденія и любви именно въ этомъ особенномъ родѣ проявленія общечеловѣческаго элемента. Очень много личныхъ отношеній такъ и остаются на ступени общечеловѣческаго благорасположенія.

Долго еще шелъ разговоръ, въ заключеніе котораго Мендельсонъ какъ будто сообразилъ, что онъ слишкомъ долго оставался въ мірѣ классической древности. Съ своеобразною набожностью взялъ онъ въ руки библію и заявилъ, что еврейство также ставитъ высоко дружбу; заговоривъ о Давидѣ и Іонаѳанѣ, онъ безъ труда нашелъ то мѣсто въ псалмѣ Давида, гдѣ пѣснопѣвецъ скорбитъ объ утратѣ друга: „Твоя любовь была для меня дороже любви женской“. Но возвратившись послѣ этого и къ живому настоящему и какъ будто для того, чтобы сдѣлать участникомъ этой бесѣды друга, о которомъ онъ еще сегодня получилъ новыя вѣсти, онъ взволнованнымъ голосомъ произнесъ изреченіе Лессинга:

„Wer Freunde sucht, ist sie zu finden werth;
Wer keinen hat, hat keinen noch begehrt“ *.

* Т. е. „Кто ищетъ друзей, тотъ достоинъ находить ихъ; у кого нѣтъ друга, тотъ еще никогда не желалъ имѣть его“.

Digitized by Google

Это былъ заключительный аккордъ.

Общество разошлось — точно духовная община, отпущенная съ благословеніемъ главы его.

На крыльцѣ Гумперцъ сказалъ Ефраиму:

— Къ тѣмъ четамъ друзей классическаго міра, о которыхъ мы упоминали сегодня, можно причислить еще одну прекрасную чету; это два героя въ области человѣческаго духа—Лессингъ и Мендельсонъ, родившіеся въ одномъ и томъ же году. Не даромъ эти два человѣка, принадлежащіе къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, стоятъ у входныхъ воротъ новаго времени, или, собственно говоря, сами служатъ этими воротами.

Ефраимъ оставилъ домъ Мендельсона въ такомъ возвышенномъ настроеніи, какого никогда еще не испытывалъ. Всѣ умственныя и душевныя тревоги были забыты, и онъ чувствовалъ всего себя какъ-бы выкупаннымъ въ чистомъ эфирѣ. Онъ увидѣлъ себя внезапно вовлеченнымъ въ потокъ неутомимыхъ и свѣтлыхъ умовъ, которые стремились къ высшимъ и благороднѣйшимъ пріобрѣтеніямъ человѣческаго духа и находились въ живой связи съ лучшими умами прошедшихъ вѣковъ. Свѣжесть и новая бодрость проникали все его существо; не малую роль въ этомъ играло и то обстоятельство, что Ефраимъ очутился здѣсь въ кругу людей, стоявшихъ по развитію и знаніямъ выше его, тогда какъ въ Бреславлѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ свиданій съ Лессингомъ, такимъ превосходствомъ пользовался онъ въ томъ кругу, гдѣ ему приходилось вращаться...

И въ то самое время, когда въ мірѣ мысли свободные умы старались заново изслѣдовать значеніе жизни и ея вѣчныя нормы, въ то самое время, когда они провѣряли находившуюся въ обращеніи умственную монету, и эту отбрасывали, какъ никуда негодные жетоны, въ той опредѣляли количество лишенной всякой цѣнности примѣси и все заново перечеканивали—въ то самое время происходило потрясеніе и въ торговомъ мірѣ. Законъ, изъявшій изъ обращенія всю, вычеканенную во время войны, монету, измѣнилъ во всѣхъ слояхъ общества владѣнье собствен-

Digitized by Google

ностью, за прочность и благонадежность которой до тѣхъ поръ никто не опасался. Тутъ оказались уволенные въ отставку и раненые совсѣмъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыхъ поставили въ это положеніе сабля и пуля. Одинъ изъ героевъ берлинскаго торговаго міра и въ то же время одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ Берлина впалъ въ совершенную нищету отъ этого удара, въ соединеніи съ другими несчастіями. Точно послѣ землетрясенія оглядывались всѣ кругомъ — стоитъ-ли еще на мѣстѣ тотъ или этотъ домъ, и не одно зданіе удерживалось только благодаря тому, что его быстро подпирали извнѣ.

Въ качествѣ кассира своего дяди, который, вслѣдствіе своихъ связей съ высокопоставленными лицами, повидимому предвидѣлъ такой поворотъ дѣла, Ефраимъ былъ совершенно заваленъ работой по вызваннымъ этимъ обстоятельствомъ денежнымъ операціямъ, и часто имъ овладѣвало болѣзненное чувство при мысли о характерѣ той дѣятельности, которая поглощала все его время. Но Эммануилъ утѣшалъ его тѣмъ, что разъ поступивъ въ службу, онъ, какъ солдатъ, уже не имѣлъ права спрашивать—основателенъ или неоснователенъ походъ, въ которомъ его заставляли принимать участіе.

Одновременно съ Ефраимомъ въ контору его дяди поступилъ молодой итальянецъ, и скоро они сблизились съ тою теплотою и тѣмъ радостнымъ чувствомъ, съ которыми завязываются въ юности дружескія связи. Разница лѣтъ Эммануила и Ефраима была настолько значительна, что они не могли оставаться нераздѣльными и вполнѣ единомышленными друзьями; къ этому еще присоединялась постоянная болѣзненность Эммануила. Притомъ же, хотя Ефраимъ по годамъ давно вступилъ въ совершенно зрѣлый возрастъ, но настоящая жизнь открывалась передъ нимъ только теперь. Итальянецъ Тревирано являлся для него въ этомъ случаѣ желаннымъ товарищемъ и спутникомъ: онъ былъ молодъ, смѣлъ и красивъ. Когда Ефраимъ гулялъ по улицамъ рука объ руку съ Тревирано, онъ улыбался про себя, потому что зналъ, что благодаря своему спутнику становился вдвое интереснѣе для своихъ единовѣрокъ и что онѣ послѣ каждой такой встрѣчи въ продолженіе трехъ дней только и

Digitized by Google

говорили что о кузенѣ Церлины — (такъ звали дочь Фейтеля)—и о блѣдномъ интересномъ христіанинѣ, гулявшемъ съ ними. Злые завистники распускали даже слухъ, что Тревирано—крещеный еврей и что этимъ объясняется его привѣтливое отношеніе къ евреямъ; но Ефраиму было хорошо извѣстно, что его пріятель—итальянскій аристократъ и эмигрантъ, котораго только временныя обстоятельства заставили посвятить себя занятіямъ въ торговой конторѣ.

Дружба ихъ усиливалась все больше и больше.

— Ты не можешь себѣ представить,—сказалъ однажды Ефраимъ,—какъ я завидую той несокрушимой бодрости и отвагѣ, которая живетъ въ тебѣ. Вы, христіане, сами не знаете, какимъ счастьемъ дано вамъ наслаждаться всюду; эти церкви, эти улицы, эти ратуши и судебныя зданія—ваши, вы вездѣ дома, чиновники для васъ не ужасающія созданія, къ которымъ опасно приблизиться, военные—не пугала, презрительно и гнѣвно смотрящія на васъ; все это—ваши отцы, братья, дяди; весь міръ—ваша родина, вашъ семейный очагъ. Еврей-же, сознающій свое положеніе—и это мнѣ довелось узнать уже ребенкомъ—находится въ постоянной боязливости и принужденъ безпрерывно спрашивать: „Что вы имѣете противъ меня? Что я вамъ сдѣлалъ?“. Взгляды и выраженія, можетъ быть, вовсе не до него относящіяся, онъ принимаетъ на свой счетъ. И такое состояніе—при внутреннемъ убѣжденіи, что ты вполнѣ достоинъ всякаго общенія съ лучшей частью человѣчества! Это—смертельная мука, отравляющая, разрушающая самую свѣжую, самую живую энергію! Я стараюсь сдѣлаться свободнымъ, стараюсь стать выше нелѣпостей жизни, но до твоей пылкой и гордой отваги, до твоего весело-безмятежнаго игранья съ міромъ, мнѣ не дойти никогда. Я вѣчно буду завидовать тебѣ.

Тревирано не понималъ, чѣмъ такъ мучился Ефраимъ; отвѣчать ему онъ могъ только раскрытіемъ предъ нимъ всѣхъ тайнъ своей жизни, своей прошедшей любви, настоящей скорби, надеждъ. Ефраимъ—почти только для того, чтобы заплатить за эти признанія чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ—сообщилъ нѣкоторыя подробности и своего прошедшаго,

Digitized by Google

отъ котораго перешелъ къ настоящему и разсказалъ, что онъ пріѣхалъ въ Берлинъ собственно для того, чтобы вступить въ такъ называемый бракъ по разсудку со своей кузиной Церлиной, но поддался глубокому впечатлѣнію, произведенному на него величественной Рехой, невѣсткой Мендельсона; что рядомъ съ этимъ его интересуетъ блѣдная горничная въ домѣ его дяди; что въ то же время однако онъ поставилъ себѣ неизмѣннымъ рѣшеньемъ— никогда больше не влюбляться, — и много другихъ тому подобныхъ противорѣчій. И вдругъ онъ почувствовалъ неудобство имѣть повѣреннаго своихъ тайнъ. Если до этого онъ боялся уже, что погубитъ свою собственную индивидуальность утилизированіемъ дѣйствительнаго пережитаго имъ для своихъ стихотвореній, и поэтому предпочиталъ изображать въ нихъ оборотную сторону этого пережитаго,—то теперь, въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ о себѣ съ пріятелемъ онъ видѣлъ, какъ мало по малу падали послѣднія стѣны его индивидуальности. До сихъ поръ, при всѣхъ невзгодахъ жизни, онъ могъ говорить себѣ въ утѣшеніе: „въ тебѣ живетъ богатство, котораго свѣтъ еще не позналъ, къ которому онъ еще не отнесся ни хорошо, ни дурно“. Теперь же у него не оставалось болѣе внутренняго, глубоко-скрытаго въ душѣ сознанья, въ которое онъ могъ бы уйти въ случаѣ потери этого новаго друга и посредствомъ котораго онъ могъ заключить себя въ самомъ себѣ; утрать онъ этого друга, или будь имъ обманутъ—онъ потерялъ бы и самого себя... При этомъ онъ чувствовалъ еще колебаніе въ своихъ нравственныхъ принципахъ, потому что принципы его друга были эластичны, какъ у всякаго вполнѣ свѣтскаго человѣка.

XIV.

De amore.

Шумная и кипучая жизнь началась послѣ Губертсбургскаго мира во всей Германіи, особенно же въ Пруссіи и ея столицѣ; сравнительно съ другими городами Берлинъ мало пострадалъ отъ войны, и благодаря этому обстоятельству, возбужденныя силы могли еще болѣе развернуться въ своей органической полнотѣ...

Digitized by Google

Уже во время войны обнаружилась новая эра въ наукѣ и поэзіи. „Поэтическіе союзы“ въ Геттингенѣ и Лейпцигѣ создавали и развивали новую жизнь; но особенное торжество выпало на долю классической древности. Фридриха II величали то Александромъ, то Цезаремъ, то Маркомъ Авреліемъ, и весь Олимпъ предлагался къ его услугамъ. Клопштокъ превращался въ Гомера, Лессингъ — въ Софокла, Рамлеръ—въ Горація, Геснеръ—въ Теокрита, Мендельсонъ—въ Сократа, Геллертъ—въ Езопа; Каршинъ (жена портного Карша, съ которою мы познакомились выше) называла сама себя Сафо, Глеймъ былъ Тиртей—и нашъ Ефраимъ захотѣлъ быть новымъ Марціаломъ.

Тревожная и богатая потрясающими событіями эпоха семилѣтней войны дала Ефраиму матеріалъ только на двѣ эпиграммы: „Къ Фридриху II послѣ побѣды при Лейтнерѣ“ и „Иппокрена“... Государственная и народная жизнь въ ихъ массовой совокупности была слишкомъ громадна для легкой игры словами въ афоризмахъ и эпиграммахъ, и Ефраимъ прикрѣплялъ теперь свою сатиру къ тысячѣ тонкихъ нитей и узелковъ, изъ которыхъ составляется общественная жизнь. Натура его все еще была больше элегическая и лирическая,—и насмѣшка его была скорѣе насмѣшка чужая, извнѣ имъ воспринятая и которую онъ, подобно пчелѣ, вкладывалъ въ заботливо построенные соты своихъ стиховъ; при всякомъ разговорѣ и происшествіи, при которомъ ему случалось присутствовать, онъ дѣлалъ себѣ замѣтки, чтобы видѣнное и слышанное не изгладилось въ его памяти.

Между евреями весьма часто встрѣчаются остроумные и острящіе люди—чаще между мужчинами, рѣже между женщинами. Остроуміе есть та форма ума, въ которой быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, отливается и чеканится блестящая умственная монета, быстро идущая въ обращеніе, благодаря своей, легко познаваемой номинальной цѣнности. Въ еврейскихъ умахъ—этихъ умахъ, еще не вставленныхъ въ рамки систематическаго школьнаго обученія, остроуміе должно прорываться тѣмъ легче и скорѣе; этому содѣйствуетъ еще своеобразный, пересыпанный гебраизмами жаргонъ, съ его произвольными удареніями, перепутыва-

Digitized by Google

ніемъ и передѣлываніемъ всякихъ грамматическихъ формъ, изъ чего весьма легко образуется забавнѣйшая игра словъ. Если при этомъ принять еще въ соображеніе, что новое образованіе было большею частью привито на талмудической діалектикѣ, что остроуміе служитъ удачнымъ оружіемъ въ форпостныхъ битвахъ съ нелѣпостями и сухой формалистикой и что часть вольтеріанизма проникла въ ту пору и въ болѣе глубокіе умы,—то передъ нами явятся элементы той эпохи въ умственной жизни евреевъ, въ которую создалось столько превосходныхъ остротъ и поразительныхъ оборотовъ мысли, до сихъ поръ еще передаваемыхъ намъ отцами и дѣдами нашими.

Ничто не заразительно такъ, какъ остроуміе; какъ результатъ его — смѣхъ — легко и невольно передается отъ одного къ другому, точно также и причина—внутреннее настроеніе—остается общею для всѣхъ; всѣ стараются превзойти другъ друга въ изобрѣтательности, и пустѣйшій оборотъ рѣчи, который при обычномъ, трезвомъ состояніи ума показался бы совершенно ничтожнымъ, даже нелѣпымъ, тутъ часто даетъ поводъ къ очень удачной, вызывающей громкое одобреніе выходкѣ. Въ той новой умственной атмосферѣ, куда попалъ Ефраимъ, онъ пользовался ея своеобразнымъ матеріаломъ и скоро прослылъ въ Берлинѣ за одного изъ остроумнѣйшихъ людей...

Но наединѣ съ самимъ собою онъ казался себѣ такимъ печальнымъ и скучнымъ—потому что для смѣха нужны двое! Въ одиночествѣ его томила грусть и тоска, и онъ продолжалъ приписывать это главнымъ образомъ своимъ торговымъ занятіямъ. Каждое утро, просыпаясь, онъ вступалъ съ собой въ бесѣду: Для чего ты встаешь? Чтобы работать. А для чего работаешь? Чтобы добывать деньги. А деньги для чего? Чтобы жить... Жалкая жизнь, сама себя пожирающая!..

Въ это же время у него завязалась новая любовь. Изъ его признаній Тревирано намъ уже извѣстно, что Реха, невѣстка Мендельсона, произвела на него глубокое впечатлѣніе. Полагаясь на трезвость своего разсудка, онъ безъ страха сталъ сближаться съ Рехой, какъ съ пріятельницей, смотрѣлъ въ ея черные, пламенные глаза, любовался ея спокой-

Digitized by Google

но-прекрасными чертами, роскошными формами, кудрями, цѣлой волной ниспадавшими съ ея головы. Онъ тѣмъ болѣе былъ спокоенъ за свое сердце, что ему многое не нравилось въ Рехѣ: форма ея бровей, слишкомъ выдающаяся верхняя губа, и особенно—точно какая-то трещина въ горлѣ, вслѣдствіе чего звуки выходили оттуда нечистыми... Частыя посѣщенія свои онъ внутренно оправдывалъ тѣмъ, что желалъ какъ можно чаще видѣться съ философомъ; но мало по малу сталъ онъ ходить туда даже и тогда, когда зналъ, что Мендельсонъ именно въ это время работаетъ въ конторѣ... Какъ билось его сердце, какъ почти задыхался онъ при мысли о часѣ, когда онъ подойдетъ къ Мендельсону, попроситъ у него руки его невѣстки, обниметъ его, какъ брата, и поцѣлуемъ сорветъ съ устъ Рехи трепетное *да!* Какими яркими красками рисовалъ онъ себѣ свою будущую жизнь, свѣжую и пламенную дѣятельность въ соединеніи съ глубокимъ умомъ и нѣжною задушевностью!..

Это-то обстоятельство и удерживало его теперь за купеческой конторкой: на собственный прожитокъ его состоянья было вполнѣ достаточно, но чтобы содержать семью, надо было имѣть опредѣленный, постоянный заработокъ...

Цѣльная и самостоятельная натура Рехи производила на Ефраима освѣжающее, полное тысячи тихихъ наслажденій впечатлѣніе. Теперь онъ впервые узналъ, что назначеніе женщины—не быть только отголоскомъ болѣе сильнаго ума, но понимать и устраивать житейскія отношенія и условія въ ихъ настоящемъ, коренномъ видѣ. При Рехѣ онъ не могъ уже играть роль оракула и проповѣдывать противъ нелѣпостей и предразсудковъ необразованныхъ людей, какъ это онъ дѣлалъ съ Филиппиной и Тайбхенъ; съ неподкупнымъ здравымъ взглядомъ изслѣдовала Реха подносившееся ей и заставляла подносителя глубже проникать въ себя и въ другихъ. Ефраимъ чувствовалъ себя черезъ это болѣе крѣпкимъ и умственно поднявшимся, дремавшая жажда дѣятельности шевелилась въ его душѣ, и скоро новой веснѣ любви суждено было распуститься и расцвѣсть во всемъ своемъ блескѣ...

Digitized by Google

Предметомъ бесѣдъ его съ Рехой были большею частью еврейскія дѣла и просвѣщеніе. Однажды разговоръ зашелъ объ удивительныхъ случаяхъ, которые часто, подобно молніи, разбиваютъ оковы, лежащія на свободномъ самосознаніи; Ефраимъ разсказалъ при этомъ о своемъ польскомъ раввинѣ, о томъ, какъ онъ, измученный своею душевною борьбой, заснулъ однажды на колѣняхъ этого учителя. Съ сверкающими глазами слушала его Реха; въ голосѣ и выраженіи лица Ефраима было столько нѣжной задушевности и тихой грусти! Реха не могла не чувствовать, что онъ такъ охотно воскрешаетъ передъ нею все свое прошедшее для того, чтобы вмѣстѣ со своимъ теперешнимъ бытіемъ привязать къ ея сердцу и свое прежнее, исчезнувшее существованіе. Онъ говорилъ о духѣ свободы и подразумѣвалъ подъ этимъ духъ любви; онъ говорилъ о рукѣ, которую раввинъ возлагалъ на его голову, а въ это время думалъ о рукѣ Рехи, которой предстояло посредствомъ нѣжнаго прикосновенія успокоить лихорадочное біеніе пульса въ той же головѣ...

Поговорить съ Рехой наединѣ Ефраиму не удавалось: тутъ постоянно присутствовала ея сестра или какая нибудь пріятельница; особенно же стѣсняло его болѣе частое присутствіе при этихъ бесѣдахъ его кузины Церлины. Но за то онъ вознаграждалъ себя, когда прогуливался одинъ или ночью оставался наединѣ съ самимъ собой въ своей комнатѣ. Какими сладкими рѣчами обмѣнивался онъ въ это время съ нею! Какъ ярко блестѣли для него всюду чудесныя жемчужины росы въ пестрыхъ цвѣточныхъ чашечкахъ!.. Часто воспроизводилъ онъ эти воображаемыя бесѣды въ стихахъ; но какъ будто боясь довѣрить ея имя бумагѣ, прославлялъ ее подъ всяческими выдуманными именами; всѣ эти стихотворенія однако были обращены *къ ней!..* Онъ чувствовалъ неудовлетворительность этихъ произведеній, но что за дѣло теперь было ему до достоинства его стиховъ? Развѣ не жила въ немъ любовь и развѣ не наполняла она внутреннимъ огнемъ всю его жизнь и все его творчество?.. Онъ отказался отъ возможности когда нибудь дойти до полнаго воспроизведенія своего *я;* все, что было у него въ душѣ вос-

Digitized by Google

пріимчиваго къ топкимъ движеніямъ духа, все, что́ жило въ немъ поэтическаго —все это хотѣлъ онъ вылить въ чашу любви и поднести *ей* чтобы оно осталось вѣчно свѣжимъ жизненнымъ напиткомъ. На стихотворство смотрѣлъ онъ теперь только какъ на игру и шутку: цѣль его бытія осуществилась въ любви, ему казалось, что онъ нашелъ единеніе между жизнью и поэзіею, подчинивъ и принеся въ жертву послѣднюю первой.

Обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ онъ тысячу разъ и со всевозможныхъ сторонъ говорилъ съ Рехой. Она вполнѣ понимала его и почти никогда ему не противорѣчила, потому что Ефраимъ смотрѣлъ на свои внутреннія бесѣды съ самимъ собой, какъ на дѣйствительные разговоры съ Рехой; ему казалось, что она должна была слиться съ его духовной жизнью также нераздѣльно, какъ онъ съ нею. Поэтому каждый разъ, какъ онъ сходился съ Рехой, имъ овладѣвали недовольство и раздраженіе: онъ надѣялся на интимное продолженіе той бесѣды, которую онъ велъ съ нею въ своей душѣ, а она разспрашивала его о разныхъ новостяхъ повседневной жизни, или по прежнему старалась обогатить посредствомъ общенія съ нимъ свои познанія и свою мыслительную силу.

Реха была дѣйствительно ученица Мендельсона; каждое слово его, каждое вскользь брошенное замѣчаніе она долго хранила въ умѣ и обдумывала со всѣхъ сторонъ. Онъ пріучилъ ее къ тому, чтобы она была сама себѣ учителемъ, и не въ общихъ вопросахъ, а только по поводу чего нибудь совершенно опредѣлительнаго, единичнаго, указывалъ ей, въ чемъ заключались пробѣлъ или неправильность ея взгляда.

И вотъ въ такомъ-то настроеніи нашла она и Ефраима, и бесѣды ихъ состояли большею частью въ обсужденіяхъ и толкованіяхъ того, что́ каждый изъ нихъ отдѣльно или оба вмѣстѣ слышали отъ почтеннаго мудреца.

Неужели Реха въ самомъ дѣлѣ не понимала, что́ собственно происходило между ними, и неужели Ефраимъ такъ ужасно ошибся? Нѣтъ, это невозможно! Нѣтъ, это только желаніе дразнить его и искуственное

Digitized by Google

скрываніе своихъ чувствъ побуждаютъ ее говорить съ нимъ о такихъ вещахъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшей связи съ ихъ отношеніями! Нѣтъ, она любитъ его—это вѣдь ясно видно по ея глазамъ, которые глядятъ на него съ такою кроткою нѣжностью!

Церлина, кузина Ефраима, замѣтила его склонность даже раньше его самого. Она была пріятельница Рехи, навѣщала ее по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, часто давала своему кузену порученія къ Рехѣ и вообще вела себя такъ, какъ будто было само собой понятно, что отъ нея въ этомъ дѣлѣ ничто не оставалось скрытымъ. Ефраимъ ничему не противорѣчилъ, дѣтски-веселая натура его кузины весьма радовала его. Если до сихъ поръ онъ смотрѣлъ на нее не особенно доброжелательно, потому что она была назначена дядей въ жены ему, то эти новыя отношенія мало по малу породили между ними чисто братскія отношенія, установили даже дружбу... Ефраимъ зашелъ наконецъ даже такъ далеко, что попросилъ свою кузину пригласить Реху къ себѣ, въ садъ ея отца, передъ Бранденбургскими воротами; онъ надѣялся, что здѣсь, или по дорогѣ домой окончательно объяснится съ Рехой, узнаетъ окончательное рѣшеніе своей судьбы. Реха пришла, а съ нею и жена Мендельсона... Съ нѣжною любовью и страстью смотрѣлъ онъ на дѣвушку, которая стояла передъ нимъ, задумчиво опустивъ голову и роя кончикомъ ноги ямочку въ пескѣ. Госпожа Мендельсонъ съ восторгомъ сообщала новость о пріѣздѣ друга ея мужа, секретаря Лессинга, и была неистощима въ похвалахъ его веселости и разнымъ милымъ качествамъ.

— А какъ онъ нравится тебѣ, Реха? спросила Церлина.

— Мнѣ?—отвѣчала Реха, сильно покраснѣвъ,—очень нравится, но я еще почти не говорила съ нимъ.

Разговоръ не клеился, и Церлина стала разсказывать о чудесныхъ свадебныхъ туалетахъ, которые заказываетъ себѣ ея будущая невѣстка, и тутъ рѣчь неожиданно зашла о брачномъ счастьѣ въ томъ случаѣ, когда мужъ и жена нѣжно любятъ другъ друга.

— Я совершенно не понимаю, какъ можно не быть счастливымъ

Digitized by Google

со своимъ мужемъ,—сказала Церлина;—дѣлай, что ему пріятно, и онъ будетъ тебѣ платить тѣмъ же.

Реха обняла Церлину, поцѣловала ее и отозвалась съ похвалой о ея счастливой натурѣ. Потомъ она заговорила съ Ефраимомъ о наивности, о томъ, какъ эта послѣдняя все идеализируетъ тамъ, гдѣ разсудокъ видитъ только карикатурное; къ этому она очень искусно присоединила общее замѣчаніе на счетъ того, что многіе несправедливо отказываютъ въ наивности евреямъ; только конечно она у нихъ совсѣмъ иная, особенная. Ефраиму такъ и не удалось разъяснить свои сердечныя дѣла, тѣмъ болѣе, что явились еще новые гости.

Вернувшись домой въ непріятномъ настроеніи, Ефраимъ нашелъ свою комнату открытой; сквозь полуотворенную дверь смежной комнаты онъ увидѣлъ Матильду, красавицу-горничную, стоявшую передъ книжнымъ шкапомъ и занятую чтеніемъ какой-то книги. За этимъ занятіемъ онъ заставалъ ее уже неоднократно, и отсюда возникли нѣжныя отношенія между ними, потому что Ефраимъ открылъ въ Матильдѣ сильное влеченіе къ поэтическимъ наслажденіямъ; онъ часто давалъ ей книги и потомъ бесѣдовалъ съ ней на счетъ прочитаннаго, но видѣлъ, что во всемъ этомъ Матильда находила только пищу для томившей ее печали; читая о раззолоченныхъ принцессахъ и украшенныхъ цвѣтами пастушкахъ, она еще сильнѣе вздыхала о своей судьбѣ, давшей ей такое темное и грустное дѣтство и потомъ сдѣлавшей ее простою служанкой... Съ Ефраимомъ Матильда никогда не любила разговаривать о своихъ раннихъ годахъ, и особенно упорно скрывала, отчего у нея на лбу былъ такой широкій шрамъ... Фейтель называлъ ее „переодѣтой графиней Безкопѣйкиной“. Встрѣться Ефраимъ съ Матильдой въ ту пору, когда онъ нашелъ Филиппину,—онъ бы пламенно полюбилъ ее; но теперь онъ могъ кормить ее только крошками отъ давно съѣденнаго кушанья. Матильда же видѣла, что онъ понимаетъ ея скорбь, и любила его всей душою...

Заставъ ее теперь снова передъ книжнымъ шкапомъ, онъ на цыпочкахъ подкрался къ ней и схватилъ ея руку.

Digitized by Google

— Оставьте,—сказала Матильда,—она загрубѣла отъ работы... Но скажите мнѣ, отчего вы всегда скрывали отъ меня, что любите Реху Гуггенгеймеръ?.. Если бы это только было прилично, я готова бы пойти къ ней и сказать, какой вы милый и добрый человѣкъ, чтобы она знала, какое сокровище пріобрѣтаетъ въ васъ. Я бы съ радостью пошла въ горничныя къ вашей женѣ, а за вашими дѣтьми ходила бы и смотрѣла, какъ родная мать.

Ефраимъ въ восторгѣ поцѣловалъ ея руку, но она стыдливо отняла ее и спрятала подъ передникъ... Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она разсказала ему, какъ старый Эммануилъ не менѣе ея принимаетъ въ немъ живое участіе и какъ часто они говорятъ о немъ.

— Да,—сказала она,—я слишкомъ много думаю о васъ, безпрестанно думаю. Не хорошо это, я знаю, но какъ же мнѣ быть иначе? Ночью, когда старый Эммануилъ такъ печально играетъ на скрипкѣ, я по цѣлымъ часамъ стою у своего окошка, и слушаю, и гляжу вверхъ на звѣзды, свѣтящія такъ кротко, такъ привѣтливо, и думаю, и молюсь о васъ...

Грудь ея стала вздыматься сильнѣе, голосъ задрожалъ. Въ это время зазвонилъ колокольчикъ, возвѣстивъ тѣмъ о возвращеніи господъ домой, и она поспѣшила уйти.

Ефраимъ грустно улыбнулся, подумавъ о жестокомъ произволѣ судьбы, которая *тамъ* заставляла его искать любовь тревожно и на невѣдомыхъ путяхъ, а *здѣсь* предоставляла ее ему безъ всякихъ поисковъ съ его стороны,—и о томъ, что ему приходилось какъ бы только изъ состраданья принимать всѣ эти, разсыпавшіяся передъ нимъ богатыя сокровища глубокой и искренней любви...

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

* * *

Когда въ тиши ночной, съ усталою душою,
Ложусь я отдыхать отъ всѣхъ заботъ дневныхъ,
Мирюсь тогда съ своей печальною судьбою,
Забывъ, прощая всѣхъ мучителей своихъ;
Но не могу забыть страдальцевъ тѣхъ невинныхъ,
Такъ близкихъ къ сердцу мнѣ, безпомощныхъ, безсильныхъ...
Я не могу забыть!

Страшнѣе мрачныхъ тучъ, темнящихъ сводъ лазурный,
Несущихся толпой, въ грозѣ, со всѣхъ сторонъ
Рой думъ передо мной встаетъ угрюмый, бурный,
Встаетъ передо мной, гоня желанный сонъ...
Зоветъ, зоветъ меня на новыя мученья,
Въ больной груди моей утихшія волненья
Что́ мигъ, растутъ сильнѣй.

Воспряну весь въ огнѣ... Грозою грудь забьется,
Кружится голова и зазвенитъ въ ушахъ,
По жиламъ лавою кипучей кровь прольется,
Отъ слезъ нахлынувшихъ погаснетъ свѣтъ въ глазахъ,
И призраки изъ тьмы возстанутъ предо мною,
Худые, блѣдные, съ поникшей головою,
Въ лохмотьяхъ и въ пыли...

Digitized by Google

Укоръ въ нѣмыхъ устахъ, въ глазахъ сверкаютъ слезы,
Ихъ взоры тусклые блуждаютъ вкругъ меня...
И, видя ихъ, шепчу, шепчу врагу угрозы,
Но чувствую—увы!—какъ самъ безсиленъ я...
Безсиленъ, какъ пловецъ одинъ въ открытомъ морѣ,
Когда валы шумятъ и, пѣнясь на просторѣ,
Вздымаются горой....

Мой врагъ, мой грозный врагъ! Твой мечъ окровавлённый,
Карающій твой мечъ пора вложить въ ножны,
Къ тебѣ зоветъ съ мольбой невинно-угнетенный,
Изъ сумрака темницъ, изъ мрачной глубины!
Широко раствори предъ нимъ врата темницы,
Пусть выйдетъ онъ.... пусть взоръ его свѣтлѣй зарницы
На волѣ заблеститъ!...

С. Варгафтигъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1) **Die jüdische Stammverschiedenheit**, ihr Einfluss auf die innere und äussere Entwickelung des Judenthums von *Heinrich Mosler*. Leipzig, 1884.

Авторъ разбираемаго нами сочиненія принадлежитъ, если не къ дѣйствительно оригинальнымъ умамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ желающимъ прослыть таковыми. Уже въ предисловіи къ своей книгѣ онъ объявляетъ войну записнымъ ученымъ и, на всякій случай, то есть, главнымъ образомъ, на тотъ случай, еслибы его борьба съ «записной» наукой оказалась неудачной, ссылается на то обстоятельство, что борьба эта «до смѣшнаго» неравна, такъ какъ «онъ работалъ одинокій и безъ всякихъ вспомогательныхъ источниковъ». Примутъ-ли читатели во вниманіе этотъ защитительный аргументъ, особенно для человѣка, пишущаго на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи, въ странѣ книгъ par excellence—мы не знаемъ, но насъ это нѣкоторымъ образомъ обязываетъ относиться къ автору не съ точки зрѣнія того, что онъ могъ дать, а исключительно того, что онъ даетъ. Посмотримъ же, насколько сильны и убѣдительны его доводы и насколько логично, безъискусственно и неизбѣжно вытекаетъ изъ нихъ желательный автору результатъ.

Авторъ задается мыслью, которую онъ считаетъ совершенно оригинальной—нанести рѣшительный ударъ кажущейся однородности еврейскаго народа и доказать, что въ еврейской исторіи всегда дѣйствовали различныя силы, которыя, очевидно, не могли вмѣстѣ составить прочную равнодѣйствующую, и такимъ образомъ, всегда направляли теченіе историческихъ событій въ сторону большей изъ дѣйствовавшихъ въ данный моментъ силъ. Откуда же взялись эти различныя и даже исключающія другъ друга силы

Digitized by Google

въ средѣ одного и того же народа? Очень просто: праотецъ Іаковъ, какъ извѣстно, имѣлъ двѣнадцать сыновей, которые и были родоначальниками двѣнадцати колѣнъ, изъ коихъ состоялъ еврейскій народъ, а у этихъ двѣнадцати сыновей, естественно, были двѣнадцать различныхъ характеровъ—вотъ оттуда и пошла разнохарактерность еврейскаго народа. Что же касается характеровъ этихъ самихъ родоначальниковъ колѣнъ, то для сужденія и составленія себѣ совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о нихъ, нашъ авторъ пользуется по преимуществу двумя библейскими источниками: благословеніемъ Іакова и исторіею происхожденія его двѣнадцати сыновей. Авторъ стоитъ за подлинность этого благословенія, и оно служитъ ему неисчерпаемымъ источникомъ всякихъ выводовъ и умозаключеній. Впрочемъ, въ этой характеристикѣ двѣнадцати сыновей праотца авторъ видитъ уже готовые результаты того, что подготовлялось и вполнѣ объясняется исторіею ихъ происхожденія. Каждый изъ двѣнадцати сыновей выходитъ такимъ, какимъ дѣлаютъ его моментъ зарожденія и то состояніе, въ которомъ тогда находились виновники его происхожденія—родители. Точка отправленія, какъ видите, вполнѣ раціональная и даже согласная съ новыми взглядами науки. Но вопросъ именно въ томъ, насколько г. Мозлеру удалось подобрать дѣйствительные моменты, рѣзко кладущіе свою печать на дальнѣйшее существованіе лица, происхожденіе котораго ими обусловливается и насколько тутъ участвовала богатая, повидимому, фантазія г. Мозлера. Оказывается, увы, что дѣйствительно реальныхъ и существенныхъ моментовъ весьма немного, за то фантазія нашего автора работала изрядно. О первомъ сынѣ Іакова, Рувимѣ, пятикнижіе разсказываетъ, что онъ родился отъ Леи, которую хитрый Лаванъ далъ племяннику, вмѣсто любимой Рахили, за которую тотъ служилъ семь лѣтъ. Слѣдовательно, Рувимъ—сынъ первой могучей страсти, обманутой, однако, въ своихъ самыхъ завѣтныхъ увлеченіяхъ. Отсюда Рувимъ, по словамъ г. Мозлера, «нравственно и душевно одаренъ богаче всѣхъ своихъ братьевъ, благородный, даровитый фантастъ, но безъ надлежащаго удержу, юношески необдуманъ, въ основаніи честенъ и только въ опасности прибѣгаетъ къ неопасной хитрости (стр. 4). Какимъ образомъ все это объясняется моментами происхожденія Рувима,

Digitized by Google

гдѣ съ одной стороны былъ обманутый и недовольный мужъ, а съ другой, — сознательно совершающая обманъ жена—мы, признаться, не умѣемъ себѣ объяснить. Но это только цвѣточки. Послѣ Рувима, какъ извѣстно, идутъ Симеонъ и Леви, какъ авторъ говоритъ, «злокачественно-ограниченные, угрюмо-насильственные два брата, которые суть «дѣти періода *уже открытаго обмана*, дѣти открыто нелюбимой жены». Казалось бы, что рожденные при одинаковыхъ условіяхъ, оба эти сына должны были бы отличаться одинаковыми качествами, и если въ комъ либо изъ нихъ непріязнь, существовавшая между обоими супругами, должна была особенно рѣзко сказаться, такъ это именно въ Симеонѣ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ моменту, когда чувство обманутой любви и страстнаго негодованія было еще особенно свѣжо и сильно у Іакова. На дѣлѣ же оказывается, что Симеонъ, какъ признаетъ самъ авторъ, вскорѣ совершенно сливается съ Іегудой, а крайнимъ выразителемъ этого отмѣченнаго авторомъ направленія остается Леви. Однако, вслѣдъ за этимъ сейчасъ совершается знаменательная реакція, и четвертый сынъ — Іегуда, по словамъ автора, «болѣе умѣренный, миролюбивый и уступчивый». Однако, г. Мозлеръ и для этой перемѣны находитъ оправданіе: Іегуда, говоритъ нашъ авторъ, обнаруживаетъ въ себѣ плоды достигнутаго въ домѣ патріарха modus vivendi. Страсти улеглись, условія взаимнаго существованія оказываютъ свое вліяніе. Лучше несовершенное и нежелательное *нѣчто*, (т. е. трое дѣтей отъ нелюбимой жены), чѣмъ совершенное *ничто*, недостижимый идеалъ — вотъ это и становится лозунгомъ Іегуды». Сейчасъ слѣдуетъ и доказательство. «Лучше живой песъ, чѣмъ мертвый левъ» говоритъ іудаитъ Когелетъ (стр. 20). Конечно, если спросить автора, независимо отъ его тенденцій, полагаетъ-ли онъ, что Кегелетъ принадлежитъ Соломону, то несомнѣнно получился бы отрицательный отвѣтъ. Спрашивается, на чемъ же въ такомъ случаѣ основывается убѣжденіе, что книга «Когелетъ» написана именно іудаитомъ? Неужели на томъ, что въ этой книгѣ имѣется приведенный выше стихъ? Но вѣдь характеристичность выражаемой въ стихѣ сентеціи какъ разъ для Іегуды и требуется именно доказать. И почему бы автору «Кегелетъ» не быть данитомъ, представителей каковаго колѣна авторъ ниже (стр. 29) считаетъ склонными къ удовольствіямъ и

Digitized by Google

комфорту? Вѣдь сказано же въ Еклезіастѣ: «Радуйся, юнецъ, твоей молодости, и пусть твое сердце ублаготворитъ тебя въ дни твоей юности, и слѣдуй путямъ сердца твоего и взглядамъ глазъ твоихъ». Кстати, вы знаете, читатель, почему Данъ долженъ любить роскошь и удовольствія? Потому что самъ онъ, видите ли, «плодъ азіатской роскоши», состоящей въ томъ, что невѣстамъ даются рабыни въ приданое. Поэтому въ Данѣ мы замѣчаемъ стремленіе къ раффинированному, утонченному, обыкновенно связанное съ стремленіемъ къ роскоши, далѣе—развитіе невысокихъ талантовъ общественности, которые необходимы для удобной, даже блестящей мѣщанской жизни» (стр. 29—30). Причина этихъ качествъ заключается въ томъ, что Данъ—«плодъ гаремной интриги», вслѣдствіе чего интрига и хитрѣйшее остроуміе остаются преобладающими чертами этого колѣна. Похожими на Дана оказываются и его братья, Нафтали, Гадъ и Ассаръ, также рожденные отъ рабынь, т. е. собственно не похожими, и даже весьма различными; такъ, напримѣръ Нафтали совсѣмъ веселый, жизнерадостный малый, съ острымъ языкомъ, который, очевидно, непохожъ на хитраго, скрытнаго Дана; но онъ все таки похожъ, или, какъ для удобства выражается нашъ авторъ въ подобныхъ случаяхъ, ненепохожъ. Что же касается Гада, то онъ оказывается по словамъ г. Мозлера уже черезъ-чуръ еврейскимъ колѣномъ. Такъ какъ онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, по библейскому разсказу, тому обстоятельству, что Лея, увидѣвъ, что рабыня Рахили родила сына, пожелала дать патріарху и свою рабыню, то Гадъ, очевидно, дитя конкурренціи, а потому евреи такіе ловкіе конкуренты (стр. 38). Ассира же нашъ авторъ рекомендуетъ такъ, что въ немъ то и дѣло прорывается сынъ кухарки (стр. 40).

Еще больше виртуозности г. Мозлеръ обнаруживаетъ при объясненіи характеровъ Иссахара и Зебулана. Оба они рождены отъ одной матери и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, между тѣмъ Зебуланъ, по словамъ самого автора нашего, купецъ съ широкими стремленіями, съ большой иниціативой, отважный путешественникъ и мореплаватель, а «Иссахаръ представляетъ собою какъ разъ противоположность этому», (стр. 25), предпочитая покой всему остальному, даже свободѣ. Но нашъ авторъ не таковъ, чтобы его подобныя проблемы останавливали. Зебуланъ оказы-

Digitized by Google

вается сыномъ Іакова, пріобрѣвшаго благосостояніе своей ловкостью и практическимъ умомъ (стр. 24), а Иссахаръ—сыномъ того Іакова, который преклоняется предъ своимъ сильнѣйшимъ братомъ и который даже не господинъ въ собственномъ домѣ (тамъ же).

Понятно, что исходя изъ такихъ шаткихъ, гадательныхъ и, во всякомъ случаѣ, весьма сомнительныхъ основаній, г. Мозлеръ неизбѣжно приходитъ къ произвольнымъ, крайне рискованнымъ выводамъ, при чемъ вся аргументація его отличается блѣдностью, сбивчивостью и взаимными противорѣчіями. Г. Мозлеръ силится доказать, что всѣ отмѣченныя имъ въ родоначальникѣ каждаго колѣна качества, обусловленныя моментами его происхожденія, проявляются и въ дальнѣйшихъ историческихъ судьбахъ этого колѣна, а это ведетъ его къ неимовѣрнымъ натяжкамъ и совершенно безпочвеннымъ предположеніямъ. Разыскивать таковыя въ книгѣ г. Мозлера рѣшительно не представляется никакой надобности, а потому возьмемъ на удачу. Колѣно Леви рисуется у нашего автора крайне нетерпимымъ, постоянно стремящимся къ деспотическому владычеству и къ строгому обособленію евреевъ. «Работу изолированія, говоритъ авторъ, берутъ на себя Моисей и Ааронъ въ Египтѣ, у азіатовъ Эзра и его помощники, у идумейцевъ Іоаннъ Креститель, у римлянъ Флавій Іосифъ" (стр. 10). Интересно уже само это сопоставленіе; но, Боже великій, какимъ путемъ Флавій попалъ въ сонмъ строжайшихъ сторонниковъ національнаго обособленія, Флавій, котораго современные ему евреи считали измѣнникомъ, который писалъ только на греческомъ языкѣ и горой стоялъ за миръ съ Римомъ? Неужели только потому, что за всѣмъ тѣмъ онъ возмущался наглыми выдумками Апіона?— Но за строгое обособленіе отъ язычниковъ, какъ извѣстно, ратовали и пророки, ergo—и пророки должны непремѣнно стать левитами. И нашъ авторъ дѣйствительно такъ поступаетъ, т. е. онъ безъ разбору превращаетъ пророковъ въ левитовъ; такъ, напримѣръ, онъ дѣлаетъ левитомъ и пророка Захарія (тамъ же). Библейская критика, какъ извѣстно, считаетъ двухъ пророковъ имени Захаріи, изъ которыхъ по весьма логичному предположенію Гретца (G. d. J. II—1 c. 440) одинъ — старшій, былъ сынъ Берехагу, а другой, младшій, — сынъ Идо. Первый вѣрно не былъ левитомъ, ибо его цитируетъ пророкъ Ис. VIII, 2, говоря: «и на-

Digitized by Google

значу себѣ свидѣтелей вѣрныхъ, *Уріо-Когена* и Захарія, сына Іебарахіагу». О второмъ также нигдѣ не сказано, что онъ былъ левитомъ; только въ кн. Нех. XII, 16, въ числѣ ааронидовъ считается нѣкій Захарій *изъ дома* Идо. Но почему же думать, что это непремѣнно пророкъ? Развѣ эти имена только одинъ разъ встрѣчаются въ библіи? Напротивъ, изъ того, что ааронидъ Эзра два раза упоминаетъ пророка Захарія — бенъ-Идо и ни разу не называетъ его ааронидомъ, слѣдуетъ заключить, что онъ и не былъ таковымъ. — Для доказательства безпощадности левитовъ, гдѣ дѣло идетъ о пропагандѣ избранныхъ идей, нашъ авторъ ссылается далѣе на обращенные къ Леви стихи Втор. XXXIII, 9, гдѣ сказано: «который говоритъ отцу своему и матери своей я ихъ не видалъ и брата своего онъ не призналъ и дѣтей своихъ не знаетъ?» Но развѣ іудаитъ Давидъ въ псалмѣ LXIX, носящемъ его имя, не говоритъ: «отчужденъ я отъ моихъ братьевъ и чуждъ дѣтямъ моей матери, ибо ревность къ дому твоему пожрала меня»? И развѣ основатель христіанской вѣры, дѣятельность котораго авторъ считаетъ особенно знаменательной для колѣна Іегуды, не говорилъ, по свидѣтельству Матѳея X, 35: «Ибо я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея»? А зелоты времени разрушенія втораго храма, выказавшіе такую изумительную стойкость въ своей ненависти къ римлянамъ и вовсе не принадлежавшіе къ колѣну Леви, неужели также отличались большой уступчивостью и ужъ во всякомъ случаѣ большей, чѣмъ ааронидъ Флавій? Далѣе, читатель помнитъ, что Иссахаръ и Зебуланъ отрекомендованы нашимъ авторомъ, какъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ купецъ, а другой просто апатичная, пассивная натура, которую авторъ дальше называетъ лавочнической, филистерской и способной только къ торгашеству. «Изъ этихъ двухъ колѣнъ, говоритъ г. Мозлеръ, не упоминаются почти никакія лица, выдающіяся своей религіозной или политической дѣятельностью. Только ко времени судей упоминаются немногіе о которыхъ, однако, не передается ничего важнаго» (стр. 25—26). А въ примѣчаніи къ этому мѣсту: «изъ Иссахара, напримѣръ, Дебора». Какъ видите, Дебора у нашего автора личность совершенно ничтожная,—эта геройски-величественная, одинаково славная, какъ

Digitized by Google

судья, полководецъ и народный политикъ, одинаково восторженная и мужественная, какъ на полѣ брани, такъ и въ своей несравненной побѣдной пѣснѣ! Но можетъ быть, г. Мозлеръ мститъ пророчицѣ Деборѣ за то, что она въ той же побѣдной пѣснѣ вовсе не сходится съ облюбленной имъ характеристикой разныхъ колѣнъ, между прочимъ, Рувима, котораго пророчица упрекаетъ за обособленіе, между тѣмъ, какъ (Суд. V. 15, 16), нашъ авторъ считаетъ его именно важнымъ соединительнымъ элементомъ? Но послушаемъ, что говоритъ нашъ авторъ дальше: «За то отъ нихъ (т. е. отъ Зебулана и Иссахара) вѣроятно происходилъ тотъ или другой, забытый исторіею, крезъ, который въ свое время и пользовался извѣстностью. Такъ, напримѣръ, произошелъ отъ Иссахара вошедшій въ пословицу Наботъ» (стр. 26). Противъ остроумнаго предположенія, что изъ среды названныхъ двухъ колѣнъ происходили забытые исторіею крезы мы ничего не имѣемъ, какъ не имѣли бы противъ предположенія, что таковые крезы были въ средѣ любого изъ другихъ колѣнъ; но, ради Бога, при чемъ тутъ Наботъ? Развѣ онъ пріобрѣлъ такую извѣстность своимъ баснословнымъ богатствомъ? Въ библіи о его особенномъ богатствѣ ничего не говорится; разсказывается только, что у него былъ садъ, на который зарился Ахабъ и который этотъ послѣдній, по совѣту своей многогрѣшной жены, и добылъ наконецъ путемъ возмутительнаго убійства. Если бы это случилось у моавитянъ, у мидіанитянъ и пр., то объ этомъ никто и не сталъ бы говорить. Но при развитомъ у евреевъ, даже въ израильскомъ царствѣ, чувствѣ справедливости, эта исторія надѣлала шуму, и имя Набота получило извѣстность. Впрочемъ, нашъ авторъ идетъ еще дальше въ своихъ смѣлыхъ приговорахъ. Относительно Набота есть, по крайней мѣрѣ, основаніе предположить, что онъ былъ изъ колѣна Иссахаръ, такъ какъ во владѣніяхъ этого колѣна была мѣстность, называвшаяся «Изреель»; но чѣмъ оправдывается высказанное (тамъ же) г. Мозлеромъ убѣжденіе что, вопервыхъ, домъ царя Омри происходилъ отъ Иссахара, во вторыхъ, что Омри, *купилъ* себѣ побѣду надъ своимъ противникомъ Тибни? О первомъ нѣтъ въ библіи ни малѣйшаго намека. Въ 1 хрон. XXVII, 18 упоминается правда, лицо этого имени изъ колѣна Иссахаръ; но онъ жилъ во времена Давида. считать же имя Омри исключительнымъ достояніемъ колѣна Иссa-

Digitized by Google

харъ было бы и нелѣпо и несогласно съ фактической истиной, такъ какъ въ 1 Хрон. IX, 4 упоминаетъ имя человѣка Омри изъ колѣна Іегуда; тамъ же VII, 7—Омри изъ колѣна Веніаминъ. Что же касается утвержденія, что Омри деньгами утвердилъ за собою власть, то нашъ авторъ подкрѣпляетъ его ссылкой на 1 Цар. XVI, 24; но что же, однако, сказано въ этомъ стихѣ? Вотъ его подлинныя слова: «Въ тридцать первомъ году царствованія Аса царя іудейскаго сталъ царствовать Омри надъ Израилемъ, двѣнадцать лѣтъ, въ Тирцо царствовалъ шесть лѣтъ. И купилъ онъ гору Шоморонъ отъ Шемера за два кикра серебра, и обстроилъ онъ гору и назвалъ имя города, который онъ выстроилъ, по имени Шемера владѣльца горы—Шоморонъ» (тамъ же 23, 24). И такъ, на основаніи того, что царь черезъ шесть лѣтъ послѣ вступленія на престолъ купилъ мѣстность, въ которую, по какимъ либо соображеніямъ, и перенесъ свою столицу, безапелляціонно утверждаютъ, что онъ купилъ себѣ власть за деньги! И это все для того, чтобы утвердить за Иссахаромъ, изъ среды котораго Омри едва ли вышелъ, репутацію ограниченнаго филистера-богача, прибѣгающаго, гдѣ можно, къ посредству своего туго набитаго кармана. Однако г. Мозлеръ, такъ старательно перерывшій всевозможные стихи, чтобы найти хоть что нибудь, якобы относящееся къ Иссахару, почему-то проглядѣлъ одинъ стихъ, несомнѣнно говорящій объ Иссахарѣ, а именно, 1 Хрон. XII, 33, въ которомъ сказано: „А изъ дѣтей Иссахара свѣдущіе въ разумѣніи временъ, чтобы знать, что дѣлать Израилю“. А, вѣдь, какъ легко было бы автору по его системѣ объяснить эти дипломатическія способности Иссахара хоть бы такимъ, напримѣръ, образомъ: въ Иссахарѣ мы видимъ настоящаго сына человѣка, который то и дѣло размышляетъ о дипломатическихъ путяхъ для умноженія числа пятнистыхъ, пестрыхъ и полосатыхъовецъ! Но тогда, конечно, Іисахаръ не былъ бы торгашемъ, буржуазной, торгашеской натурой. А это автору почему-то очень нужно.

Мы могли бы привести еще десятки курьезовъ изъ претенціознаго труда г. Мозлера; но мы боимся утомить читателя, злоупотребляя его терпѣніемъ, а потому укажемъ только еще на то, что Самсонъ, для оправданія своего происхожденія изъ колѣна Данъ, выходитъ у автора раффинированнѣйшимъ и лука-

Digitized by Google

вѣйшимъ хитрецомъ и дипломатомъ—этотъ Самсонъ, который на всѣхъ непредубѣжденныхъ производитъ впечатлѣніе настоящаго богатыря, съ его молодецкой удалью, желѣзными мускулами, но наивной недогадливостью, — этотъ Самсонъ, который, какъ ребенокъ, дается въ руки своей хитрой филистимлянкѣ и попадаетъ въ такую грубую, неискусную западню! Вотъ что значитъ желаніе сказать во что бы то ни стало оригинальное слово, до котораго еще не додумались записные ученые, и удивить міръ самородными открытіями; вотъ до какихъ нелѣпостей можно договориться, когда не *изучаютъ* источниковъ, а стараются только «пользоваться» ими! Читатели видѣли, что мы не упрекали г. Мозлера въ незнаніи литературы предмета, хотя это у него обнаруживается на каждомъ шагу; но вѣдь сколько смѣлости и храбрости нужно имѣть, чтобы такъ искажать библію—книгу, по счастью, вовсе не составляющую рѣдкость—слѣдовательно, строить цѣлыя зданія на песку тамъ, гдѣ каждый можетъ убѣдиться въ сомнительномъ качествѣ нашего строительнаго матеріала.

---

2) **Midrasch Tanchuma**, ein agadischer Commentar zum Pentateuch von Rabbi Tanchuma ben Rabbi Abba. Zum ersten Male nach Handschriften aus den Bibliotheken zu Oxford, Rom, Parma und München herausgegeben. Kritisch berarbeitet, commentirt und mit einer ausführlichen Einleitung, versehen von *Solomon Buber* in Lemberg. Wilna, 1885.

Изданіе г. Бубера есть плодъ необыкновеннаго трудолюбія, въ соединеніи съ рѣдкой эрудиціею и значительной силой комбинаціи. Благодаря этому труду, цѣлая полоса свѣта пролита на одну изъ областей нашей древней литературы, остававшихся до сихъ поръ въ сторонѣ отъ свѣта критики и раціональныхъ библіографическихъ изслѣдованій. Такой областью былъ, между прочимъ, и такъ называемый «Мидрашъ Танхума», агадическій толкователь Пятикнижія, составленный въ духѣ талмудической агады. Этотъ весьма популярный въ нашемъ народѣ агадическій сборникъ часто возбуждалъ недоумѣнія библіографовъ вслѣдствіе того, что древними авторами цитируются мѣста изъ Мидрашъ-Танхума, которыхъ въ сборникѣ, носящемъ у насъ это названіе, не имѣется.

Digitized by Google

Это обстоятельство заставило уже Азулаи (въ его Schem-Ha-Gedolim) высказать убѣжденіе, что Мидрашъ-Танхума, имѣющійся въ нашихъ рукахъ, не тождествененъ съ Мидрашомъ этого названія, который упоминается у древнихъ авторовъ. Это и побудило г. Бубера обратиться въ знаменитыя европейскія книгохранилища съ запросами, не имѣется ли манускриптовъ подлиннаго Танхума. Поиски г. Бубера увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ что вскорѣ онъ въ состояніи былъ возстановить текстъ стараго Танхума по девяти манускриптамъ, дополняя ихъ другъ другомъ и критически сравнивая тексты, гдѣ они по тѣмъ или другимъ причинамъ возбуждали сомнѣнія. Г. Буберъ весьма внимательно отнесся къ тексту, снабдивъ его своими примѣчаніями и указаніями, въ которыхъ отмѣчаются, напримѣръ, библейскія цитаты, приводимыя въ Мидрашѣ съ извѣстными отступленіями отъ канонизированнаго у насъ текста, или тексты Мидраша, которыми пользовались современные Мидрашу и нѣсколько позднѣйшіе авторы и т. п. Иностранныя слова г. Буберъ снабдилъ переводомъ, почти вездѣ основаннымъ на вѣрномъ филологическомъ пониманіи.

Но кромѣ всего этого, г. Буберъ предпослалъ самому тексту Мидраша большое введеніе, въ которомъ затронуты и научно разработаны слѣдующіе преимущественно вопросы: 1) имя автора и время, въ которое онъ жилъ; 2) Танхума, Мидрашъ-Іеламдену и тотъ Мидрашъ, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ подъ именемъ Танхума, общее между ними и ихъ различія; 3) характеръ издаваемаго сочиненія, его пріемы и стилистическія особенности; 4) характеристика всѣхъ манускриптовъ, которыми пользовался г. Буберъ при своемъ изданіи. Тутъ же имѣются нѣкоторые указатели, въ значительной степени облегчающіе употребленіе Мидраша, особенно для критическо-научныхъ цѣлей. Результаты, къ которымъ приходитъ г. Буберъ въ своемъ обширномъ введеніи, могутъ быть вкратцѣ резюмированы въ слѣдующихъ пунктахъ: Мидрашъ приписывается р. Танхумо на томъ основаніи, что этотъ ученый былъ извѣстенъ, какъ первоклассный агадистъ, но, конечно, не все, изложенное въ Мидрашѣ, принадлежитъ р. Танхумо. Жилъ р. Танхумо приблизительно въ концѣ IV или въ началѣ V вѣка жилъ, повидимому, въ Антіохіи; весьма вѣроятно также, что онъ побывалъ въ Римѣ. Отецъ его назывался

Digitized by Google

р. Абба.—Три сочиненія были извѣстны подъ именемъ Танхума: Мидрашъ, издаваемый г. Буберомъ, Мидрашъ, давно извѣстный въ печати, и еще одинъ Мидрашъ, который называется также «Іеламдену», но который до насъ не дошелъ; мнѣніе же, что Мидрашъ «Іеламдену» тождествененъ съ давно извѣстнымъ Мидрашомъ или съ изданіемъ г. Бубера—ошибочно, и если даже такіе первоклассные изслѣдователи, какъ Цунцъ, могли прійти къ невѣрнымъ или неопредѣленнымъ результатамъ, то это только благодаря ихъ незнакомству съ изданными г. Буберомъ манускриптами. — Издаваемый г. Буберомъ Мидрашъ былъ написанъ раньше извѣстнаго Мидрашъ - Рабба, авторы котораго пользовались имъ, равно какъ авторы Pessikta de R. Kahano, Ялкута и др. Редакторъ же этого Танхума, въ свою очередь, пользовался разными предшествовавшими ему сочиненіями,—Mechilta, Pirke R. Elieser и др.

По характеру своего содержанія, нашъ Мидрашъ не отличается отъ другихъ Мидрашимъ, заключая въ себѣ толкованія стиховъ, порой основанныя на вѣрномъ пониманіи слова, порой произвольно-агадическія, параболы, разсказы, этическія сентенціи и даже галахическіе тезисы. Число послѣднихъ превышаетъ шестьдесятъ. Поистинѣ изумительную эрудицію г. Буберъ обнаруживаетъ въ тѣхъ главахъ своего введенія, гдѣ онъ указываетъ всѣхъ древнихъ авторовъ, цитирующихъ Мидрашъ Танхума, при томъ всегда ясно и убѣдительно доказывая, къ какому изъ трехъ сочиненій, носящихъ это имя, относится данная цитата. Конечно, здѣсь не мѣсто останавливаться на подробностяхъ и второстепенныхъ деталяхъ огромнаго труда г. Бубера; но изъ сказаннаго читатель легко можетъ заключить, сколько нужно было труда, знанія энергіи и любви къ дѣлу, чтобы внести такой неоцѣнимый вкладъ въ исторію нашей «классической» литературы, которую мы еще такъ мало, сравнительно, знаемъ и которую почти совершенно заслонили предъ нами позднѣйшія схоластическія мизерности и хитроумная мелкота. Во всякомъ случаѣ, кто дорожитъ нашей древней, такъ сказать, органической письменностью, тотъ несомнѣнно скажетъ искреннее спасибо г. Буберу, этому неутомимому обогатителю нашей литературы при помощи тщательно собираемыхъ и критически разрабатываемыхъ манускриптовъ.

Digitized by Google

3) **Шире Ціонъ** (Пѣсни Сіона). Стихотворенія Рижскаго раввина А. Л. Пумпянскаго. Вильна 1884.

Ширимъ шелъ игоимъ, т. е. Критическія Поэмы. Варшава, 1884.

Авторъ принадлежитъ къ школѣ стихотворцевъ, которая зародилась и развилась подъ вліяніемъ А. Б. Лебенсона. Г. Пумпянскій—одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ нашихъ блаженной памяти раввинскихъ институтовъ, слѣдовательно, его пребываніе въ раввинскомъ училищѣ относится къ тому времени, когда институты эти, вѣрные моменту своего возникновенія, внушали своимъ воспитанникамъ любовь къ просвѣщенію и желаніе бороться за это просвѣщеніе, права котораго тогда еще столь многими оспаривались. Какъ извѣстно, этой же идеей, т. е. идеей борьбы за просвѣщеніе и чаяніемъ въ немъ всяческихъ благъ для еврейства, былъ воодушевленъ въ то время и другой факторъ культурной народной жизни—еврейская литература; весьма естественно поэтому, что эти два борца за одну и ту же мысль—образованная молодежь и новоеврейская литература — сошлись и шли рука объ руку къ общей завѣтной цѣли. Вотъ почему среди молодыхъ раввиновъ той эпохи встрѣчается такъ много лицъ, пріобрѣвшихъ имя въ еврейской литературѣ и отчасти даже упрочившихъ за собою это имя; и вотъ почему въ произведеніяхъ этихъ писателей мы находимъ обыкновенно полное отраженіе того періода со всѣми его увлеченіями, порывами, со всѣмъ его броженіемъ, со всѣми смутными, но пріятными утренними снами пробуждающагося народнаго сознанія. Такимъ характеромъ проникнуты и лежащія предъ нами стихотворенія г. Пумпянскаго. Почти все въ нихъ носитъ какой-то юношескій, розовый оттѣнокъ. У г. Пумпянскаго много стихотвореній на библейскія темы. Но это не тотъ критически-анализирующій и при всемъ томъ поэтически-цѣльный взглядъ на библейскія лица и событія, какой проявляется въ немногихъ произведеніяхъ на библійскія темы у Л. О. Гордона; это не нѣжно-чарующіе, полные поэтической прелести и какой-то тихой гармонической торжественности библейскіе мотивы г. Фруга, это какіе-то слащавые звуки, порой просто благочестивыя, гуманныя размышленія, вызванныя въ авторѣ библей-

Digitized by Google

скими разсказами, поученіями, параболами и метафорами. Вспыхивающая тамъ и сямъ поэтическая искра скоро потухаетъ подъ балластомъ гомилетическихъ и антологическихъ тенденцій, не чуждыхъ иногда и сильныхъ натяжекъ.—Болѣе искреннимъ чувствомъ проникнуты лирическія произведенія г. Пумпянскаго, носящія у него общее заглавіе דברי שיר; но они тоже не могутъ похвастать разнообразіемъ мотивовъ, богатствомъ и глубиной мысли. Большей частью они вызваны видами окружающей природы, возбуждающей элегическія вспышки въ душѣ автора, но именно только вспышки. Однимъ изъ лучшихъ стихотвореній въ сборникѣ слѣдуетъ несомнѣнно признать ארבע תקופות השנה; но авторъ среди описаній засухи, описаній довольно живыхъ и правдивыхъ, совершенно напрасно втиснулъ патріотическія строчки:

גם לך ישראל מה צר לך בקרץ:
הרעב אחוך ויסרוץ בך סרץ

Эта вставка, плоская по замыслу и убогая по изложенію, къ тому же сильно вредитъ цѣльности впечатлѣнія и является, такимъ образомъ, рѣзкимъ, непріятнымъ диссонансомъ.

Въ сборникѣ есть также изрядное количество переводныхъ стиховъ Пушкина, Лермонтова, Тютчева и др. Вообще, ихъ слѣдуетъ назвать довольно удачными. Особенно удался г. Пумпянскому вольный переводъ чудеснаго произведенія Лермонтова «Мцыри»; совершенно неудавшимся слѣдуетъ за то признать переводъ пушкинскаго «Поэта».

По отношенію къ языку и стилистическимъ пріемамъ г. Пумпянскій вполнѣ является ученикомъ своего учителя — Лебенсона. Языкъ его стиховъ отмѣнно правильный; грамматическія трудности имѣютъ для г. Пумпянскаго даже нѣчто заманчивое. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаются у него выраженія, которыя едва-ли соотвѣтствуютъ духу еврейскаго языка. Таковы, напримѣръ, בתהום הרקיע (стр. 40), далѣе נשמות עשבותן (стр. 48); בנחת תשבע (стр. 69) и др. Весьма жесткимъ выраженіемъ слѣдуетъ считать также: צללו רומה כרו למו אזנים. Въ сборникѣ находятся также двѣ довольно удачныя шутки надъ нѣкоторыми неправильностями, вкравшимися и получившими отъ долгаго употребленія право гражданства въ произведеніяхъ преимущественно посредственныхъ еврейскихъ поэтовъ и писателей.

Digitized by Google

Совершенно другимъ характеромъ отличаются четыре стихотворенія, носящія общее заглавіе שירים של מנעים и принадлежащія перу г. Бенъ-Эстеръ (псевдонима). Это настоящіе бытовые очерки въ полномъ смыслѣ этого слова. Всѣ четыре стихотворенія имѣютъ своимъ содержаніемъ разныя безурядицы нашей народной и общественной жизни, притомъ безурядицы столь обычныя, что именно благодаря своей обыденности, онѣ рѣдко привлекаютъ чье нибудь вниманіе. Тутъ почти нѣтъ рѣзко выдающихся чертъ фанатизма, суевѣрія, сословныхъ предразсудковъ, вызывающихъ обыкновенно тѣ или другія ненормальности въ жизни той среды, гдѣ онѣ преобладаютъ, а есть только отжившій свой вѣкъ строй жизни и понятій, есть сложившаяся и сильно сплотившаяся рутина семейныхъ, народныхъ, религіозныхъ понятій и обычаевъ, заставляющихъ людей дѣйствовать не вслѣдствіе особенно дурныхъ побужденій и наклонностей, а потому, что они сами не знаютъ, что творятъ, потому, что такъ поступали ихъ отцы и дѣды споконъ вѣку. Первое стихотвореніе, подъ заглавіемъ בת בנים, изображаетъ совершенно обычное у насъ явленіе, не рѣдкое, можетъ быть, и въ другой средѣ, но принимающее у насъ, благодаря исключительнымъ особенностямъ и условіямъ нашей бытовой жизни, особенно рѣзкій характеръ. Авторъ вводитъ насъ на свадебный пиръ, но свадьба какая-то особенная: балдахина не распростерли подъ открытымъ небомъ; не слышно ни трелей кантора, ни звука скрипки, ни громкихъ криковъ свадебнаго шута, вообще вовсе нѣтъ того шума и гама, безъ которыхъ еврейская свадьба совершенно немыслима. Да и балдахинъ какой-то странный, а выбрали для него мѣсто какъ разъ около печки. Что за притча? Но дѣло въ томъ, поясняетъ авторъ, что тутъ не дѣвушка выходитъ за молодаго парня, а р. Моисей-Маленькій женится на вдовѣ Ханѣ. Жениху лѣтъ подъ шестьдесятъ—возрастъ не особенно цвѣтущій, но, кромѣ этого обилія лѣтъ, р. Моисей владѣетъ еще «лихой болѣстью», столь обычной между сидячими людьми, къ каковымъ до недавняго времени принадлежалъ и нашъ герой, занимавшійся благородной профессіею меламеда. Однако, болѣзнь приняла такіе размѣры, что даже меламедскихъ обязанностей р. Моисей не могъ больше исполнять. Времена настали плохія, тѣмъ болѣе, что еще ранѣе этого отправилась «въ путь всего земного»

Digitized by Google

ретивая жена р. Моисея, не жалѣвшая тяжелыхъ трудовъ, чтобы поддерживать тѣло ея ученаго мужа. При такихъ обстоятельствахъ р. Моисею ничего не осталось, кромѣ вторичной женитьбы—для поправленія своихъ дѣлъ. Готовыя ко всѣмъ услугамъ свахи уже подъискали было для р. Моисея «подходящую вещь» въ лицѣ одной зажиточной старухи, желавшей усладить закатъ своихъ дней сожительствомъ съ такимъ благочестивымъ мужемъ; но не тутъ-то было. Р. Моисей объявилъ, что онъ женится только на молодой, «дѣтеспособной». А доводъ былъ у р. Моисея отмѣнно вѣсскій. Р. Моисей хотя и имѣлъ мужеское потомство, но женскаго у него не было, а р. Моисей не изъ тѣхъ, совѣсть которыхъ можетъ успокоиться на такомъ легкомъ отношеніи къ заповѣди о продолженіи рода. Нѣтъ, р. Моисей твердо рѣшилъ жениться на молодой; ну, а чего не достигнетъ человѣкъ съ такими драгоцѣнными качествами, какъ р. Моисей? Нашлась, конечно, молодая, которая не устояла противъ обаянія нашего героя, отдала ему свое сердце, а, главное, свои рабочія руки, да и надежду р. Моисея она блистательно оправдала, родивъ ему дочь, которая — увы! — однако, стоила бѣдной Ханѣ ея собственной жизни. Р. Моисей опять остался вдовцомъ, а маленькая дочь его осталась сиротой; р. Моисей, со смертью своей единственной поддержки, живетъ на счетъ благочестивыхъ женщинъ, никогда не отказывающихся «собирать» для такихъ достойныхъ людей. Но думаетъ-ли р. Моисей о томъ, что будетъ съ его несчастной сиротой послѣ его смерти, которая не сегодня—завтра закроетъ ему очи? Озабоченъ-ли онъ мыслями о томъ, какія невзгоды, униженія, какая жестокая нужда, какое холодное презрѣніе чужихъ ожидаетъ это невинное дитя, которое въ своей невинности и не имѣетъ еще понятія о адѣ, ждущемъ его впереди? О, нѣтъ, р. Моисей доволенъ, что онъ свой долгъ исполнилъ, что онъ на томъ свѣтѣ предстанетъ предъ своихъ судей безъ всякаго изъяна на его щекотливыхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. А о дочери добрые люди позаботятся.

Сюжетъ втораго стихотворенія, носящаго заглавіе מעות מרה, представляетъ опять весьма нерѣдкое явленіе, хотя по сути своей не типично еврейское. Городокъ N въ большомъ волненіи, всѣ слои его населенія, не исключая и благочестивыхъ

Digitized by Google

обитателей бетъ-гамидраша, живо и горячо о чемъ-то трактуютъ. Что же, однако, такъ всполошило мирныхъ жителей этого вѣчно спокойнаго болота? Положимъ, что богачъ р. Тодросъ выдаетъ замужъ свою дочь, а это для города историческое событіе; но вѣдь это событіе радостное, какой же смыслъ имѣютъ тутъ этотъ таинственный шопотъ, эти странные толки, эти вопросительныя физіономіи? Но дѣло въ томъ, что свадьба-то не совсѣмъ, повидимому, обыкновенная. Хотя р. Тодросъ и показываетъ видъ, что онъ очень доволенъ собою—мало того, онъ противъ своего обыкновенія вспомнилъ даже о бѣдныхъ и устроилъ для нихъ отдѣльно пиръ, на которомъ онъ, гордый, неприступный р. Тодросъ, сидѣлъ за столомъ рядомъ съ оборванцемъ Нахманомъ и съ прокаженнымъ Нафтали, и послѣ пира дошелъ даже до того, что пошелъ въ плясъ съ хромымъ Пейсахомъ; но тѣмъ не менѣе, всѣ убѣждены, что тутъ что нибудь не ладно: не даромъ же невѣста по цѣлымъ днямъ плачетъ, не даромъ никто еще со времени обрученія не видалъ веселой мины на ея лицѣ. Что-же, недовольна она женихомъ? Или, можетъ быть, другой успѣлъ завоевать ея сердце и составляетъ теперь предметъ ея тайной тоски и страданій? Нѣтъ, бѣдная дѣвушка мучится чѣмъ-то совершенно другимъ; она съ дѣтства страдаетъ упорной, злокачественной эпилепсіею. Чѣмъ больше она подростала, тѣмъ старательнѣе, «домашняя дипломатія» прятала этотъ «изъянъ» будущей невѣсты отъ глазъ постороннихъ. Наконецъ, этой дипломатіи удается совершенно достичь своей цѣли: женихъ подцѣпленъ, и женихъ даже выгодный. Нѣжные родители и родственники невѣсты въ восторгѣ отъ того, что они, послѣ столь долгихъ и утомительныхъ стараній, наконецъ у пристани; только сама невѣста не раздѣляетъ этой общей радости; къ ея постоянному и упорному несчастью присоединилось новое тяжелое горе: надъ ея непорочной душой страшной тяжестью лежитъ этотъ низкій, коварный обманъ, который она совершаетъ въ отношеніи своего будущаго мужа, съ полнымъ довѣріемъ несущаго ей на встрѣчу свою молодую жизнь, свое цвѣтущее здоровье. И предчувствія ея, конечно, ее не обманули. Молодой мужъ, полный ужаса предъ загадочной для него болѣзнью, бросаетъ свою молодую жену, и она опять остается одинокой, покинутой, только еще съ свинцо-

Digitized by Google

вымъ, мрачнымъ и безъисходнымъ горемъ на удрученной душѣ и съ убійственнымъ сознаніемъ, что она предоставлена подлому, до смерти обидному сожалѣнію кумушекъ и всякихъ праздныхъ языковъ.

Въ третьемъ и четвертомъ стихотвореніяхъ наше сочувствіе возбуждаютъ двѣ женщины, которыя обѣ становятся жертвами господствующихъ въ обществѣ предразсудковъ, одна — безпочвеннаго чванства, а другая — религіознаго умопомраченія, искусной рукой произведеннаго тѣмъ, кому это показалось выгоднымъ для кармана. Дочь обѣднѣвшаго р. Ноаха, отличающаяся многими физическими и нравственными достоинствами, могла бы, конечно, выйти замужъ за хорошаго, честнаго ремесленника, и прожить съ нимъ свой вѣкъ спокойно и въ достаткѣ. Но мѣшаетъ праздная кичливость отца, которая вѣдь не можетъ допустить, чтобы дочь лица, еще недавно бывшаго первымъ богачемъ въ городѣ, вышла за человѣка, работающаго молотомъ или ножницами. Къ тому же, отецъ обѣднѣлъ такъ радикально, что кромѣ своей поблекшей знатности не можетъ дать своей дочери никакого приданаго. И вотъ, среди такихъ критическихъ обстоятельствъ, подвернулся Мефистофель въ образѣ свата, который нашелъ исходъ: по его, какъ онъ увѣряетъ, совершенно безкорыстному мнѣнію, для дочери нашего ex-богача лучше всего было-бы выйти за сынка дѣйствительнаго богача, грубаго, неотесаннаго выскочки, который сочтетъ для себя честью породниться съ знатнымъ родомъ и женить своего сына на красавицѣ. Нужды нѣтъ, что сынокъ этотъ—какой-то дикій кабанъ въ образѣ человѣческомъ, что онъ уже уморилъ одну жену и свелъ ее въ могилу, что весь городъ только и говоритъ, что о его дикомъ самодурствѣ: дѣвушка знаетъ, что ея отцу нужна эта жертва, и она, обливаясь горючими слезами, соглашается выйти за безшабашнаго забулдыгу, чтобы доставить отцу «утѣшеніе»—видѣть свою дочь томящеюся въ золотыхъ цѣпяхъ. Конечно, тутъ не обошлось безъ всякаго рода спасительныхъ аргументовъ, которые домашняя политика всегда имѣетъ на-готовѣ, въ родѣ: остепенится, за умъ возьмется, жена повліяетъ, стерпится—слюбится и т. п. Во всякомъ случаѣ, молодое счастье принесено въ жертву, и ради чего?—ради пустѣйшаго тщеславія и недомыслія.

Digitized by Google

Этому-же, да еще вдобавокъ любостяжанію благочестиваго цадика, принесено въ жертву счастье другой женщины, героини четвертаго очерка нашего автора. Анна весьма счастлива съ своимъ мужемъ Элканомъ; а судьба ихъ тоже не обидѣла земными благами, такъ что жизнь ихъ потекла-бы тихимъ, свѣтлымъ и чистымъ ручейкомъ, если-бы ихъ тихая любовь и семейное счастье были благословлены потомствомъ. Но у нашей счастливой четы не было дѣтей—вотъ почему прекрасное чело Анны такъ часто заволакивается тайной грустью, вотъ почему изъ ея сердца такъ часто вырываются глубокіе вздохи, особенно при видѣ дѣтей, которыхъ она такъ любитъ. Однако искренняя любовь и глубокая привязанность супруговъ доставили бы имъ утѣшеніе въ общемъ ихъ горѣ, если бы не н—скій цадикъ, око котораго бдитъ надъ всѣмъ его стадомъ и въ томъ числѣ надъ бѣдной овцой — Элканомъ, и который, какъ вѣрный, преданный пастырь, не любитъ бездѣтства въ своемъ стадѣ. Въ самомъ дѣлѣ, поясняетъ авторъ, что за прокъ цадику отъ бездѣтныхъ хасидовъ? Чего отъ нихъ ожидать въ будущемъ? И вотъ цадикъ взялся урезонивать своего Элкана, что еврею не подобаетъ оставаться безъ потомства и что если Анна не отвѣчаетъ цѣлямъ еврея, дорожащаго надлежащимъ исполненіемъ первой заповѣди — то земля не клиномъ сошлась, и среди дщерей благочестивой паствы, безъ сомнѣнія, не мало найдется совершенно исправныхъ въ этомъ отношеніи. Элканъ, горячо любившій свою жену, обыкновенно уклонялся отъ увѣщеваній цадика, и все оставалось по прежнему. Но однажды духовный отецъ такъ настойчиво и неотступно требовалъ отъ Элкана рѣшительнаго шага, въ такихъ мрачныхъ картинахъ рисовалъ ему положеніе грѣшниковъ, уклоняющихся отъ исполненія важнѣйшей заповѣди и неисполняющихъ велѣній святыхъ цадиковъ, намѣстниковъ Бога на землѣ, что по возвращеніи домой Элканъ сообщилъ женѣ о своемъ рѣшеніи—развестись съ ней. Молодая женщина какъ громомъ поражена; главная нить ея жизни разомъ оборвалась, да и у мужа кошки на душѣ скребутъ; но вѣдь на то воля цадика, противъ которой смертный, какъ извѣстно, безсиленъ. Мужъ, скрѣпя сердце, произнесъ роковое слово; жена, подавляя слезы, покорилась волѣ Божьей, возвѣщенной устами цадика, и разводъ состоялся. Однако, и цадикъ

Digitized by Google

обманулся въ своемъ расчетѣ: Элканъ хотя и женился на другой, но все-таки остался бездѣтнымъ; за то жена его, вышедши за другого мужа, произвела на свѣтъ многочисленное потомство; но—увы!—ея второй мужъ оказался поклонникомъ другого цадика, который такимъ образомъ пожиналъ всѣ плоды, съ такимъ трудомъ посѣянные его соперникомъ и конкуррентомъ.

Читатель видитъ, что всѣ четыре сюжета совершенно не затѣйливы и затрогиваютъ тѣ стороны нашей жизни, которыя столько разъ служили уже темой для всякаго рода бытовыхъ очерковъ и эскизовъ. Тѣмъ не менѣе, четыре произведенія г. Бенъ Эстера прочтутся съ интересомъ всѣми, кто въ подобныхъ очеркахъ дорожитъ вѣрно и талантливо подобранными деталями и вообще характерными аксессурами. Собственно говоря, въ этихъ аксессуарахъ и вся сила нашего автора. Онъ беретъ ихъ изъ самой глубины, такъ сказать изъ водоворота народной жизни и нерѣдко двумя-тремя штрихами очерчиваетъ цѣлое бытовое явленіе, для чего нужно, во первыхъ, знать жизнь народа, по крайней мѣрѣ, жизнь данной среды, вдоль и поперегъ; во вторыхъ, имѣть недюжинный даръ наблюденія. Г. Бенъ-Эстеръ—недурной юмористъ; его юморъ рѣдко переходитъ за предѣлы художественной объективности, чѣмъ такъ часто грѣшитъ большинство еврейскихъ сатириковъ и юмористовъ. Онъ не обрушивается на извѣстную категорію лицъ, а рисуетъ цѣлый складъ жизни съ его безурядицами, гдѣ люди другъ друга не понимаютъ, и даже люди, въ сущности вовсе не злые, вредятъ другимъ и отравляютъ имъ жизнь не вслѣдствіе злобы и вражды, а по тупому отношенію къ сложившейся рутинѣ, по непривычкѣ шевелить мозгами. Они безсильно барахтаются подъ толстымъ слоемъ плесени и сами увеличиваютъ этотъ слой и ревниво оберегаютъ его.—Языкъ г. Бенъ-Эстера не чисто еврейскій, а смѣшанный преимущественно съ талмудическими выраженіями, что уже пріобрѣло себѣ право гражданства въ нашей литературѣ съ легкой руки Л. О. Гордона, положившаго начало этому стилю въ своихъ сатирическихъ басняхъ. Кромѣ того, у г. Бенъ-Эстера тамъ и сямъ мелькаютъ чисто народныя выраженія, довольно удачно передаваемыя имъ на еврейскомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, попытка г. Бенъ-Эстера писать въ стихахъ чисто бытовые юмористическіе очерки

Digitized by Google

заслуживаетъ продолженія и подражанія. Мы такъ долго остановились на этихъ очеркахъ именно потому, что они являются почти первой попыткой писать въ этомъ жанрѣ, и хотя, конечно, какъ первый опытъ, нуждаются въ нѣсколько снисходительномъ къ себѣ отношеніи, тѣмъ не менѣе, по своему качеству должны поощрять къ другимъ попыткамъ въ томъ же благодарномъ родѣ. Народная еврейская жизнь—еще непочатое поле для подобныхъ очерковъ и сатирическихъ эскизовъ.

К.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. РАСПОРЯЖЕНІЕ УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ 3-го іюня 1885 г. 1

II. НА СМЕРТЬ МОНТЕФІОРЕ. Стихотвореніе **С. Г. Фруга**. 3

III. ЭЛЬ МОЛЕ РАХМИМЪ. Разсказъ въ стихахъ. (Изъ Гомулицкаго). **П. И. Познякова**. 3

IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РИЖСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ. Періодъ второй. Гл. XIV—XVIII. **Р**. 10

V. НА ВОДАХЪ. (Продолженіе). **П. Я. Левенсона**. 36

VI. ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА. Изъ книги «Reflexions sur le Juifs.» Ис. Лёба. (Окончаніе). **Э. В**. 56

VII. ГНѢВЪ И МИЛОСТЬ МАГНАТА. Несвижская быль XVIII столѣтія. Гл. V—VIII. **Л. О. Леванды** 92

VIII. ПОЭТЪ И КУПЕЦЪ. Романъ *Бертольда Ауэрбаха*. Гл. IX—XIV. (Продолженіе). Переводъ **Петра Вейнберга** 114

IX. КОГДА ВЪ ТИШИ НОЧНОЙ... Стихотвореніе. **С. Варгафтига**. . 156

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

X. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ:

1) Die jüdische Stammverschiedenheit, ihr Einfluss auf die innere und äussere Entwickelung des Judenthums, von *Heinrich Mosler*. Leipzig, 1884.

2) *Midrasch Tanchuma*, ein agadischer Commentar zum Pentateuch von Rabbi Tanchuma ben Rabbi Abba. Zum ersten Male nach Handschriften aus den Bibliotheken zu Oxford, Rom, Parma und München herausgegeben. Kritisch berarbeitet, commentirt und mit einer ausführlichen Einleitung versehen, *von Solomon Buber* in Lemberg. Wilna, 1885.

3) *Шире Ціонъ* (Пѣсни Сіона). Стихотвореніе Рижскаго раввина А. Л. Пумпянскаго. Вильна, 1884. *Ширимъ шелъ тоимъ*, т. е. критическія поэмы. Варшава, 1884. 1

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ продолженіе романа „На пути“ отложено до слѣдующей книги.

Digitized by Google

Digitized by Google

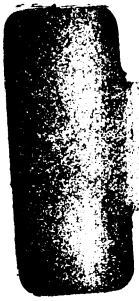
Digitized by Google

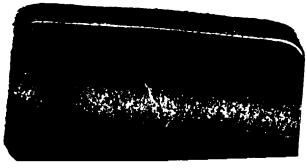
Digitized by Google

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
JUL 25 1984
JUN 7 '77 H

WIDENER
BOOK DUE
NOV 14 '84
JUL 26 1984





Digitized by Google